Макаров Н.П.

Извлечения
и выдержки
из моих воспо-
минаний

КО ВСЕЙ ЧИТАЮЩЕЙ РУССКОЙ ПУБЛИКѢ.

«Amicus Plato, sed magis amica veritas».
(Хлѣбъ соль ѣшь, а правду матушку рѣжь).

Въ декабрѣ 1859 года былъ помѣщенъ въ *Современникѣ* мой первый литературный трудъ, подъ заглавіемъ *Задушевная Исповѣдь*. Я часто видался тогда съ покойнымъ Некрасовымъ. Вскорѣ по выходѣ декабрской книжки его журнала, былъ я у Николая Алексѣевича, у котораго, на ту пору, собралось нѣсколько его сотрудниковъ. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ тогда:

— Г. Макаровъ! Вы купили право, чтобы вѣрили каждому вашему слову. Въ вашей «Задушевной Исповѣди» *каждая строка дышетъ правдою*, для которой вы себя не щадите. *Если есть теперь простяки, которые, объ одномъ изъ героевъ вашей грустной повѣсти, думаютъ, что онъ хорошій, добрый человѣкъ, то врядъ ли такіе найдутся послѣ прочтенія вашей исповѣди* (sic).

Да! Ни тогда, ни до того, ни послѣ того, я никогда, ни въ чемъ, ни единымъ словомъ не измѣнялъ правдѣ, которую чтилъ и любилъ, и продолжаю любить до фанатизма, хотя много разъ я страдалъ и очень дорого платился за нее, и нравственно, и матеріяльно. И теперь, отдавая въ печать *Мои Воспоминанія*, я завѣряю честью, что все, что въ нихъ находится, все это — самая святая правда, говоря объективно, на столь правда, на сколько справедливо все то, что я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣры; говоря же субъективно, т. е. о себѣ самомъ, то все, что говорю — *безусловная правда, ни единой фразы выдуманной*, относительно сущности событій и разговоровъ. А только придана поэтическая форма описанію нѣкоторыхъ сценъ въ 6-й книгѣ «Воспоминаній» *(Потерянный рай)*. Чтоже до 5 книги *(Зловѣщая комета)*, то главныя событія всѣ вѣрны; а только герои той были (названной романомъ) носятъ псевдонимы, и мѣстности событій не тѣ, что показаны въ романѣ, а другія. Но объ этомъ скажу ниже, въ своемъ мѣстѣ. И такъ всѣ лица и событія, объективно описанныя мною, исторически и фотографически вѣрны. Опять таки на столько, на сколько вѣрны мѣстныя преданія и разсказы честныхъ людей. Фотографически вѣрны даже тѣ субъективные очерки, которые написаны въ юмористическомъ тонѣ. Нѣтъ ни единой черты сочиненной, выдуманной мною. Я началъ уже восьмой десятокъ лѣтъ. Поздно учиться лгать, или хоть прилыгать тому, кто одной ногой стоитъ въ могилѣ, и послѣ того какъ онъ, въ продолженіи всей своей жизни, и говорилъ,

и писалъ всегда одну голую правду и часто въ явный и громадный ущербъ своему матеріяльному, а порою и душевному благосостоянію и даже покою. Бо̀льшая часть этихъ *Воспоминаній* написаны еще въ 1861 году; а часть — въ нынѣшнемъ, что и обозначено въ выноскахъ. Поэтому нѣкоторыя утвержденія и аллюзіи могутъ казаться теперь анахронизмами.

Думалъ ли, ожидалъ ли я тогда, слушая симпатическій отзывъ покойнаго поэта о моей «*Задушевной Исповѣди*», что вскорѣ послѣ того я сдѣлаюсь предметомъ ожесточеннаго гоненія; что начнутъ глумиться надо мною, казнить, распинать меня за эту «Исповѣдь» въ большей части тогдашней періодической прессы, и въ продолженіи многихъ лѣтъ?... Видно таковъ удѣлъ всякой смѣлой правды, въ особенности той, которая «глаза колетъ» любимцамъ, баловнямъ слѣпой фортуны, откуда бы они не выползли: изъ чертоговъ ли, изъ лабазовъ ли, изъ питейнаго ли дома, лишь бы окончили свое поприще обладаніемъ милліонами, многоэтажными домами, дачами и картинными галлереями. Всемогуща, всечествуема Мамона, была и есть. Много, масса правды сожигается ежедневно, въ честь ея, на золотыхъ ея жертвенникахъ, на этихъ современныхъ аутодафе плутократической Инквизиціи...... Всегда ли будетъ ей, Мамонѣ, такая честь? Будутъ ли позднѣе оказывать ей, Мамонѣ, болѣе почета или менѣе? Съумѣютъ ли еще подлѣе раболѣпствовать и ползать передъ ея, Мамоны, золотымъ изваяніемъ, и даже передъ ея верховными жрецами; ползать къ стыду, къ позору нашего времени и современнаго общества и въ ущербъ правдѣ, справедливости, частному и общему благу; въ насмѣшку надъ совѣстью, честью и честностью; въ явное и наглое издѣвательство надъ законами и властями, даже сильными? Всегда ли будетъ такъ, или нѣтъ? Это — вопросъ будущаго. Прошедшее не утѣшительно, настоящее — еще менѣе; надежда на лучшее пока — въ могилѣ, въ забвеніи......

Итакъ: пусть эти «Воспоминанія» будутъ моей послѣднею, «предсмертною» исповѣдью, моею «аппеляціонною жалобою въ Судъ общественнаго мнѣнія». Пусть этотъ нелицепріятный верховный судъ отвѣтитъ, по чистой совѣсти, положа руку на сердцѣ, на слѣдующіе два вопроса:

«Кто виноватъ и кто правъ изъ двухъ главныхъ героевъ «Задушевной Исповѣди»?

«Точно ли я такъ дуренъ, такъ бездаренъ, такъ неспособенъ ни къ чему хорошему, полезному, какъ выставляла меня тогдашняя пресса въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, бросая въ меня зубоскальнѣйшія насмѣшки и обвиненія чуть не въ башибузукствѣ, чуть не въ антропофагіи; словомъ: ставили меня на одну доску съ самыми непочетными, ошиканными, оплеванными именами и выставляли на показъ и на по-

смѣшище въ самомъ некрасивомъ, безобразномъ видѣ; не побоялись даже заподозрить мое безкорыстіе и бросить грязную тѣнь на мое честное имя своими нечестными, грязными инсинуаціями. И все это за мою «Задушевную Исповѣдь». Помню, какъ, между прочимъ, одинъ изъ тогдашнихъ зубоскаловъ, ломившихся въ остроумники, помѣстилъ меня въ «Искрѣ» (№ 15, 1860 г.). «Между мѣднымъ носорогомъ и оловяннымъ осломъ», въ видѣ «тюленя, набитаго соломой, играющаго на гитарѣ фантазію Г. Макарова?....» А другой, уже умершій, зубоскалъ, въ газетѣ, тоже умершей, выразился обо мнѣ такъ: «Мы не гитаристы, не можемъ судить объ игрѣ Г. Макарова. Въ нашемъ околоткѣ одинъ только сосѣдъ Еремѣевъ играетъ на гитарѣ, *да его Ванька русскія пѣсни безъ нотъ валяетъ.....»* Итакъ озубоскалили даже мою невинную, никому не вредящую страсть къ гитарѣ, поставя меня на одну доску съ какимъ-то *Ванькой*, забывъ при этомъ ту стереотипную истину, что любитель, дающій слышать себя въ концертѣ не ради своей, какъ артистъ по ремеслу, пользы, а для благотворительнаго дѣла, не подлежитъ критикѣ, особенно зубоскальной, точно также, какъ не подлежитъ хулѣ труженикъ за то, что изъ своего недостатка, онъ пожертвовалъ на доброе дѣло только одинъ рубль, а не тысячу, какъ какой нибудь банкиръ-милліонеръ.

Но это еще цвѣточки. Въ одномъ толстомъ журналѣ сравнивали меня съ печальной памятью издателемъ «Домашней Бесѣды», пользовавшимся въ то время самой непочетной репутаціей. И съ кѣмъ только не сравнивали меня тогда. А за что же? За поединокъ на ружьяхъ? Такъ это было увлеченіе, а не безчестный поступокъ. За хлыстъ и развратную клеветницу? Это была вспышка, а не безчестье. Оглянитесь-ка лучше на себя, такъ выйдетъ изъ васъ почище десяти Аскоченскихъ, вмѣстѣ взятыхъ, т. е. изъ нѣкоторыхъ изъ васъ. А въ другомъ тоже толстомъ журналѣ были посвящены мнѣ три статьи съ ругательствами, цензурными, конечно, между которыми находились такія любезности, обращенныя прямо къ моей личности: «необразованный, несмыслимо-заносчивый, невообразимо нахальный *авторъ* (все это я) *заслуживаетъ медицинское пособіе»*. Наконецъ тотъ же толстый журналъ объявилъ окончательно безъ аппеляціи, что мои произведенія «ниже всякой посредственности, и потому *нисколько не стыдно* унижать, ругать ихъ вмѣстѣ съ ихъ авторомъ». Вотъ какъ честила меня тогдашняя журнальная братія. Но всего здѣсь не перескажешь. Приведу еще образчикъ безсовѣстной и наглой клеветы критика-ругателя вышесказаннаго толстаго журнала (Русск. Слова). Выхвативъ изъ *Самодуровъ* одну фразу, безъ предъидущаго и послѣдующаго, онъ говоритъ: «А вотъ по части чувствъ автора (т. е. моихъ): *За малѣйшее оскорбленіе моего*

самолюбія я буду мстить здѣсь до гроба, и даже Тамъ, за гробомъ. А говорилъ это не авторъ, не я, а Шельменко, одинъ изъ героевъ романа. Громиловъ же (т. е. я) говорилъ вотъ что: «Моя единственная манера мстить: *за добро добромъ, а за зло — тоже добромъ; другой манеры я не знаю»*. Какова передержка! достойная наиловчайшаго и величайшаго шулера-мошенника. А вотъ и еще образчикъ бестыжаго лганья критика, который началъ и окончилъ ложью свою рецензію-пасквиль. Сперва вышелъ первый томъ *Самодуровъ* (244 страницы), а второй немного позднѣе (366 стр.). А между тѣмъ критикъ говоритъ: «Каково! 2 р. 50 коп. за 244 страницы»! Не за 244, а за 661 стр., г. критикъ и *плясунъ на сковородѣ*» отвѣчалъ я тогда облыжному критику. А propos de сковорода. Какъ вѣнецъ вполнѣ достойный г. критика, въ концѣ его рецензіи, находилось признаніе, чрезвычайно наивное и курьезное, чтобы не сказать болѣе. Вотъ оно слово въ слово:

«Я самъ это сознаю и пишу только потому, что я самъ — лицо *подначальное*; что *намъ велятъ писать*, то мы и пишемъ; чего *не велятъ писать*, того не пишемъ; бьемся какъ рыба объ ледъ, *пляшемъ какъ карасъ на сковородѣ*.

Стало быть г. критику и *плясуну на сковородѣ*, по приказанію и для потѣхи своего начальника (фамилію его позабылъ я; кажется что-то въ родѣ Зломракова, не могу сказать навѣрное), приказано было разругать мою книгу. *Со словомъ должно обращаться честно*, сказалъ Гоголь; редакція Рус. Слова поступала на оборотъ. Но всего здѣсь не перескажешь. Для этого потребовалось бы много страницъ. Сверхъ того, въ концѣ Задушевной Исповѣди предвидѣлось мое раззореніе и возможность отправиться ad patres. Стало быть при этомъ даже была позабыта пословица: «Лежачаго не бьютъ». Поэтому, если пословица *Лежачаго не бьютъ* сочинена въ Россіи, то и обычай *бить лежачаго* составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ россіянина и наемнаго писаки-ругателя.

И среди этого злораднаго, дикаго рева и неистовыхъ рычаній ни одного голоса въ мою защиту, ни единаго сочувственнаго мнѣ звука. А подъ конецъ этой безсовѣстной и безчеловѣчной человѣческой травли, въ тогдашнемъ книжномъ и журнальномъ мірѣ стали обѣгать меня, словно зачумленнаго, заградили мнѣ уста и закрыли всѣ пути, захлопнули всѣ калитки къ печатному слову періодической прессы; словомъ: порѣшили похѣрить меня, ну и похѣрили. Отнявъ у меня всякую надежду на правдивый, безпристрастный судъ и на какой бы то ни было успѣхъ, надѣвъ тяжелыя путы на мое воображеніе и вдохновеніе, едва не убили во мнѣ окончательно любовь къ дѣлу и энергію всякаго труда; чуть не обезплодили навсегда жажду полезной дѣятельности..... Даже и послѣ того, нѣсколько лѣтъ спустя, когда нечеловѣческимъ усиліемъ удалось

мнѣ высвободиться изъ напущеннаго на меня умственнаго столбняка и стряхнуть съ себя всемертвящую апатію; когда, спѣша наверстать загубленное время, я, въ самый короткій срокъ, задумалъ и исполнилъ изданіе моего перваго лексикографическаго труда («Полный Русско-Французскій Словарь»); даже и тогда, кромѣ двухъ, трехъ органовъ прессы, отозвавшихся сочувственно объ этомъ трудѣ, всѣ остальные хранили гробовое молчаніе, или упоминали вскользь, «для блезиру», какъ обыкновенно упоминаютъ о книженкѣ, обрекаемой на толкучку и на обертки. А въ одной большой газетѣ пытались даже, хоть и неумѣло, умалить, такъ сказать «обмизерить» мой трудъ. О поощреніи къ дальнѣйшей полезной дѣятельности не было и помину, и не заикнулись, за исключеніемъ одной газеты, гдѣ сказали, что не мѣшало бы мнѣ дополнить мой трудъ изданіемъ «Полнаго Французско-Русскаго Словаря». Послѣ этого, какъ не сказать:

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи».

Повторю вопросъ: всегда ли такъ непреодолимо будетъ обаяніе и плутократическое владычество Мамоны надъ міромъ, такъ всесильно на вѣсахъ правосудія извѣстной среды, а часто и цѣлаго общества, что они могутъ заставить чашу съ нѣсколькими золотниками ея, Мамоны, мишурныхъ доблестей и грошевыхъ заслугъ, перевѣсить другую чашу, на которую положено нѣсколько пудовъ чужой и немилой ей, Мамонѣ, правды?

Итакъ: хотя пресса первой половины шестидесятыхъ годовъ и порѣшила, что меня, какъ писателя и общественнаго дѣятеля, слѣдуетъ непремѣнно похѣрить (какая гуманная цѣль!), я все-таки, несмотря на это похѣриванье, сталъ чѣмъ нибудь, хоть и маленькимъ, но все же не совсѣмъ темнымъ человѣкомъ,—сталъ *лексикографомъ* и, кажется, не безъ пользы для *раціональной международной лексикографіи* и для образованнаго русскаго общества. Могу ли я претендовать теперь и на имя *писателя*, а не *бумаго-марателя*, пусть рѣшатъ этотъ вопросъ теперешніе читатели «Моихъ воспоминаній», и прежніе моей «Задушевной исповѣди», но рѣшатъ внѣ всякихъ тенденцій, эфемерныхъ теорій и увлеченій, безъ лицепріятія и безъ предубѣжденія противъ *не своего прихода*. Знаю только и смѣло утверждаю, что много, цѣлый міръ мыслей, чувствъ, идеаловъ роился и кипѣлъ въ моей душѣ и въ воображеніи лѣтъ двадцать тому назадъ. Сколько плановъ, программъ для разныхъ беллетристическихъ произведеній было набросано мною тогда! Много хорошаго сдѣлалъ и написалъ бы я, еслибы не убили меня тогдашняя злонамѣренная не критика, а брань, ругательство и зубоскальство. Не погрузились бы въ продолжительную летаргію и мой умъ, и воображеніе. И затѣмъ тяжесть лишнихъ двадцати лѣтъ безотрадной жизни, павшая на мои уже

не молодыя плечи, была удвоена ожесточенными нападками на меня журнальнаго міра, и потомъ ледянымъ, мертвящимъ равнодушіемъ и прессы, и публики къ моему первому лексикографическому труду.

Долго страдалъ я молча; долго неизбывныя горе, тоска, оскорбленія, обиды, раскаленнымъ камнемъ лежали на днѣ моей измученной души, жгли, рѣзали, рвали ее; но, въ настоящую минуту, чаша переполнена, горе рвется наружу и, съ несравненно большимъ правомъ, чѣмъ въ 1859 году, я повторю одинъ изъ эпиграфовъ «Задушевной Исповѣди» и теперешнихъ «Моихъ воспоминаній»:

Пусть будетъ пѣснь твоя дика какъ мой вѣнецъ
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ — теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти яда полный.

«Много, слишкомъ много обвиненій, жалобъ, стоновъ и слезъ», быть можетъ скажете вы, читатель, по прочтеніи этого вступленія. Да, много, очень много; а сколько еще будетъ ихъ въ остальныхъ книгахъ этихъ *Воспоминаній*. Тамъ цѣлыя страницы написаны слезами. И не разъ, а нѣсколько разъ возвышаю я голосъ съ обвиненіями противъ моихъ гонителей и мучителей. «Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Въ свое оправданіе я сдѣлаю параллель.

Представьте себѣ, что у васъ, или у кого изъ вашихъ знакомыхъ воруютъ, въ театрѣ или на гуляньи, кошелекъ съ 20-ю рублями. Вы сердитесь, и даже очень, и ужъ ни какъ не благодушничаете. Разсказываете объ этомъ непріятномъ казусѣ своимъ пріятелямъ, которые тоже не благодушничаютъ, а ругнутъ мазурика, вытащившаго у васъ кошелекъ съ 20-ю рублями. А если украдутъ у васъ 220 р.?... Это уже — событіе, эпоха въ жизни. А ужъ когда украдутъ 2,220 руб., вы пошевелите небо и землю. А между тѣмъ вамъ, быть можетъ, только 32, ну пожалуй и 42 года отъ роду. Стало быть много еще дней у васъ впереди, и вы успѣете вернуть свои 2,220 р. и съ лихвою.

А у меня-то, читатель, что пропало? 20 лѣтъ жизни украли у меня, 20 лѣтъ, которыя могъ бы я употребить съ величайшею пользою для общества, и съ величайшею честію для себя. И украли, разсѣяли на всѣ четыре стороны эти 20 лѣтъ; и сдѣлана эта святотатственная покража, если не со взломомъ, то съ пригодникомъ, когда мнѣ уже 72 года, и остается только сказать съ покойнымъ Губеромъ:

Я запѣлъ бы смѣло,
Да не та ужъ доля.
Уходилось тѣло,
Ослабѣла воля.

Не строки, и не страницы, а цѣлые томы жалобъ и проклятій такимъ ворамъ и за воровство того, чего никакіе банкиры, никакіе богачи-милліонеры не могутъ возвратить вамъ. Проклятія за гнусное убійство, за уничтоженіе того, чего ни одинъ властелинъ міра не можетъ дать, что дается однимъ только Творцомъ, и болѣе никѣмъ. Три четверти изъ тѣхъ, которыхъ посылаютъ по Владиміркѣ, не исключая и Юханцевыхъ, и Митрофаній, и инженеровъ Сашекъ, далеко не такъ преступны, какъ тѣ воры и убійцы, которые воруютъ по 20 лѣтъ изъ человѣческой жизни и убиваютъ то, что, какъ сказалъ я выше, можетъ дать одинъ только Творецъ; убиваютъ: умъ, талантъ и вдохновеніе (*).

Ergo: Въ Прологѣ къ «Зад. Исповѣди» говорилъ я о Бомарше слѣдующее: послѣ несправедливо проиграннаго имъ процеса, онъ обратился къ суду общественнаго мнѣнія, который тотчасъ же принялъ его сторону, и такъ явно и энергически, что парламентъ не осмѣлился привести въ исполненіе свой приговоръ, опозорившій Бомарше. А позднѣе этотъ шемякинскій приговоръ былъ скасированъ. Попробовалъ было и я въ 1859 году, написавъ *Задушевную Исповѣдь*, сдѣлать тоже, что̀ сдѣлалъ Бомарше. Но увы! Мои тогдашніе журнальные судіи нашли пріятнѣе, или удобнѣе, или полезнѣе подражать не общественному, справедливому мнѣнію просвѣщеннаго французскаго общества конца прошедшаго столѣтія, а Шемякамъ парижскаго парламента. Теперь же, по истеченіи двадцати лѣтъ, я снова обращаюсь къ суду русской интеллигенціи, и повторю: пусть публика рѣшитъ:

1-е. Точно ли я — жалкая литературная бездарность, ниже всякой посредственности?

2-е. Точно ли я такой дурной, негодный человѣкъ, передъ которымъ слѣдуетъ запирать двери не только всѣхъ гостинныхъ, но и всѣхъ редакцій? А таково было мнѣніе обо мнѣ у журнальныхъ корифеевъ шестидесятыхъ годовъ; да кажется сохранилось оно и по нынѣ. И если найдутся несогласные съ такимъ обо мнѣ рѣшеніемъ и захотятъ утѣшить готовящагося

(*) У меня вошло въ привычку: порой смѣяться сквозь слезы, а иногда и плакать черезъ смѣхъ. Поэтому я и разскажу одинъ анекдотецъ, подходящій къ моему настоящему положенію.

У одного священника приготовлялись на продажу очень вкусные окорока. Однажды обокрали его: стащили изъ кладовой всѣ окорока, штукъ 20. Это такъ поразило и умъ, и воображеніе автора вкусныхъ окороковъ, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ обозначать лѣтосчисленіе такъ:

«Лѣта отъ сотворенія міра такого-то, отъ Рождества Христова такого-то, а отъ покражи окороковъ такого-то».

Такъ вотъ видите ли! Если покража вкусныхъ окороковъ такъ трудно забывается, то *можно ли легко забыть* покражу 20-ти лѣтъ жизни, у которой отнято все, что могло освѣтить ее, согрѣвать, усладить и скрасить?

къ вѣчности страдальца нѣсколькими словами сочувствія, то вотъ мой адресъ:

На углу Невскаго и Знаменской, въ гостинницѣ Николаевской желѣзной дороги, въ 25 номерѣ.

Рожествино
1881 года, 4 іюня.

ПОСТСКРИПТУМЪ.

Когда-то, въ прошедшемъ столѣтіи, во Франціи, были осуждены и казнены невинные Каласъ и Лезюркъ. Но это не помѣшало потомъ правдѣ всплыть на верхъ. Дѣло этихъ мучениковъ было поднято, пересмотрѣно; шемякинскіе приговоры были отмѣнены и доброе имя и честь этихъ невинныхъ жертвъ кривды и увлеченія неумолимыхъ и безчеловѣчныхъ страстей разныхъ политическихъ партій были возстановлены во всей ихъ чистотѣ и неповинности. Отчего же не испробовать шансовъ подобнаго пересмотра въ Россіи, въ концѣ XIX столѣтія; пересмотра приговора журнальныхъ Шемякъ начала шестидесятыхъ годовъ, вслѣдствіе котораго осудили и нравственно казнили меня въ продолженіи трехъ лѣтъ. И неужели, въ дѣлѣ правосудія, нелицепріятія и гуманности, русская публика конца XIX-го столѣтія окажется гораздо ниже публики французской, жившей на рубежѣ двухъ столѣтій: XVIII и XIX-го, или же и вовсе откажется отъ должности—почетныхъ присяжныхъ засѣдателей въ дѣлѣ оправданія оклеветаннаго, осмѣяннаго и осужденнаго на бездѣйствіе мученика своей откровенности и правды? Прибавлю еще: всякое тяжебное, аппеляціонное дѣло требуетъ самаго полнаго собранія и предъявленія всѣхъ актовъ и документовъ, относящихся къ тому дѣлу. Поэтому, къ *Моимъ воспоминаніямъ*, я прибавлю и мою *Задушевную Исповѣдь*, которую, для этой цѣли и перепечатываю.

С.-Петербургъ, 27 сентября.

Извлеченіе изъ: «Мои Семидесятилѣтнія Воспоминанія».

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 15.

Mea culpa. (Несу повинную) *).

Въ моемъ обращеніи «ко всей читающей русской публикѣ», я сказалъ между прочимъ: Пусть эти «Воспоминанія» будутъ моею послѣднею, *предсмертною* исповѣдью» (а, быть можетъ, и *посмертною*, потому что, какъ я замѣтилъ выше, мнѣ уже безмала 72 года тяжело испытуемой, измученной жизни, и я могу не дожить до напечатанія послѣдней книги моихъ сказаній).

Итакъ, чтобы сдѣлать мою теперешнюю исповѣдь полною, безъ утаекъ, то, еще разъ посыпавъ пепломъ мою убѣленную голову, я долженъ покаяться еще въ трехъ.... грѣхахъ ли, страстяхъ ли, недостаткахъ ли, или маніяхъ, увлеченіяхъ, которымъ не придумаю вѣрныхъ названій, но которыя, начиная съ пятнадцатилѣтняго моего возраста, прошли огненною полосою черезъ всю мою жизнь и оставили на ней глубокіе слѣды. И даже теперь, на краю моей могилы, не умерли, не исчезли безслѣдно. Зародились эти..., ну хоть маніи, давно, еще во время службы моей въ Варшавѣ, въ гв. Литовскомъ полку, въ 1825 году. Я былъ тогда подпрапорщикомъ и жилъ у дяди, Мичурина, ротнаго командира. Любопытныя, оригинальныя варшавскія жизнь и служба будутъ описаны въ одной изъ будущихъ книгъ «Воспоминаній». Былъ я доволенъ своею жизнію въ столицѣ Польши и, по возможности, счастливъ, или, вѣрнѣе, не былъ несчастливъ. Но только далеко не всегда это было такъ. Вслѣдствіе разныхъ грустныхъ обстоятельствъ и случайностей, о которыхъ я умалчиваю изъ уваженія къ памяти нѣкоторыхъ уже давно почившихъ, приходилось мнѣ иногда переживать страшно тяжелыя, горькія минуты, становилось порою не въ моготу.... Горекъ бываетъ иной хлѣбъ!... Раза три доходило до того, что вдругъ получалъ я такое непреодолимое отвращеніе къ жизни, такое омерзѣніе къ людямъ и къ свѣту Божьему, что отчаяніе совершенно омрачало мой разумъ, отравляло всѣ мои душевныя способности: и я бросался какъ одурѣлый, какъ рехнувшійся, доставать пистолетъ, порохъ и пулю, чтобы покончить ра-

*) Глава эта и слѣдующая за нею написаны лѣтомъ нынѣшняго 1881 г.

зомъ со всею этой пасквильной трагикомедіей, съ этою грязью, которую называютъ жизнію, даромъ, и которую приказываютъ беречь, какъ сокровище. А развѣ можетъ рано оканчиваться человѣческая жизнь, похожая на классъ шалуновъ, которыхъ, во времена оны, порѣшали перепороть всѣхъ безъ исключенія? Разумѣется, что въ этомъ случаѣ гораздо лучше быть первымъ изъ наказуемыхъ, по пословицѣ: «отзвонилъ, да и съ колокольни долой», чѣмъ быть послѣднимъ, т. е. смотрѣть, какъ другихъ раскладываютъ и порютъ, и ждать, съ замираніемъ сердца и съ мученіемъ нравственной пытки, и своей очереди ложиться.

Увы! къ счастію или несчастію моему, удавалось мнѣ тогда доставать только пуль и пороху, у ротнаго фельдфебеля, подъ предлогомъ — учиться стрѣлять въ цѣль. Съ какою радостію клалъ я себѣ въ карманъ это опасное пріобрѣтеніе! Какъ нѣжно ощупывалъ я его, возвращаясь къ себѣ на квартиру!... Но пистолета нигдѣ не могъ добыть. Ну и откладывалъ отъѣздъ мой «ad patres» до счастливой находки пистолета.... А тамъ молодость, со своими веселыми, заманчивыми улыбками — въ будущемъ и съ разными чарами — въ настоящемъ, склоняется къ изголовью бѣднаго сироты и такъ сладко, такъ утѣшительно, упоительно шепчетъ ему на ухо какія-то любовныя, разжигающія рѣчи; забрасываетъ его какими-то блестящими обѣщаніями, вертитъ передъ его отуманенными горемъ глазами какую-то прелестную, восхитительную игрушку, разукрашенную разноцвѣтными, яркими ленточками, погремушками, бубенчиками, колокольчиками, извѣстными подъ названіемъ мечтаній, надеждъ, ожиданій и вѣрованій золотой молодости, которыя переводятся на практическій и прозаическій языкъ словами — «авось», да «перемелется, все мука будетъ». Очнусь я отъ дурмана-горя, сдѣлаю отчаянное усиліе и выкарабкаюсь изъ стальныхъ колецъ удава-тоски, вздохну полной грудью и взгляну вверхъ, туда на небо, откуда нисходятъ самыя лучшія, самыя утѣшительныя надежды на удрученное человѣчество; взгляну и вижу: высоко и широко, до необозримости, раскинутъ надъ моей головою голубой шатеръ неба. И какъ прозрачна лазурь этого шатра! И какъ плавно, величественно катится по этому голубому полю яркое свѣтило дня! Какъ чудно оно блещетъ, какъ животворно оно грѣетъ, не скупится на свои горячіе лучи: и царя, и поденщика, и козявку, и былинку одинаково одаритъ, осчастливитъ своими радостными, небесными улыбками; никого не забудетъ, никого не обдѣлитъ, всѣмъ шлетъ съ царскою щедростью свою лучезарную благодать. И это солнце, этотъ океанъ химическаго, видимаго и ощущаемаго свѣта и тепла, не есть ли представитель, отраженіе того океана незримаго и невеществен-

наго свѣта и тепла, который называется Вѣчною Премудростію и Любовію?

Кто же устоитъ противъ этихъ улыбокъ, противъ этой благодати неба и солнца? Какое горе не стихнетъ, не притупится при видѣ этой роскоши міровоззданія?... И пуля и порохъ летятъ въ сторону: жизнь и надежды снова закипаютъ въ молодой и здоровой груди юноши-сироты.

Вотъ моя первая манія, — *манія самоубійства.* И потомъ она уже не умирала. Проходило иногда нѣсколько лѣтъ спокойныхъ, и даже вполнѣ счастливыхъ, напр.: съ моею первою женою. Казалось тогда, что манія моя умирала; но она только уснула, была на время погружена въ глубокій сонъ... А потомъ, нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ и проснется, и наляжетъ на меня свинцовою горою, и обовьетъ, сдавитъ меня своими стальными кольцами, своею цѣпью удава-тоски и отчаянія. Одинъ изъ страшнѣйшихъ припадковъ этой болѣзни, этого паденія духа былъ предсказанъ мною въ концѣ «Задушевной Исповѣди», и потомъ, вскорѣ по ея напечатаніи и вслѣдствіе описанныхъ въ ней «гуманныхъ» со мною продѣлокъ нѣкоего индивидуума, этотъ припадокъ-ураганъ налетѣлъ на меня и чуть чуть меня не порѣшилъ. Но рука друга (Алексѣя Ал. Одинцова) удержала меня. Случай этотъ разсказанъ, подъ покрываломъ вымысла, въ одномъ изъ моихъ романовъ, когда-то забракованномъ, а теперь напечатанномъ въ «Иллюстрированномъ Вѣстникѣ» за 1880 годъ, подъ заглавіемъ «Поддѣльщики», въ главѣ: «На дорогѣ въ вѣчность», да еще въ статьѣ «Предсмертная Исповѣдь», изданной въ 1867 г., но не для продажи, а для моихъ знакомыхъ. Я всегда прочитывалъ, да и теперь прочитываю, съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ, извѣстія о самоубійствахъ и особенно о самоубійцахъ, словно они мнѣ родные.... Чувствую, что мечъ Дамокла все еще виситъ надъ моей головою. Теперь о другой моей маніи.

Въ томъ же 1825 году случилось мнѣ прочитать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ: въ «Сынѣ ли Отечества, въ Литературныхъ ли Прибавленіяхъ къ... не помню къ Сыну ли От. или къ Сѣверному Архиву»; прочитать разсказъ объ одномъ необыкновенномъ поединкѣ. Это происходило въ 1814 году, въ Парижѣ, гдѣ, по взятіи столицы Франціи, стояли наши войска. Поручикъ одного изъ нашихъ гусарскихъ полковъ, нѣкто Телавскій, Геркулесъ ростомъ и силою, рубака какихъ мало, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, умный и превосходно воспитанный и образованный, обѣдалъ разъ въ одномъ парижскомъ ресторанѣ. За однимъ съ нимъ столомъ сидѣло человѣкъ десять французскихъ кавалеристовъ. Шелъ общій разговоръ. Французы черезчуръ развернулись и позволяли себѣ раз-

ныя шуточки и насмѣшки, не совсѣмъ изящныя, надъ русскими офицерами. Телавскій, превосходно говорившій пофранцузски, отшучивался очень остроумно и не дозволялъ выбить себя изъ позиціи защитника русской арміи. Но вотъ одинъ изъ французиковъ отпустилъ вдругъ уже черезчуръ плоскую, казарменную и оскорбительную фразу для русскихъ офицеровъ. Телавскій тотчасъ же отвѣчалъ:

— Cela passe la plaisanterie: это относится уже прямо къ чести русской арміи, и потому я требую у васъ удовлетворенія.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. На чемъ же вамъ угодно драться?

— На сабляхъ.

— Согласенъ.

— И я раздѣляю мнѣніе моего товарища и, стало быть, тоже принимаю вашъ вызовъ, — отозвался другой французъ.

— И я тоже, — послышалось со всѣхъ сторонъ, — всѣ десять французовъ вышли драться съ Телавскимъ. Они тутъ же сдѣлали и вынули десять номерныхъ билетовъ, кому начать и въ какомъ порядкѣ продолжать поединокъ.

Отправились за городъ. Встали въ позицію. Дуэль началась. Разъ, два, три, и французъ, тяжело раненый, падаетъ. Становится противъ Телавскаго другой: послѣ трехъ или четырехъ взмаховъ могучей сабли русскаго Геркулеса, падаетъ на землю и другой его противоборецъ. И такимъ образомъ, поочередно, французики всѣ до послѣдняго, до десятаго «ont mordu la poussière, были искрошены богатыремъ Телавскимъ, который подъ конецъ и самъ свалился, и его покрошили.

Громадно, неописуемо было впечатлѣніе, произведенное этимъ разсказомъ на мое юношеское воображеніе. Я чуть не плакалъ отъ восторга. Вотъ такъ молодецъ! Съ честью отстоялъ честь русской арміи, «не посрамилъ земли русской и легъ костьми». И тогда же зародилась во мнѣ мысль — сдѣлаться похожимъ на Телавскаго. И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе росла и укрѣплялась во мнѣ эта задорная мысль. Но я былъ только подпрапорщикъ, да еще пятнадцатилѣтній; а нижній чинъ не считался тогда человѣкомъ въ Варшавѣ. Ну и не разгуляешься. Потомъ вскорѣ послѣ производства моего въ офицеры вспыхнуло возстаніе, а затѣмъ плѣнъ, (онъ будетъ описанъ въ 8-й книгѣ «Воспоминаній»), а за нимъ стоянка въ Ораніенбаумѣ, гдѣ и совершился мой дебютъ на поприщѣ дуэльнаго единоборства, т. е. поединокъ съ моимъ товарищемъ, и не на пистолетахъ, а на охотничьихъ ружьяхъ, въ четырехъ только шагахъ и «безъ секундантовъ». Дуэль эта описана въ «Задушевной Исповѣди». въ послѣдней главѣ, названной: «Необыкновенный поединокъ».

Это былъ мой первый и послѣдній дебютъ «нелегальной» расправы, потому что я не сдѣлался бретеромъ: это было не въ моемъ характерѣ, претило моей натурѣ, «моему незлобію». За то былъ «хоть разъ, да горяздъ». Но вызывать вызывалъ, каюсь, и не разъ, и даже порою, по двое вдругъ. Но дѣло кончалось всегда безъ послѣдствій, однимъ извиненіемъ, потому что кровавой обиды не было, а такъ себѣ, недостатокъ у кого нибудь вѣжливости, безтактность. Но на ногу наступить мнѣ безнаказанно никогда и никому не позволялъ. И вотъ прожилъ я болѣе семи десятковъ лѣтъ, а ни одной исторіи (кромѣ вышеупомянутаго дебюта) никогда ни съ кѣмъ не имѣлъ, несмотря на мою болѣзненную щекотливость и вспыльчивость; не имѣлъ потому что, во первыхъ: я всегда тщательно избѣгалъ не только знакомства, но даже и встрѣчъ съ людьми грубыми, необразованными, буйными, скандалистами; во вторыхъ: всегда и совсѣми былъ чрезвычайно вѣжливъ; вѣдь вѣжливость-то свой, домашній продуктъ, который ничего не стоитъ и на который не наложено ни пошлины, ни акциза. Если крестьянинъ поклонится мнѣ на улицѣ, я всегда ему откланиваюсь, чтобы не сказали: «мужикъ-то вѣжливѣе Макарова». Въ третьихъ: никогда никого не задиралъ я, ни надъ кѣмъ не подтрунивалъ: ненавидѣлъ это; и напротивъ: всегда заступался за тѣхъ, надъ которыми подтрунивали; заступался за каждаго «униженнаго и оскорбленнаго». Но каюсь: и теперь, когда я смотрю въ могилу, и на самомъ краю этой могилы, я никому не позволю наступить себѣ на ногу, потому что и самъ никому не наступлю.... Что жъ дѣлать: «Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку». Но неужели за это слѣдуетъ побить меня каменьями, или бросать въ меня пригоршни грязи, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ?

Наконецъ вотъ и третья моя «манія», которую можно назвать «генералофобіей или аристократофобіей». Имѣете ли вы, любезный читатель, понятіе о варшавскихъ генералахъ двадцатыхъ годовъ? Какіе они были тогда въ Петербургѣ, я не вѣдаю, но про варшавскихъ могу поразсказать кое-что. Если вы вздумаете судить о нихъ по теперешнимъ генераламъ, то жестоко ошибетесь. Теперешніе, хоть и не безъ важности, а иные и не безъ величественности, но все-таки это люди, человѣки; и хотя не всегда и не во всемъ, но все-таки походятъ на остальныхъ смертныхъ. Но тогдашніе, но варшавскіе?... О, это были не люди, не человѣки, куда! Поднимай выше. И не герцоги, и не принцы крови: поднимай выше. Это были даже не полубоги, а настоящіе, какъ есть, боги съ Олимпа, хотя и плохенькаго, но все-таки съ Олимпа. И хотя иные изъ нихъ и «лыкомъ шитые» (по собственному сознанію одного

изъ тогдашнихъ тамошнихъ генераловъ, о чемъ я разскажу ниже), но все-таки боги. Таковыми они себя воображали, и таковыми казались девяти десятымъ изъ жителей Варшавы. Что нынѣшніе петербургскіе генералы въ сравненіи съ тогдашними? Еслибы примѣрно взять и выжать всю важность изъ десяти нынѣшнихъ генераловъ всѣхъ классовъ, отъ 4-го до 2-го включительно, то количествомъ, — а не качествомъ, разумѣется,—эта десятигенеральская важность была бы гораздо меньшаго объема и вѣса, чѣмъ важность, выжатая изъ одного какого нибудь генералъ-маіора тогдашнихъ временъ, хотя бы и «лыкомъ шитаго». Нынѣшній генералъ и пьетъ и ѣстъ, и смотритъ и говоритъ, и сидитъ и ходитъ, точно также, или почти также какъ и остальные смертные. А варшавскій-то? «И пилъ, и ѣлъ иначе». А смотрѣлъ-то какъ? То Юпитеромъ громовержцемъ, то Емелькой Пугачевымъ, то Александромъ Македонскимъ, по меньшей мѣрѣ, а иной просто заплечнымъ мастеромъ. Съѣстъ, проглотитъ глазами не только каждаго нижняго чина, но и любого оберъ-офицера. А ужъ какъ ходилъ-то... что я, ходилъ!... Шествовалъ, плылъ онъ по стогнамъ варшавскимъ, аки по волнамъ морскимъ. И носъ, и плечи, т. е генеральскіе эполеты, поднимались высоко, высоко кверху, туда, въ высь, къ «отчизнѣ молній», по выраженію покойнаго Бенедиктова, «поелику» и самъ то онъ, т. е. варшавскій генералъ, а не Бенедиктовъ, былъ въ нѣкоторомъ родѣ молніеносньмъ. Краса человѣчества, чудо природы, перлъ созданія. Казалось: и солнце, и мѣсяцъ, и звѣзды, и даже кометы, съ удивленіемъ, съ умиленіемъ взирали съ своихъ эѳирныхъ высотъ на этого «перла созданія»; взирали, любовались и млѣли отъ восторга.... Вотъ въ эту-то самую допотопную, ультра-генеральскую эпоху и зародилась во мнѣ, какъ я назвалъ выше, «генералофобія», усиленная позднѣе «аристократофобіей». Я, нижній чинъ, страшно боялся встрѣчъ съ этимъ перломъ созданія, съ этимъ олимпійскимъ богомъ, боялся такого Олимпійца, даже и лыкомъ шитаго; чтобы не быть проглоченнымъ, или, по меньшей мѣрѣ, не сгорѣть, не испепелиться отъ ослѣпительно яркихъ и жгучихъ лучей его генеральской славы и превосходительнаго величія. Не боялся я только — взирать на него порою такъ, какъ взиралъ когда-то Моисей, на горѣ Синайской, на Творца, — въ «задніе».... Да, могъ взирать и я безъ самоуничтоженія только на генеральское «задніе». Бывало чуть замѣчу вдали на тротуарѣ превосходительное шествіе, тотчасъ же юркъ, или въ боковую улицу, или подъ ворота перваго дома, и тамъ пережидаю прохожденіе превосходительнаго Юпитера черезъ тротуарную орбиту моего собственнаго прохожденія. И такимъ образомъ избѣгаю

опасности самоуничтоженія отъ столкновенія съ превосходительнымъ перломъ созданія. Эта, если хотите, смѣшная гидро... т. е. генералофобія поселилась и пребывала во мнѣ потомъ долго, долго, десятка три лѣтъ. Каково же, читатель: въ продолженіи тридцати лѣтъ быть одержимымъ, не бѣсами, а генералами, что одно другаго стоитъ, если не хуже. Шутка ли страдать тридцатилѣтнимъ неваренiемъ желудка. Да еще какимъ? Генеральскимъ! И только царствованіе Александра Втораго выгнало изъ меня этихъ бѣсовъ, т. е. генераловъ. Помните ли, какъ сейчасъ же послѣ крымской войны, послѣ этихъ тамъ Альмъ, Черныхъ рѣчекъ, Инкермановъ, и вслѣдствіе разныхъ эдакихъ славянскихъ тактическихъ геніяльностей, генеральскіе фонды стали быстро падать и упали гораздо ниже альпари на биржѣ общественнаго уваженія.

Какъ сказалъ я выше, къ генерало- присоединилось впослѣдствіи еще и аристократофобія. Не помню, какъ и отчего у меня это произошло, но не только превосходительные, а и сіятельные титулы не могъ тогда переваривать мой желудокъ, несмотря на свою здоровость и крѣпость. Да врядъ ли переварилъ бы ихъ тогда и желудокъ страуса, который, какъ извѣстно каждому порядочному зоологу, перевариваетъ камни и желѣзо. Оговариваюсь: я говорю такъ дерзновенно лишь о тогдашнихъ превосходительствахъ и сіятельствахъ, а не о нынѣшнихъ, сохрани меня Боже! Нынѣшнія — такъ себѣ, ничего, — удобоваримы... Прогрессъ, сами изволите знать. Гласное судопроизводство, а не такое, какое описывалъ покойный Громека въ своей статьѣ: «Полиція внѣ полиціи» (кажется такъ), когда каждый генералъ, на каждаго негенерала, могъ гаркнуть: «взять его!»... Ну, и брали... Ничего не подѣлаешь. Хвала, честь и благодареніе Александру Второму: теперь ужъ не гаркаютъ и не берутъ зря, здорово живешь.

Итакъ, не переваривалъ мой тогдашній желудокъ ни тогдашнихъ генераловъ, ни графовъ, ни князей. Порою доходило это до смѣшнаго напр.: приглашаютъ меня, бывало, на весьма интересный для меня вечеръ. А какъ узнаю, что тамъ будутъ генералы, или графы, или князья изъ важныхъ, — бываютъ князья и неважные, плохенькіе, — какъ узнаю про эдакое вавилонское смѣшеніе языковъ, такъ я и туда и сюда, и такъ и сякъ, и отвиляю отъ вечера интереснаго, но испорченнаго для меня нашествіемъ иноплеменныхъ, т. е. присутствіемъ титулованныхъ и важныхъ персонъ. И сколько потерялъ я отъ этихъ двухъ «фобій»? Могъ бы я сдѣлать блестящую карьеру, и военную, и штатскую. Были у меня и важная родня, и сильная протекція, подъ которую часто толкали меня, но которой я боялся и избѣгалъ, какъ

чортъ ладону. Страшно претило мнѣ толкаться въ двери разныхъ эдакихъ дядюшекъ, тетушекъ, шаркать въ ихъ гостиныхъ, кланяться и улыбаться имъ и, Боже избави! просить ихъ о чемъ либо. Низкопоклонство, гдѣ бы, и какъ бы оно ни проявлялось, было для меня противнѣе, тошнительнѣе касторовaго масла. Для избѣжанія голословности и въ подтвержденіе моихъ утвержденій, приведу два факта.

Былъ у меня въ Петербургѣ одинъ дядюшка, двоюродный братъ моей матери, стало быть не родной, а двоюродный мнѣ дядя. Но вѣдь тогда не то что нынѣ, когда всѣ узы родства до того ослабѣли, что даже и родные братья, дяди и племянники часто не видаются, ни даже переписываются другъ съ другомъ, по цѣлымъ годамъ, хотя и живутъ не вдалекѣ другъ отъ друга... Но что я! не переписываются; — знать не хотятъ, забыли о существованіи одинъ другаго. Но тогда, въ мое время было не такъ: не только родные, но и двоюродные, а иногда и троюродные считались своими, родными, приголубливались. Итакъ, былъ у меня дядюшка, сначала преображенскимъ офицеромъ, потомъ флигель-адъютантомъ, потомъ генералъ-адъютантомъ, затѣмъ товарищемъ военнаго министра и наконецъ генералъ-губернаторомъ. И что-жъ? Не только я ни разу у него не былъ, хотя не разъ бывалъ въ домѣ его отца, и бывалъ принимаемъ радушно и ласково, а съ его роднымъ братомъ, Ѳедоромъ Андреичемъ Катенинымъ, служилъ въ одномъ полку и былъ друженъ; — я даже никогда и нигдѣ не встрѣчался съ нимъ, ни разу не видалъ его въ глаза, несмотря на то, что остальные мои дяди и тетки постоянно пилили меня за это:

— Да что же не побываешь ты у Александра Андреича? Да когда же ты съѣздишь къ Александру Андреичу? Вѣдь онъ такой милый, любезный, обязательный. Вѣдь онъ тебѣ дядя. Вѣдь онъ такъ много можетъ сдѣлать для тебя по службѣ. Съѣзди, непремѣнно съѣзди къ нему; не будешь раскаиваться.

Куда! и слушать не хотѣлъ. И руками и ногами отмахивался. Такъ таки и не съѣздилъ, и ни разу не видѣлъ его въ лицо. И вѣроятно много, очень много потерялъ для преуспѣянія моего на жизненномъ пути... А вѣдь этотъ дядюшка былъ прекраснѣйшій человѣкъ, уменъ, образованъ, донельзя вѣжливый, деликатный, привѣтливый, доброжелательный и всѣми любимый. Да въ моихъ-то глазахъ у него были два большіе изъяна: генералъ-адъютантство, да генералъ-губернаторство. Ну и баста!.. Онъ умеръ въ шестидесятыхъ годахъ на оренбургскомъ «проконсульствѣ». Вспоминая теперь о моемъ давнопрошедшемъ, о моей антипатіи къ титулованнымъ, даже роднымъ, не могу не упомянуть объ одномъ гвардей-

скомъ офицерикѣ тридцатыхъ годовъ, діаметрально мнѣ противоположномъ по своимъ привычкамъ и вкусамъ. Онъ безпрестанно говорилъ всѣмъ и каждому:

— J'ai été hier chez ma tante Kotchubey, или: je dînerai aujourd'hui chez mon oncle Bezborodko *).

И все, и всѣмъ, и всегда только одна пѣсня: «Chez ma tante Kotchubey, да chez mon oncle Bezborodko.

А вотъ другой примѣръ моихъ «фобій».

Между множествомъ моихъ тетушекъ, была у меня одна, важная, но съ тѣмъ вмѣстѣ, превосходнѣйшая женщина и далеко выходящая изъ ряда обыкновенныхъ. Это—Александра Алексѣевна Шипова, въ домѣ которой я прежде воспитывался, какъ это будетъ видно изъ слѣдующей книги. Жила она въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ въ Петербургѣ съ своимъ единственнымъ сыномъ, любимымъ адъютантомъ вел. кн. Михаила Павловича. Когда Литовскій гвард. полкъ, въ которомъ служилъ я, послѣ польской кампаніи 1831 года, перешелъ изъ Варшавы на стоянку въ Ораніенбаумъ, я тотчасъ же отыскалъ въ Петербургѣ мою тетку, которая встрѣтила меня à bras ouverts, необыкновенно ласково, какъ самаго близкаго роднаго. Глубоко любилъ я и уважалъ эту прекрасную женщину, но бывалъ у ней не такъ часто, какъ этого желала и она, и я, и вотъ почему. Во первыхъ: любезнѣйшій мой кузенъ былъ вполнѣ, даже слишкомъ придворный, шаркунъ, говорилъ мнѣ не «ты», какъ своему бывшему совоспитаннику, и не «братъ», а все «вы» да «братецъ», прибавляя къ нимъ такое шипящее «съ», отъ котораго коробило меня, какъ отъ шипѣнія удава. Во вторыхъ: за что, не вѣдаю, онъ сильно недолюбливалъ Литовскій полкъ и позволялъ себѣ разныя улыбочки, шуточки да насмѣшечки надъ моими полковыми товарищами. А за это, за моихъ дорогихъ товарищей, я готовъ былъ не только на пистолетахъ, а на пушкахъ, на мортирахъ стрѣляться и драться не на животъ, а на смерть. Только одно глубокое уваженіе и любовь моя къ теткѣ могла удержать меня въ границахъ словеснаго ротоборства, и помѣшала страшнѣйшему взрыву негодованія: не вѣдая того, мой любезнѣйшій кузенъ курилъ папироску надъ открытымъ боченкомъ пороха. Наконецъ, въ третьихъ, а это главное: тетку постоянно посѣщала масса титулованныхъ, въ особенности генераловъ всѣхъ трехъ классовъ. Вотъ они-то, «эвти самые енаралы», и были моимъ кошмаромъ, моимъ пуга-

*) Вчера я былъ у тетеньки Кочубей, сегодня буду обѣдать у дяденьки Безбородко.

ломъ, способнымъ испортить для меня и самый рай, и даже оба рая: и земной, и небесный.

Въ началѣ 1834 года я вышелъ въ первую мою отставку, и хотѣлъ сейчасъ же уѣхать на родину, въ Костромскую губернію. Но тетка меня задержала.

— Зачѣмъ ѣхать тебѣ въ медвѣжью глушь?—говорила она мнѣ.— Вѣдь ты тамъ свѣту Божьяго не увидишь; заглохнешь, одичаешь, заплѣснѣешь, мохомъ поростешь. Оставайся-ко лучше здѣсь, въ Петербургѣ, да поступай въ гражданскую службу: я могу доставить тебѣ хорошее мѣсто въ любомъ министерствѣ, потому что почти всѣ директора департаментовъ мнѣ знакомы, а многіе и пріятели мои. Ты можешь скоро составить себѣ блестящую карьеру; вѣдь ты не лѣнтяй, не вѣтреникъ, а способный, толковый молодой человѣкъ.

Послушался я и остался, но не изъ честолюбія, а изъ глубокаго уваженія къ моей дорогой, чудесной теткѣ. И точно: мнѣ сейчасъ же предложили хорошее мѣсто въ департаментѣ податей и сборовъ, директоромъ котораго былъ тогда, кажется, Фандерфлитъ, хорошій пріятель тетки. Тотчасъ же дали мнѣ въ руки двѣ распретолстыя тетради объ «Окладныхъ», да еще о какихъ-то сборахъ, и сказали:

— Прочитайте со вниманіемъ эти тетради и многое изъ нихъ заучите. Это весьма поможетъ вамъ сдѣлаться отличнымъ чиновникомъ и хорошо выполнять свои обязанности; много поможетъ вамъ *преуспѣвать на новой для васъ службѣ*.

Взялъ я эти тетради. Но, о Боже! какое огромное депо опіума заключалось въ нихъ! Могло бы усыпить частицу поднебесной имперіи, хотя жители ея и пріучены къ этому зелію гуманными джонъ-булями. И читать это послѣ стиховъ Жуковскаго, Пушкина, Рылѣева, Грибоѣдова, Языкова! Все, что могъ я одолѣть, это — страницъ десять, и то не иначе, какъ на сонъ грядущій. Прочитаю, бывало, лежа въ постели, страничку, только одну, и засну богатырскимъ сномъ. Итакъ, въ десять дней успѣлъ я прочитать всего десять страницъ; а «убоявшись бездны премудрости, обратился вспять», т. е. отнесъ снотворныя тетради къ теткѣ и сказалъ:

— Журите, браните меня, хоть подерите за уши, но только избавьте меня отъ «неволи египетской», т. е. отъ этихъ тетрадей и отъ департамента. Каюсь и сознаю свою неспособность понять и оцѣнить канцелярскія прелести и *преуспѣвать на новой для меня службѣ*. Что дѣлать?—Тетка ничуть не разсердилась, а засмѣялась и больше не настаивала на превращеніе меня въ чиновника, *преуспѣвателя*, «ка-

ковой» тоже считался тогда чѣмъ-то въ родѣ «перла созданія», хоть и чернильнаго. Да и не жаловалъ же я тогда гражданской службы. Не тяжелою, не унизительною находилъ я одну только субординацію — военную. Штатская внушала мнѣ сильнѣйшее отвращеніе, мутила меня. Еще съ самаго дѣтства я все мечталъ о военной службѣ. Бывало ничѣмъ не могли меня такъ обидѣть и огорчить, какъ сказавши: «тебя опредѣлятъ въ штатскую службу». Заткну себѣ уши, затопаю ногами, замотаю головой и закричу: «Не хочу, не хочу быть подъячимъ и говорить: *понеже донде же бяху сирѣчь цицевая*», — и при этомъ заносилъ руку за спину, изображая, какъ подъячіе берутъ взятки. Откуда я взялъ тогда такую рогатую фразу, не помню и даже не понимаю ея смысла.

Между тѣмъ настал майъ. Приближался майскій парадъ гвардейскаго корпуса. Тетка жила тогда на Царицыномъ лугу, въ домѣ бывшемъ Долгорукова, что нынѣ дворецъ принца Ольденбургскаго. Занимала она великолѣпную квартиру, оконъ десять, если не болѣе, всю ту часть бельэтажа, которая выходила на Царицынъ лугъ, прямо противъ царской палатки. Дня за два до парада зашелъ я къ теткѣ.

— Надѣюсь, Николай, что ты будешь у меня послѣ завтра, во время парада. Я обмеръ, замялся и промямлилъ:

— Ахъ, ma tante! Вѣдь у васъ и безъ меня будетъ много народу; да ктому же я хорошо знакомъ съ этимъ парадомъ, потому что и самъ не разъ фигурировалъ на немъ и даже бывалъ распекаемъ нашимъ дивизіоннымъ отцомъ-командиромъ (генералъ-лейтенантомъ Исаковымъ, свирѣпѣйшимъ изъ командировъ) *).

---

*) А вѣдь этотъ командиръ буквально служилъ на заднихъ лапкахъ передъ теткою, *матерью любимаго адъютанта, почти друга его главнаго начальника, Вел. Кн. Михаила Павловича.* И скажи я тогда одно только слово теткѣ, а она словечко вышерѣченному командиру, то изъ моего мучителя-гонителя, въ мигъ превратился бы онъ въ моего рьянаго защитника-покровителя. Ну такъ видите ли: госпожа амбиція не приказала; какъ это можно! Не протекціей, а своимъ лбомъ долженъ былъ я брать и преуспѣвать по службѣ. Ну и преуспѣвалъ: разъ просидѣлъ на гауптвахѣ цѣлую недѣлю за важный проступокъ: солдатъ, моего взвода, *отчисленный въ полковую швальню*, снялъ, передъ нимъ, командиромъ, фуражку не лѣвой, какъ слѣдовало, а правой рукой; а другой разъ за то, что на репитиціи развода, салютуя полусаблей его превосходительству, большей палецъ моей руки, лежавшій на эфесѣ, осмѣлился уклониться на поллиніи въ бокъ отъ отвѣсной линіи. Не вѣрите? Такъ вамъ могутъ поручиться за мою правдивость, нѣкоторые уцѣлѣвшіе и любимые мною однополчане: Ал. Ал. Одинцовъ, Серг. Петр. Озеровъ, гр. Конст. Ив. Разва-

— Какой вздоръ! Вопервыхъ: большая разница — самому фигурировать во фронтѣ и быть распекаему, или покойно смотрѣть на парадъ изъ окна. Во вторыхъ: я отдаю только восемь оконъ, а два оставляю для себя, для моихъ родныхъ и короткихъ пріятелей. Смотри же приходи хоть ради того, чтобы поѣсть вволю конфетъ, до которыхъ ты большой охотникъ и которыя будутъ у меня отъ Рязанова (лучшаго тогда кондитера въ Петербургѣ). Я снова замялся. Атмосфера Царицына Луга вдругъ сдѣлалась удушливою (для меня только, разумѣется): въ ней запахло гарью, т. е. генералами да графами et consorts, и я началъ мямлить:

— Ахъ, chère tante! Вѣдь у васъ будетъ масса гостей, и не простыхъ, а все титулованныхъ: все графы съ графинями, да князья съ княгинями, да сенаторы и генералы съ сенаторшами и съ генеральшами. Пожалуй и министры будутъ, и все звѣздоносцы. И превратятся ваши комнаты въ млечный путь. И не перенесетъ мое слабое зрѣніе всего этого сіянія и блеска, и я рискую схватить, если не куричью, то генеральскую слѣпоту. Ктому же вы знаете, что я не питаю ни малѣйшей нѣжности къ титулованнымъ особамъ. Поэтому увольте, молю васъ, chère tante!

— Ахъ, Николай, Николай! Какую чепуху несешь ты! Правда: у меня будутъ почти что одни титулованные, звѣздоносцы, какъ ты удачно выразился. Но что жъ изъ этого? Какое тебѣ дѣло до нихъ, а имъ до тебя? Они—сами по себѣ, а ты—самъ по себѣ. Вѣдь ты мой родной, горячо любимый мною родной. Вѣдь съ покойной-то твоей умницей матерью мы жили душа въ душу. Дивная была женщина, да успокоитъ Господь ея душу. Ктому же, вотъ видишь ли еще что? Если бы я захотѣла отдавать въ наймы мои восемь оконъ, то получала бы за нихъ хорошія деньги. Но ты знаешь, что это не въ моихъ правилахъ, и не въ привычкахъ, и потому я отдаю окна даромъ, изъ уваженія, по знакомству. Мало того: каждый парадъ обходится мнѣ не дешево, потому что я не скуплюсь на угощеніе моихъ гостей: и оршадъ, и лимонадъ, и шеколадъ, и кофе, и чай, и разнообразная, обильная закуска съ неде-

---

довскій... Господа молодые нынѣшніе офицеры! Благословляйте судьбу за то, что вамъ посчастливилось служить не въ тридцатыхъ, а въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, при такихъ Царяхъ, какъ Александръ II и Александръ III, и еще за то, что не вкушали сладости командованія отцовъ-командировъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, каковую сладость вполнѣ вкусили мы грѣшные, ветераны той военной пугачевщины.

шевыми винами и ликерами: чего хочешь, того просишь. Затѣмъ: и конфеты отъ Рязанова, и всевозможные фрукты отъ Елисѣева. Такъ какое же моимъ гостямъ, звѣздоносцамъ, дѣло до тебя, не звѣздоносца? Ну, что же? придешь?

— Постараюсь, chère tante!

— Нечего тутъ стараться, а просто—приходи, непремѣнно приходи, а не то разсержусь.

Вышелъ я отъ тетки въ глубокомъ раздумьи, печальный, мрачный. Въ продолженіи двухъ дней потерялъ я и сонъ, и аппетитъ. Страшная для меня туча, хотя и звѣздоносная, повисла надо мною. Это было для меня тоже, что кликъ: «Отечество въ опасности», и я готовъ былъ закричать вмѣстѣ съ Катономъ:

«Delenda Carthago!»

Насталъ, наконецъ, роковой для меня день. Погода была прелестная, ясная, теплая, но мнѣ все казалось мрачнымъ. Часъ парада приближался. Нехотя досталъ я своей новенькій фракъ. Медленно, автоматически сталъ я облекаться въ непривычное мнѣ «штатское» платье. Сперва завилъ и взбилъ себѣ передъ зеркаломъ огромный «кокъ», — тогда была мода на огромные хохлы. Одѣлся, сталъ прохаживаться по комнатѣ и поглядывать на часы. Нѣсколько разъ бралъ шляпу, подходилъ къ двери, брался за ручку, но отворить не рѣшался. И вдругъ отчаянно вскрикнулъ:

— Чортъ возьми! что будетъ, то будетъ.

И, мигомъ переодѣвшись изъ фрака въ сюртукъ, отправился бѣглымъ шагомъ, вмѣсто Царицына Луга, и спасаясь отъ этого луга, въ Караванную, гдѣ жилъ мой школьный и полковой товарищъ, за годъ передъ тѣмъ вышедшій изъ полка и служившій потомъ въ министерствѣ финансовъ. Засталъ я его дома, въ халатѣ, и провелъ у него все утро, до самаго обѣда.

Спустя два дня, со страхомъ и трепетомъ поднимался я по парадной лѣстницѣ въ роскошное жилище тетки. Съ потупленными долу очами вступилъ я въ ея будуаръ и, разумѣется, нашелъ ее «въ какомъ-то строгомъ чинѣ».

— Гдѣ это пропадалъ ты, любезнѣйшій мой племянничекъ?

— Виноватъ, chère tante! Никакъ не могъ быть у васъ третьяго дня, несмотря на все мое желаніе: мнѣ что-то сильно нездоровилось, промолвилъ я.

— Не лги, а прежде поучись лгать. Ложь тебѣ не къ лицу. Ну, что, упрямецъ, дикарь? Поставилъ на свое? Эдакова страху нагнали на

тебя генералы да сенаторы, да графы съ князьями. Укусили бы они тебя, что ли?

— Виноватъ, простите меня великодушно, chère tante, умолялъ я тетку, цѣлуя у нея руку. Не могу переваривать ни превосходительныхъ, ни сіятельныхъ. Еще разъ молю простить меня.

— Ну, Богъ тебя проститъ. Я не сержусь. Только, ради Бога, голубчикъ! приходи ко мнѣ почаще обѣдать до твоего отъѣзда въ глушь. Богъ вѣсть, когда и гдѣ мы увидимся?

И точно вышло: «Богъ вѣсть когда и гдѣ?...» Много, много лѣтъ спустя, я свидѣлся съ нею, но гдѣ и какъ?... Въ Москвѣ, въ гостинницѣ. Она была въ монашеской рясѣ. Эта благороднѣйшая, умнѣйшая женщина вдругъ выкинула штуку вовсе не умнѣйшую. Вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, въ одно прескверное утро, прійдя поздороваться съ нею въ будуаръ, сынъ не нашелъ ее тамъ. Она и не ночевала дома. Проходитъ день, матери нѣтъ. Проходитъ другой, третій, цѣлая недѣля: ни слуху, ни духу; сгинула, пропала безъ вѣсти. Потомъ, послѣ многихъ дней безплодныхъ распросовъ и поисковъ, молодой Шиповъ узнаетъ косвенными путями, что его мать была сначала близъ Новгорода, у пресловутаго тогда Фотія, на покаяніи. Потомъ удалилась въ какой-то монастырь инокинею. Потомъ года черезъ два или три, сдѣлалась игуменьею, не помню, какого монастыря. И почти каждый годъ пріѣзжала въ Москву на нѣкоторое время. И тогда, у подъѣзда гостинницы, гдѣ она останавливалась, съ утра до вечера, стояли кареты московскихъ аристократовъ, пріѣзжавшихъ на поклоненіе и подъ благословеніе къ матушкѣ-игуменьѣ. Больше одного разу я не видался съ этою замѣчательною женскою личностью. И даже не знаю, когда и гдѣ она умерла, и гдѣ похоронена. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ побѣга ея отъ сына, попалось мнѣ въ руки весьма интересное письмо, которое писала она къ другой моей теткѣ, Левашовой, и въ которомъ подробно описывала свои странствованія и похожденія, а между прочимъ и визитъ свой Фотію, и не въ домѣ его, а на дворѣ, у балкона (это было лѣтомъ), съ котораго онъ встрѣтилъ ее весьма недружелюбно, даже погрозилъ на нее своимъ посохомъ. Да и былъ же этотъ пресловутый архимандритъ, наперсникъ дочери чесменскаго героя, богачихи Анны Алексѣевны Орловой, тоже знаменитой въ въ своемъ родѣ; былъ человѣкомъ ухъ какимъ! съ страшнѣйшими колючками и закорючками, и ужъ очень и очень себѣ на умѣ, по части святости и субъективнаго спасенія.

Съ сыномъ тетки, моимъ кузеномъ, былъ страшно трагическій конецъ. Любимый адъютантъ Михаила Павловича, онъ сопутствовалъ ему

во всѣхъ поѣздкахъ его за границу. Въ одну изъ такихъ, кажется послѣднюю для нихъ обоихъ, опрокинулся экипажъ. Великій князь и его адъютантъ полетѣли внизъ головой. Первый счастливо, безъ послѣдствій, а второй ударился головою о камень: произошло сотрясеніе мозга, онъ помѣшался. А незадолго до того, онъ женился на прекрасной и богатой дѣвушкѣ, на Васильчиковой. Вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, онъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой и умеръ. Помѣшался онъ на томъ, что у него стеклянный носъ; и, при видѣ каждаго человѣка, онъ въ испугѣ протягивалъ руки впередъ, для защиты своего носа, и кричалъ: «осторожнѣй, не разбейте!» И какое странное психическое совпаденіе: когда я воспитывался съ нимъ вмѣстѣ, ему было 17 лѣтъ. Была у него привычка — безпрестанно дергать себя за носъ, точно желая его вытянуть, сдѣлать длиннѣе, и тогда, какъ онъ самъ вовсе не былъ курносъ, а былъ у него носъ какъ носъ; ни длинный, ни короткій. Мать часто журила его за эту странную привычку, но отъучить не могла. Въ Петербургѣ же я не замѣчалъ, дергалъ ли онъ свой носъ.

Аминь. Кончены моя исповѣдь, мое покаяніе въ трехъ маніяхъ. Послѣдняя (двѣ «фобіи») уже давно умерла и неоживала болѣе. Желудокъ мой укрѣпился нравственно на столько, что можетъ переваривать всякихъ титулованныхъ. Ктому же и самые титулованные, какъ я уже замѣтилъ выше, весьма улучшились, — стали удобоваримѣе. Но первыя двѣ маніи, въ особенности самая первая, не умерли. Онѣ только спятъ, но повременамъ пошевеливаются, даютъ знать о себѣ.

Вотъ вамъ, любезныя читательницы и читатели, я весь передъ вами, безъ малѣйшей утайки....

Безъ малѣйшей утайки... что я сказалъ?.. Покаюсь и поправляюсь: начались, наконецъ, сказываться, не совершенною потерей, а лишь минутными затмѣніями, измѣнами мнѣ моей памяти, мои 72 года. Еще далеко не во всемъ я покаялся, позабылъ многое, о чемъ разскажу въ слѣдующей главѣ.

Продолженіе повинной.

Итакъ, память измѣнила мнѣ на этотъ разъ, когда я, написавъ предъидущую главу au courant de ma plume, хотѣлъ ее окончить фразою: «безъ малѣйшей утайки». Но оглянувшись еще разъ на мое прошлое, прожитое и пошаривъ въ немъ, я, къ великому моему удив-

ленію, открылъ, что я пропустилъ, совершенно забылъ упомянуть еще о многихъ чертахъ моего характера и, главное, еще объ одной моей маніи, о четвертой, которую можно назвать *себяфобіей*, и которая вытекала: изъ преувеличеннаго ли самолюбія, изъ остатковъ ли отъ моего дѣтства—застѣнчивости, «букости», изъ чрезвычайной ли моей мнительности, щекотливости, или изъ хронической недовѣрчивости къ самому себѣ, къ своимъ способностямъ, къ своей злой судьбѣ. Но только и эта четвертая манія, какъ и первыя три, огненною полосою прошла черезъ всю мою жизнь и причинила мнѣ много горя, страданій, огромныхъ матеріальныхъ потерь и, вѣроятно, если не вполнѣ испортила мою карьеру, то много помѣшала ей быть несравненно лучшею, чѣмъ какою она осталась. Происходила эта манія частію и отъ нѣкоторыхъ правилъ жизни, которыя составилъ я еще въ моей юности, которыхъ держался потомъ съ фанатическою приверженностью и которыя, такъ сказать, вошли мнѣ въ плоть и кровь. Вотъ, между многими другими, нѣкоторыя правила, которыя находилъ я необходимыми для сохраненія всецѣло свободы моихъ убѣжденій, вѣрованій, вкусовъ, мнѣній, поступковъ и права распоряжаться своею судьбою:

1. Никогда, никому не навязывать моего знакомства.

2. Никогда ни въ комъ не искать, ни у кого не заискивать и, Боже Сохрани! ходить къ кому либо на поклонъ, кому либо кланяться, улыбаться, распѣвать акаѳисты, диѳирамбы и просить о чемъ нибудь, выпрашивать подачки.... Я ужасался при одной мысли о такой «фикасти», какъ выражаются институтки.

3. Знакомиться и поддерживать знакомство лишь съ тѣми, кто этого желаетъ и явно выказываетъ мнѣ такое желаніе. Sinon, point d'affaire, слуга покорный. Вообще я былъ всегда очень тугъ на новыя знакомства. Я дѣлалъ исключенія изъ этого правила, когда дѣло касалось музыки и артистовъ вообще, а въ особенности какого либо гитариста, объ игрѣ котораго слышалъ я похвальные отзывы. О, въ такомъ случаѣ всѣ мои страхи, мнительности и самолюбія откладывались въ сторону, и я бѣгаю, бывало, какъ искатель кладовъ, по всему городу, отыскивая гитарнаго феникса. Искалъ я разъ дней пять по Петербургу какого-то Карицкаго, пока не обрѣлъ его подъ небесами, чуть не на чердакѣ огромнаго дома полукругомъ, что у Обухова моста. Это было лѣтомъ 1840 года. И что-жъ? оказался — жалкій хвастунъ и царапунъ, который бряцалъ по струнамъ гитары и при этомъ захлебывался, пыхтѣлъ и вздыхалъ, какъ кузнечный мѣхъ и закатывалъ глаза подъ лобъ. А въ бытность мою въ Неаполѣ искалъ и отыскалъ я ги-

тарное чудо-юдо, какого-то Іордана, съ шеей обмотанной не шарфомъ, а какимъ-то затасканнымъ половикомъ и тоже, не игравшаго, а дребезжавшаго на гитарѣ что-то въ родѣ польки, и также съ страшнѣйшими гримасами и захлебывающимся ртомъ, что у него исправляло должность музыкальныхъ вкуса, выраженія и стиля. Объ этомъ неаполитанскомъ гитаристѣ перваго сорта (снизу) упоминалъ я въ «Задушевной Исповѣди». Но если я трудно знакомился, за то не легко и раззнакомливался, если не встрѣчалось на это уважительныхъ нравственныхъ причинъ. Страхъ какъ дорожилъ я хорошими старыми знакомствами, тщательно старался избѣгать всякихъ поводовъ къ неудовольствіямъ, устранять малѣйшее недоразумѣніе. Прежде нежели познакомиться съ кѣмъ, я долго вглядывался и въ личность, и въ обстановку того, съ кѣмъ предстояло мнѣ познакомиться. Чуть что не такъ, не ладно на мой взглядъ, я тотчасъ же и отлавирую, чтобы избавить себя отъ непріятности раззнакомливаться впослѣдствіи. Оттого-то, какъ я уже замѣтилъ выше, и не имѣлъ я никакихъ «исторій», хотя очень любилъ «Исторію XVIII-го столѣтія» Ансильона, и вообще всякую хорошую исторію, но не «исторіи», которыхъ боялся я пуще vomito negro, желтой лихорадки тожъ. Въ дѣлахъ серьезныхъ, гдѣ требовалась осторожность и осмотрительность, я никогда не выказывалъ сразу все, что я могу и чего не могу. Проходило иногда довольно долгое время, что, въ глазахъ имѣвшихъ со мною важное дѣло, я казался далеко не тѣмъ, чѣмъ я былъ, казался иногда противоположнымъ моему я, т. е. прикидывался смиреннѣйшею, безобиднѣйшею овцою, которую всякій могъ обидѣть, и такой игрой удавалось мнѣ не разъ раскрывать тайныя козни мошенниковъ, стакнувшихся для обворованія моего или ввѣреннаго мнѣ дѣла. И когда, для спасенія этого дѣла, являлась необходимость въ энергіи, я вдругъ, безъ всякихъ постепенностей, преобразовывался изъ овцы въ льва или тигра и разгонялъ, повергалъ въ прахъ шайки воровъ и воришекъ. Порою могъ даже хитрить и, ради спасенія погибающаго дѣла, составить такой планъ дѣйствій, который почти всегда удавался. Не даромъ же до 15-ти лѣтняго возраста я былъ рыжимъ. Но кромѣ исключительно важныхъ случаевъ, я никогда не былъ дипломатомъ, не терпѣлъ этой роли въ обиходной жизни, гнушался ею. Но энергія и рѣшительность никогда не покидали меня, выводили часто изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, спасали иногда отчаянное, погибавшее дѣло. И если я разъ рѣшался на что, положительно или отрицательно, то уже ничто и никто не могъ меня ни удержать, ни сбить съ толку: coûte que coûte, я поставлю на своемъ.

Въ семейной жизни я былъ мягокъ и деликатенъ, порою даже черезчуръ; но внѣ дома и въ исключительныхъ случаяхъ становился иногда колкимъ, рѣзкимъ, хлесткимъ и могъ показаться, не знающему меня, чортъ знаетъ чѣмъ, пожалуй и самимъ чортомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я походилъ на соблазнителя нашей прародительницы столько же, сколько вы, любезный читатель, походите на дагомейскаго короля свирѣпой памяти.

Еслибы эта глава не вышла такою длинною, то разсказалъ бы я о моемъ курьезномъ столкновеніи, лѣтомъ 1860 г., съ однимъ превосходительствомъ, извѣстнымъ тогда подъ именемъ *позументнаго генерала*, которому захотѣлось прикарманить должные имъ мнѣ 1400 р. Какимъ ураганомъ налетѣлъ я тогда на его дачу по петергофской дорогѣ; какого страху нагналъ я тамъ въ его конторѣ, и только этимъ спасъ мои 1400 р., которые, безъ моей быстроты и энергіи, улыбнулись бы мнѣ, остались бы на вѣки въ бездонномъ превосходительномъ карманѣ. Можетъ быть и разскажу я объ этомъ весьма характерномъ столкновеніи, но только гораздо позднѣе, въ девятой книгѣ, въ главѣ: *Галлерея портретовъ отцовъ-командировъ добраго стараго времени*, хотя командиромъ-то онъ никогда не былъ. .. виноватъ: былъ однажды, но только не по военной части, а по ярморочной въ Нижнемъ. И оставилъ же онъ тамъ по себѣ память.... Ахъ, какую память! Первый сортъ (снизу). Каково же должно было быть тамъ положеніе заправлявшаго тогда нижегородскою губерніей моего пріятеля и бывшаго сотоварища по Литовскому полку, Алексѣя Алексѣича, этой добрѣйшей, разумнѣйшей, честнѣйшей, благороднѣйшей, s'il en fût, души?... А слыхали ли вы, читаталь, о знаменитомъ посредничествѣ позументнаго героя между его дядюшкой, гр. Клейнмихелемъ, и нѣкоею г-жею Демидовою, по поставкѣ чугунной лѣстницы въ имѣніе дядюшки? Вѣрно не слыхали? Ну такъ я разскажу «сей» геройскій подвигъ позументщика въ «Галлерeѣ портретовъ». Разскажу теперь еще одинъ забавный случай, который покажетъ, какъ, не только въ крупныхъ, но и въ мелкихъ дѣлахъ, энергія выручала меня.

Въ 1836 году, въ маѣ, Лит. полкъ выходилъ изъ Ораніенбаума въ лагерь подъ Красн. Селомъ. Идя на маневры или дѣлая большой переходъ, офицеры имѣли обыкновеніе брать съ собою въ ранецъ что нибудь съѣстное и фляжку вина или водки. Я всегда дѣлалъ тоже, но на этотъ разъ оплошалъ и не взялъ ничего. Дѣлаемъ мы переходъ верстъ въ 20, и останавливаемся на привалъ въ чухонской деревушкѣ. Я страшно проголодался, а запаса ни крошки. Иду на поиски чего нибудь

съѣстнаго, хоть хлѣба съ молокомъ. Обхожу почти всѣ избы, и вездѣ одинъ отвѣтъ: «нѣтъ ничего, ни молока, ни хлѣба. «Проклятая чухна, и за деньги ничего не достанешь, хоть умирай съ голоду», ворчалъ я. Наконецъ, зайдя на одинъ дворъ, усматриваю отворенную дверь въ какой-то чуланъ, а въ чуланѣ: на полкахъ и на полу множество кринокъ съ молокомъ. Я обрадовался: перспектива голоданія удалилась отъ меня. Вхожу. Передо мной очутилась старая, безобразнѣйшая чухонка.

— Есть у васъ хлѣбъ? — спросилъ я. — Есть, — процѣдила она неохотно, почти злобно черезъ свой беззубый ротъ. — А что возьмешь съ меня за ломоть хлѣба и кружку молока? — Ничего не возьму, — еще злобнѣе процѣдила старая карга — Я даромъ не хочу, а за все заплачу тебѣ, сколько положишь. — Ни даромъ, ни за деньги ничего не дамъ, ступай отсюда, баринъ! — Отчего-жъ не продаешь? Вѣдь у тебя здѣсь много горшковъ съ молокомъ. — Сказано не дамъ, такъ и не дамъ. — Такъ ты хочешь меня уморить съ голоду! Такъ слушай же: прежде, чѣмъ умереть съ голоду, я проклинаю тебя и твой домъ. Пусть онъ сгоритъ до тла, совсѣмъ твоимъ скарбомъ и имуществомъ! Пусть твои коровы, телята и овцы передохнутъ всѣ до единой! Пусть градъ выбьетъ всѣ твои поля и огороды, и у тебя не родится ни зерна! Пусть и сама ты охромѣешь и у тебя отнимутся руки или ноги! Знай, что въ прошломъ году, въ Новгородской губерніи, сгорѣло десять деревень отъ моихъ проклятій и пало десять стадъ коровъ съ телятами и овцами; и всѣ поля были выбиты градомъ. А два дня тому назадъ писали мнѣ, что въ Лугскомъ уѣздѣ, гдѣ меня недавно обидѣли, сгорѣла до тла большущая деревня. Итакъ, подавись своимъ молокомъ; но не пройдетъ мѣсяца, какъ у тебя не будетъ ни кола, ни двора и отнимутся обѣ руки, если я сейчасъ не наѣмся и не сниму съ тебя проклятія. Аминь. Прощай, пожалѣешь, да будетъ поздно.

Произнеся такое страшное проклятіе, ничѣмъ не уступавшее извѣстнымъ проклятіямъ Камиллы въ «Гораціяхъ и Курацiяхъ» Корнеля, я хотѣлъ уйти. Но не успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ беззубая чухонка бросилась ко мнѣ въ величайшемъ испугѣ, съ умоляющимъ видомъ и чуть не рыдая, проговорила:

— Баринъ, не уходи, прости меня, старую дуру. Вотъ тебѣ, кушай на здоровье, сколько угодно. — И давай ставить передо мною горшокъ, другой и даже третій. Достала цѣлую краюху хлѣба и очень хорошаго, мягкаго. — Ладно, прощаю тебя и снимаю съ тебя мое проклятіе. Теперь будь покойна и не бойся ничего: будешь здоровѣе прежняго; ни одна корова, ни теленокъ, ни овца у тебя не заболѣетъ, и все будетъ цѣле-

хонько. Аминь. — И вооружившись поданной мнѣ ложкой, отрѣзавъ ломоть хлѣба, мигомъ убралъ полгоршка превкуснаго молока и былъ спасенъ отъ голодной смерти. Затѣмъ вынимаю портмоне для расплаты. Куда! Старуха и слышать не хочетъ брать съ меня денегъ. — Ну такъ отдай ихъ бѣднымъ или на церковь, — сказалъ я, положивъ на столъ какую-то монету и вышелъ изъ чулана, оставя чухонку вполнѣ довольною мною, и самъ будучи вполнѣ доволенъ ею, а еще болѣе ея молокомъ и хлѣбомъ.

Я не могъ равнодушно глядѣть, когда, безъ всякой вины, а просто для забавы, били собаку или кошку. Не разъ сердился я на одного изъ моихъ племянниковъ за то, что онъ иногда потѣшался надъ попавшейся ему несчастной кошкой — таская ее за хвостъ, или травя собакой. Но, грѣшный человѣкъ, крысъ и мышей ненавидѣлъ и не прочь былъ отправить ихъ ad patres, въ особенности мышей, которыя перегрызли и перепортили у меня много книгъ и рукописей, да прочитанной *объективной* газеты «Journal de St. Pétersbourg», которая за цѣлыхъ 16 лѣтъ копилась и хранилась на чердакѣ въ ящикахъ, и которую любилъ я еще и за то, что, сверхъ своей объективности, она была и благоприлична и не ругалась, какъ иныя, ни съ кѣмъ весьма неизящно, а порою и черезчуръ забористо. Ее можно было брать въ руки безъ перчатокъ и не запачкаться. Хоть и прочитанная, старая, но все-таки было какъ-то жаль, совѣстно уничтожать самому, зря, этотъ печатный хламъ. Что же до прочихъ потребностей домашняго обихода, на это шла у меня другая газета, русская, *ultra-субъективная*. Ну, такъ вотъ и взялись за дѣло очищенія чердака отъ хлама мыши, у которыхъ, не такъ какъ у меня, оказалось очень мало совѣстливости, не только относительно съѣдобнаго, удобоваримаго, но и въ отношеніи газетъ, самой тяжелой, неудобоваримой пищи не только для людей, но и для грызуновъ; а попадаются нерѣдко и такія *субъективныя* газетки да журналики, что ихъ не переварятъ и желудки всѣхъ страусовъ, вмѣстѣ взятые.

4. Стараться сколь возможно менѣе одолжаться другими, но самому одолжать другихъ сколь возможно болѣе, на сколько позволятъ мнѣ мои средства; а часто, увы, и сверхъ моихъ средствъ, и въ явный себѣ ущербъ... И какже много, и какъ часто платился я за это и своимъ комфортомъ,—если только бывалъ у меня когда, не комфортъ, а пародія комфорта,—и своимъ спокойствіемъ, не говоря о сладостяхъ жизни, которыхъ лишь запахомъ удавалось мнѣ иногда пользоваться, а самую суть уступалъ я другимъ. Ну, за все это и благодарили меня благороднѣйшимъ образомъ, а въ добавокъ, какъ лестно для моего самолюбія обзывали меня порою нѣкоторые изъ моихъ родныхъ и нѣкоторые изъ знакомыхъ.

5. Безъ крайней необходимости, неизбѣжности, такъ сказать, никогда не занимать, не дѣлать долговъ. А когда это было неизбѣжно, и то лишь небольшими кушами, и не на долго, то занимать только у короткихъ моихъ знакомыхъ, которые хорошо, вдоль и поперекъ меня знаютъ и безусловно мнѣ вѣрятъ. И затѣмъ, хоть «лечь костьми», но уплатить всецѣло и въ срокъ. Поэтому полковые мои товарищи часто говаривали: «Давать взаймы Макарову, все равно, что въ банкъ класть». Бывало, только что получу жалованье отъ казначея, сейчасъ же, прямо отъ него и почти бѣгомъ къ моему кредитору. И если не застану его дома, иду, раздосадованный, къ себѣ. Вдругъ встрѣчаю его по дорогѣ. «Стой, мнѣ нужно съ тобой переговорить». Веду его таинственно подъ ворота перваго дома, вынимаю изъ кармана и сую ему въ руку мой долгъ. И такъ легко сдѣлается мнѣ послѣ этого, словно пудовую гирю сняли съ моихъ плечъ.

6. А чтобы исполнять предъидущія правила, то, во первыхъ: я никогда не бралъ картъ въ руки для азартныхъ игръ; даже въ коммерческія игры и по самой маленькой, почти никогда не игралъ; во вторыхъ: постоянно себѣ отказывалъ не только въ дорогихъ, но и въ дешевыхъ сладостяхъ жизни. Не жалѣлъ я денегъ лишь на то, *безъ чего нельзя было обойтись порядочному человѣку*. Теперь, чтобы показать сколь неуклонно слѣдовалъ я моимъ правиламъ, я разскажу одинъ, изъ множества, разительный примѣръ соблюденія первыхъ трехъ правилъ и съ тѣмъ вмѣстѣ образчикъ моей четвертой *фобіи*, т. е. *себяфобіи*, отразившейся потомъ невыгодно на всей моей карьерѣ.

Въ одной изъ будущихъ книгъ «Воспоминаній» будетъ глава: Первый блинъ, да и комомъ», въ которой описывалъ я мою любовь, мою бурную, огненную страсть къ Аннетѣ Гесслингъ, къ «большому ребенку», какъ ее называли, въ которую перевлюблялись тогда почти всѣ прапорщики и подпоручики Литовскаго полка, половина поручиковъ, нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ, но не батальонные: чинъ не позволялъ. Разумѣется, я, какъ и большая часть моихъ товарищей литовцевъ, часто посѣщалъ домъ ея дѣда, восьмидесятилѣтняго пастора лютеранской церкви въ Ораніенбаумѣ, къ которому Аннета часто пріѣзжала изъ Петербурга гостить. Понятно, что бывать у Андрея Ивановича (пастора) и созерцать тамъ мое свѣтило, любоваться восхитительной головкой и всей граціозной, стройной фигурой большаго ребенка, слушать ея очаровательный, мелодическій голосъ, засматриваться въ лазурь ея прелестныхъ глазокъ, было для меня nec plus ultra неземнаго блаженства. И вдругъ, ни съ того, ни съ сего, мнѣ покажется иногда, что я тамъ,

у пастора, не «изъ самыхъ желанныхъ» гостей, что меня принимаютъ безъ большаго удовольствія, такъ себѣ, изъ вѣжливости, для счета. Ну и баста! Прощай мое небо, прощай лазурь дѣтскихъ глазокъ. Мѣсяцъ, два, три туда ни ногой. Сердце у меня ноетъ, разрывается! Пусть себѣ ноетъ! пусть разрывается! но ни за какія блага, ни за какія небеса, ни за какую лазурь не согласился бы я быть, гдѣ бы то ни было, такъ себѣ, лишнимъ, нежеланнымъ, ou pis aller. И вотъ начинаютъ сыпаться на меня со всѣхъ сторонъ восклицанія, вопросы отъ моихъ товарищей:

— Да что это, Макаровъ, не видатъ тебя у Андрея Иваныча? Да отчего это пересталъ ты бывать у Гесслинговъ. Тамъ всѣ удивляются, недоумѣваютъ, всѣ спрашиваютъ: «что это сдѣлалось съ м-сьё Макаровымъ; отчего такъ долго онъ у насъ не былъ; здоровъ ли м-сьё Макаровъ»? А м-сьё Макаровъ и въ усъ себѣ не дуетъ; сердце у него страшно болитъ, разрывается; онъ замерзъ, окоченѣлъ, давно не грѣвшись ослѣпительными лучами своего солнца; а все таки ни ногой къ этому солнцу. Не довѣряетъ восклицательнымъ знакамъ товарищей и сообщеніямъ о томъ, что «тамъ замѣчаютъ, безпокоятся о его отсутствіи». Наконецъ и встрѣтится онъ въ какомъ либо другомъ домѣ или съ мамашей, или съ одной изъ сестеръ большаго ребенка, а иногда и съ нимъ самимъ.

— Что это, м-сьё Макаровъ, вы совсѣмъ забыли насъ? За что это вы лишаете насъ такъ долго удовольствія видѣть васъ въ нашемъ домѣ? Ради Бога навѣщайте насъ, — и пр. и пр.

Ну, м-сьё Макаровъ и рѣшится наконецъ снять съ себя зарокъ: со страхомъ и трепетомъ, съ замиреніемъ сердца отправится онъ къ своему божеству, къ своему солнцу, и тотчасъ же, въ первый же визитъ отойдетъ, оттаетъ, согрѣется живительными лучами прекраснѣйшаго изъ земныхъ свѣтилъ, лучами ораніенбаумскаго солнышка. А вотъ примѣръ, въ подтвержденіе пятаго правила моей страшной боязни, чтобы ничья ни единая копѣйка не пропала за мною.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ разъ случилась мнѣ крайность въ 800 рубляхъ. Ѣду я къ моему близкому сосѣду по тульскому имѣнію, къ хорошему старому (съ 1840 г.) моему знакомцу Степану Степ. Стрекалову, этому образцу высокой честности и аристократа въ наилучшемъ смыслѣ этого слова, безъ тѣни гордости, чванства или тщеславія, всегда одинаково привѣтливаго, вѣжливаго и любезнаго не только со своими аристократическими собратіями, но и со всѣми прочими смертными, далеко не аристократами, были бы только порядочные люди. Разумѣется, онъ тотчасъ же и съ величайшею готовностью одолжилъ мнѣ эту сумму,

подъ простую росписку на уплату черезъ 4 или 5 мѣсяцевъ. Ѣду я осенью въ Петербургъ, потомъ возвращаюсь оттуда съ деньгами, останавливаюсь на короткое время въ Москвѣ и сейчасъ же къ Степану Степановичу на Тверскую противъ англійскаго клуба. Приняла меня его супруга, Александра Николаевна, эта благороднѣйшая, прекраснѣйшая женщина. Ну, да объ ней нечего много говорить: ее знаетъ вся Москва по ея ангельской добротѣ, идеальной женской и христіанской добродѣтели, или вѣрнѣе, по соединенію всѣхъ добродѣтелей; по неустающей, непрестанной благотворительности. А знаетъ ли она, старушка Москва, о ея тяжко испытанной жизни, о томъ, что изъ троихъ любимыхъ ею дѣтей, она одну дочь, Екатерину, потеряла еще отроковицей, другую, Наталію, потеряла послѣ короткаго замужества ея съ княземъ Ливеномъ. Наконецъ единственный, горячо любимый ею сынъ, тоже Степанъ или, какъ его называли, «Копочка», прекраснѣйшій, рѣдкій молодой человѣкъ, умеръ вскорѣ послѣ своей женитьбы на Челищевой. Затѣмъ потеряла она и его единственнаго сына, своего внука. Осталось у ней только отъ старшей дочери трое внуковъ, Ливеновъ, но не Стрекаловыхъ. И эти несчастія не ожесточили Александру Николаевну противъ судьбы, а напротивъ: еще болѣе умиротворили, умягчили ея сердце, сдѣлали ее еще религіознѣе, еще добрѣе, еще благотворительнѣе. Итакъ, какъ и всегда, Александра Николаевна приняла меня очень любезно и сказала, когда заговорилъ я о моемъ долгѣ:

— Мой мужъ уѣхалъ за границу, а когда вернется, не знаю.

— Все равно: я привезъ деньги, которыя и прошу васъ принять отъ меня. Но только тутъ является вотъ какой вопросъ: по разсѣянности, я забылъ вписать мой долгъ въ мою приходную книгу и не помню 300 или 350 р. взялъ я. Поэтому прошу васъ достать мою росписку, чтобы разрѣшить мое недоумѣніе.

— Какже это сдѣлать? Вѣдь мужъ мой не оставлялъ мнѣ этой росписки и даже ни слова не говорилъ о вашемъ долгѣ.

— Въ такомъ случаѣ плачу вамъ 350 р. Это мой священный долгъ— загладить мою разсѣянность и забывчивость.

Уѣзжаю изъ Москвы къ себѣ въ деревню. Дней черезъ десять по моемъ возвращеніи, пріѣзжаетъ ко мнѣ управляющій Стрекалова и говоритъ:

— Вчера получилъ я письмо отъ Александры Николаевны: она пишетъ, чтобы я сейчасъ же отвезъ къ вамъ 50 р., излишне вами ей заплаченныхъ. Она отыскала вашу росписку, въ которой значатся, что вы взяли у Степана Ст. не 350, а только 300 р. Эти деньги все равно,

какъ бы свалились мнѣ съ неба. Ужъ коли зашла рѣчь о моей неспособности — быть неакуратнымъ въ платежахъ долга, о болѣзненномъ, судорожномъ моемъ содроганіи при одной мысли о томъ, что можетъ пропасть за мной хотя единая чья либо копѣйка, то слѣдуетъ разсказать не... «маленькій фельетонъ», какъ говорится иногда въ «Новомъ Времени», а маленькій казусъ или казусикъ; и разсказать ради вящщей иллюстраціи вышесказанной моей неспособности, которую можно было бы назвать *долгофобіей,* и которая сразу угадывается и высоко цѣнится заграницею, хоть, напримѣръ, въ Парижѣ, но уже только не у насъ въ Россіи, не въ Москвѣ, не въ Петербургѣ, чему разительный примѣръ приведу я ниже. Но разъ встрѣтилось блестящее исключеніе изъ правила, и гдѣ же? въ Тулѣ!!!...

Живя постоянно въ деревнѣ, въ трехъ верстахъ отъ передпослѣдней станціи (Баранова) чугунки, не доѣзжая 20 верстъ изъ Москвы въ Тулу; осень, зиму и часть весны проживаю въ Тулѣ, ради сыновей—гимназистовъ. Говорилъ я уже о моемъ отвращеніи — занимать иначе, какъ у короткихъ знакомыхъ и то въ крайнихъ случаяхъ; но уже ни въ какомъ случаѣ не у коренныхъ туляковъ; Боже избави! Вѣдь это такой народецъ!!!..... А какой же, спросите вы, читатель. Вамъ очень хочется это знать? Ну, куда ни шло, удовлетворю ваше любопытство; но только не сейчасъ, а позднѣе. И займусь я тогда съ особенной любовью «эвтими» милыми туляками, про которыхъ даже сложились двѣ пословицы: «Доброй малой, да *тулякъ*», (есть варіянтъ этой пословицы: «Всѣмъ бы хорошъ, да тулякъ»), и «Въ Тулу не мудрено пріѣхать умникомъ, но *мудрено выѣхать изъ нее таковымъ*». Я сказалъ уже, что, такъ какъ мнѣ 72 года, то вѣроятно не заставитъ себя долго ждать минута моего отправленія Туда, куда не хочу уносить съ собою ничего здѣшняго, особенно такой пикантной матеріи, какъ характеристика туляковъ стараго и новаго времени, грандіозныхъ и мизерныхъ, со стеклышками и безъ оныхъ. Вѣдь вы просто разведете и руками и ногами, когда узнаете, что это за милые, прелестные субъекты.... Возвращаюсь къ кредиту.

Итакъ, у кровныхъ туляковъ я никогда не кредитовался, но въ нѣкоторыхъ лавкахъ, въ томъ числѣ и въ мясной, забираю на книжку, потому что весьма неудобно посылать за всякой малостью прислугу съ деньгами, которыя не разъ и теряла она. Такимъ образомъ накопился расчетъ съ мясной лавкою почти за мѣсяцъ. И вдругъ, однажды, кухарка теряетъ мясную книжку. Досадно. Ѣду самъ въ мясную лавку Серебрякова и спрашиваю: Сколько я вамъ должнъ? — А не знаю, батюшка! Какъ не знаете? вѣдь у васъ должны быть записаны въ книгу мои за-

боры? — Никакихъ такихъ книгъ у меня, батюшка, не имѣется. А платятъ мнѣ господа по своимъ книжкамъ.—Да вѣдь мою-то книжку сегодня потеряла дура кухарка косолапая. Какже я теперь васъ разсчитаю? — А ужъ какъ вамъ самимъ заблагоразсудится: что дадите, тѣмъ и буду доволенъ. Мой грѣхъ.

Возвращаюсь домой въ большомъ раздумьи, какъ выяснить и сосчитать повѣрнѣе на память цифры почти мѣсячнаго забора. Сажусь за счеты, погружаюсь въ воспоминанія о ссѣкахъ, филеяхъ, бифстексахъ, ростбифахъ, телятинахъ, и пр. и пр. Призываю на помощь жену. Болѣе часа прокорпѣлъ я надъ разрѣшеніемъ этой мясной задачи, корпѣлъ до испарины, но итогъ подвелъ: вышло 36 руб. съ копѣйками. Отвожу самъ эти деньги и, съ наслажденіемъ, вручаю Серебрякову. А на другое утро приносятъ мнѣ потерянную книжку, которую кто-то нашелъ на тротуарѣ, и прочтя заголовокъ принесъ ее въ лавку Серебрякова. Оказалась незначительная разница рубля въ полтора противъ моего расчета. Но съ тѣхъ поръ, когда я привожу Серебрякову мой долгъ, иногда за два или за три мѣсяца, и извиняюсь, что такъ долго не платилъ, онъ неизмѣнно говоритъ мнѣ:

— Помилуйте, батюшка! Да если бы вы не платили мнѣ и въ продолженіи года, такъ и тогда я ничуточки не обезпокоюсь. Вѣдь за вами-то деньги вѣрнѣе, чѣмъ у меня въ сундукѣ. У меня-то могутъ уворовать, ну и пропали. А у васъ-то завсегда будутъ цѣлы; хоть бы и украли, вы навѣрно мнѣ заплатите. Я во всю жисть не забуду, какъ вы могли мнѣ не заплатить ни копѣйки, значитъ самъ я былъ виноватъ. А вы тотчасъ же заплатили мнѣ безъ всякаго спору или сумленія.—Теперь о вышесказанной способности умѣть угадывать *долгобоязнь*, т. е. честность на расплату заграницею, и о способности не умѣть это угадывать въ нашей матушкѣ «Рассеѣ».

Жилъ я съ августа 1851 по конецъ января 1852 года въ Парижѣ, съ покойною второю женою и дочерью. Былъ я свидѣтелемъ знаменитаго coup d'état маленькаго Наполеона (по Виктору Гюго); ходилъ посмотрѣть на баррикады, да не пустили, а въ добавокъ чуть меня не подстрѣлили, когда я, со многими русскими, смотрѣлъ изъ окна отеля Итальянскаго бульвара, какъ проходили мимо войска отъ церкви Маделенъ къ Портъ-Сенъ-Мартенъ, гдѣ уже возникали баррикады. Это было на третій день послѣ переворота 2 декабря. А за нѣсколько дней до этого, находясь на хорахъ представительнаго собранія, я былъ свидѣтелемъ одной изъ самыхъ бурныхъ парламентскихъ сценъ.

Послѣ премьерства Леона Фоше, ловкаго, умнаго и весьма себѣ на умѣ, сформировалось у маленькаго Наполеона самое лакейское и бездарное министерство, какое когда либо существовало, министерство Ториньи, который еще былъ такъ себѣ. Но прочіе, въ особенности министръ юстиціи Давіель, злополучнѣйшій министришко. Послѣ громовыхъ рѣчей Жюля Фавра и Теофила Бака, приносившаго жалобу собранію за то, что его гдѣ-то арестовали, невзирая на его депутатскую неприкосновенность, вскарабкался на трибуну толстенькій эксъ-прокурорикъ и тогдашній министрикъ Давіель; вскарабкался и принялся оправдывать своихъ бездарныхъ коллегъ, но какъ? не то чтобы: «и пошелъ, и пошелъ», а «и поползъ, и поползъ». Наконецъ, такъ ужъ зарапортовался, понесъ такую околесную, что все разразилось громкимъ, неудержимымъ хохотомъ: и лѣвая, и правая, и центръ. Возгласы, упреки, сарказмы сыпались градомъ на злополучнаго министра, который пыхтѣлъ, заикался, захлебывался, безпрестанно утирался платкомъ. Наконецъ долговязый, сѣдовласый и саркастическій президентъ Дюпенъ, плутъ изъ умнѣйшихъ плутовъ, сжалился и громогласно принялся защищать министра, но какъ? Вотъ слово въ слово, что и какъ прозубоскалилъ онъ, съ президентскаго кресла, обращаясь къ депутатамъ всѣхъ сторонъ:

— Messieurs, *bien* ou *mal* laissez parler le ministre (Господа! хорошо ли, плохо ли, дайте же говорить министру).

Боже мой! какой гвалтъ послѣдовалъ въ собраніи за этимъ злымъ сарказмомъ! Съ крайней правой раздалось:

— Г. президентъ! Вы, который долженъ защищать министра, а вы первый бросаете въ него грязью!

А сколько весьма интереснаго могъ бы я поразсказать о многихъ другихъ актерахъ грязно-кровавой арлекинады 2-го декабря, и что слышалъ я тогда отъ моего квартирнаго хозяина, преумнаго француза. Напримѣръ: какъ Сент-Арно продалъ республику Наполеону за уплату его огромныхъ долговъ; какъ потомъ онъ укралъ 300 тысячъ фр. изъ подъ пресъ-папье въ кабинетѣ императора, и вслѣдъ затѣмъ смертельно ранилъ капитана Корнмюза, ординарца императора и въ его глазахъ; какъ Евгенія потомъ слезно, на колѣняхъ умоляла мать убитаго ординарца не разглашать объ этомъ кровавомъ дворцовомъ скандалѣ; какъ этотъ Сент-Арно не захотѣлъ послѣдовать примѣру Маньяка, продавшаго за полтора милльона собственноручную записку Наполеона, въ которой этотъ парижскій декабристъ писалъ: Tuez, massacrez tout» (убивайте, рѣжьте всѣхъ). А за удержаніе у себя, про черный день, этой гуманной записочки, послали его потомъ въ Крымъ — пожинать лавры и кипарисныя вѣтки. Ну и легъ

тамъ костьми пресловутый эксъ-актеръ, а потомъ военный и громадный министръ негромаднаго, а маленькаго Наполеона...

Итакъ, проходили по бульвару войска. Зрѣлище было весьма интересное. Вдругъ какой нибудь тротуарный зѣвака крикнетъ неистово: «Vive la république!» А вслѣдъ за этимъ конный жандармъ вихремъ налетитъ на крикуна и давай отсчитывать ему по спинѣ полновѣсные удары палашемъ, т. е. угоститъ фуктелями, говоря прежнимъ военнымъ языкомъ. На углу улицы Ришелье стояла кучка зѣвакъ. Вдругъ кто-то выстрѣлилъ изъ пистолета въ проходившихъ солдатъ, и хотя никого не задѣлъ, но съ десятокъ изъ нихъ повернулись къ кучкѣ и пифъ-пафъ. Одна изъ пуль, шальная, попала прямо въ окно, изъ котораго мы смотрѣли и, прожужжавъ надъ нашими головами, ударилась въ стѣну. Бывшій тутъ мой шуринъ, Богаевскій, досталъ эту пулю и спряталъ на память. А когда я возвратился домой, въ улицу Шоссе д'Антенъ, то хозяинъ квартиры предостерегъ меня, сказавъ: «Ради Бога не ходите, или хоть по меньше расхаживайте теперь по Парижу; вѣдь за ничто пропадете: васъ могутъ застрѣлить въ толпѣ». И точно: когда въ тотъ же вечеръ отправилась наша компанія по Итальянскому бульвару къ Портъ-Мартенъ посмотрѣть на баррикады, чего намъ страшно хотѣлось, то, начиная отъ бульвара Боньнувэль, стали намъ попадатся сперва лужи крови на тротуарѣ, потомъ трупы убитыхъ, одинъ, два, наконецъ цѣлая группа. И все это мирные прохожіе съ зонтиками, подстрѣленные въ разгарѣ революціонной сумятицы. А стѣны одного дома были какъ рѣшето отъ картечныхъ выстрѣловъ. При проѣздѣ артиллеріи, кто-то выстрѣлилъ въ нее изъ этого дома. Тотчасъ же нѣсколько орудій повернулись дулами къ дому, дали залпъ картечью, и случайно убили одного отставнаго французскаго генерала, мирно сидѣвшаго за столомъ, и превратили въ рѣшето стѣну дома. Но баррикадъ мы не видали. Цѣпь часовыхъ насъ не пустила.... Но я увлекаюсь моими воспоминаніями. Отложу ихъ до одной изъ будущихъ книгъ, гдѣ сообщу о многомъ видѣнномъ и слышанномъ мною тогда въ Парижѣ, и о чемъ нигдѣ не говорилось въ печати. Возвращусь къ кредиту, о которомъ я началъ рѣчь.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ, я часто посѣщалъ Палерояль, и тамъ заходилъ много разъ въ оптическій магазинъ Вальяна, гдѣ сидѣла весьма пожилая дама. Покупалъ я разныя вещицы. Взялъ для жены великолѣпный элиптическій бинокль слоновой кости. Потомъ разсудилъ взять такой же, но черный, для себя. Стоилъ онъ 50 фр. Достаю изъ кармана портмоне; оказалось только нѣсколько франковъ и банковый билетъ въ 500 фр. Подаю, сказавъ:—Можете размѣнять? Дама не беретъ

билета и говоритъ: — Занесите деньги послѣ, когда нибудь. — Да вѣдь вы меня не знаете (она знала, что я русскій).—Такъ что жъ? А вы все таки мнѣ отдадите, я это знаю.—Да узнайте же мой адресъ.—Не нужно. — Ну хоть мое имя. — И этого ненужно. — А какъ я не принесу вамъ моего долга, какже вы будете его взыскивать, не зная, гдѣ я и кто я? — О, нѣтъ! вы принесете свой долгъ, непремѣнно принесете, я въ томъ увѣрена. *Я знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло; вѣдь не даромъ сижу я здѣсь въ продолженіи двадцати лѣтъ.* Такъ таки и не захотѣла узнать ни моего адреса, ни фамиліи. Разумѣется, на другой-же день я отнесъ ей 50 фр. Это, изволите видѣть, кредитъ заграничный, полный здоровья и силъ. А вотъ образчикъ кредита «рассейскаго», т. е. чахоточнѣйшаго, хилѣйшаго кредитишки.

Жилъ я съ начала 1869 по іюнь 1872 года на Вознесенскомъ проспектѣ, близъ типографіи Печаткиной, бывшей Неклюдова, гдѣ печаталось тогда первое изданіе моего «Полнаго французско-русскаго словаря». Имѣю я обыкновеніе выкуривать послѣ обѣда сигару и запивать ее чѣмъ нибудь: чаемъ, кофе или виномъ. Въ то время я выпивалъ полстакана недорогаго сотерна въ 75 коп. (нынѣ онъ стоитъ 1 р. 25 коп. Явный прогрессъ въ «рассейскихъ» финансахъ и кредитѣ). Бралъ я его постоянно у Денкера, что у Казанскаго моста. Захожу разъ туда и велю подать двѣ бутылки сотерну. Подаютъ. Хвать за карманъ: портмоне забылъ дома, что весьма рѣдко случается со мною.

— Прикажите отнести этотъ сотернъ ко мнѣ на квартиру, а деньги занесу къ вамъ завтра: я забылъ дома свой портмоне. На лицѣ сидѣльца, чистокровнаго остзейца, появилось недоумѣніе, нисколько не скрываемое, а очень многоговорящее.

— Что это? вы, кажется, не вѣрите мнѣ на полтора рубля, и тогда какъ я уже болѣе двухъ лѣтъ беру у васъ вино и вамъ хорошо извѣстны и мое имя, и моя квартира! Остзеецъ замялся, но не сконфузился и проостзеилъ:

— Что жъ дѣлать, господинъ? Съ полгода тому назадъ къ намъ ѣздилъ одинъ господинъ, такой важный, въ каретѣ и съ лакеемъ. Забиралъ у насъ вина, платилъ; а потомъ набралъ рублей на 30, да больше и не пріѣзжалъ. Ищи его теперь.

— Да потому-то онъ, быть можетъ, и не заплатилъ, что не приходилъ, а пріѣзжалъ къ вамъ въ каретѣ, и съ лакеемъ.

— Что жъ дѣлать, господинъ?

— А вотъ что: домой я, можетъ быть, не попаду ранѣе обѣда. А курить сигару, не запивая виномъ, не люблю. Такъ вотъ вамъ въ обез-

печеніе золотое кольцо, стоющее 15 р., сказалъ я и, снявъ кольцо съ пальца, подалъ его сидѣльцу. На этотъ разъ остзеецъ сконфузился, не бралъ отъ меня кольца, а протянулъ мнѣ одну изъ бутылокъ.

— Благодарю васъ за огромный кредитъ. Стало быть вы находите, что я стою не болѣе 75 копѣекъ, а полутора рублей не стою. Отказываюсь отъ вашего сотерна, и отъ кредита, не желая быть причиною вашего страха за цѣлость вашего капитала и удаляюсь. Прощайте, и не до свиданья, а на всегда. Зайду, возвращаясь домой, къ Шиту въ Большой Мѣщанской и буду брать у него.—Не правда ли, какой тонкій остзейскій тактъ и умѣнье угадывать порядочныхъ и честныхъ людей? Но и у православныхъ не лучше; а то пожалуй и похуже. Много, много разъ имѣлъ я случай убѣдиться въ этой лафатеровской способности моихъ милыхъ согражданъ, хотя бы напримѣръ относительно поддержки и кредита, какіе оказывали мнѣ нѣкоторые наши меценаты въ обѣихъ столицахъ, въ снабженіи меня средствами къ изданію моихъ словарей, даже подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе двумя рублями за рубль. А равно и кредита по отпуску мнѣ бумаги въ долгъ подъ такое же вѣрное обезпеченіе. Но обо всемъ этомъ подробнѣе скажется въ послѣдней книгѣ, которая будетъ резюмировать мои жизненныя похожденія.

Я былъ еще страшнѣйшій мечтатель, заткнулъ бы за поясъ любую молочницу изъ басни Лафонтена. О чемъ только не мечталъ я? Но главною, любимою моею мечтою была сущая бездѣлица: сдѣлаться богатымъ, страшно богатымъ, такимъ, у котораго не только куры, но и всѣ пѣтухи, гуси, индѣйки и даже утки, — а вѣдь онѣ извѣстны своею прожорливостью, — словомъ всѣ домашніе пернатые могли бы вволю клевать и не выклевать. И мечталъ я о богатствѣ не для себя, совсѣмъ нѣтъ: я никогда не былъ и не буду падокъ на корысть, умѣлъ и всегда буду умѣть довольствоваться не многимъ, необходимымъ (но въ хорошихъ сигарахъ съ рюмкою хорошаго Шато-д'Икемъ я себѣ тогда не отказывалъ бы). А мечталъ я о богатствѣ для того, чтобы дѣлать безконечную массу добра. И было бы у меня тогда много честныхъ и гуманныхъ секретарей и сотрудниковъ, которые помогали бы мнѣ отыскивать на чердакахъ и въ подвалахъ Петербурга и Москвы несчастныхъ, голодныхъ артистовъ, художниковъ, начинающихъ писателей, въ особенности, несправедливо и зазорно обруганныхъ гуманными журнальными Шемяками. И выстроилъ бы я тогда, и не одинъ, а нѣсколько огромныхъ домовъ, съ многочисленными меблированными комнатами, которыя отдавались бы безплатно со столомъ, съ медицинской помощью и разными удобствами вышерѣченнымъ меньшимъ братьямъ обоего пола. А чуть у кого плохое

бѣлье или одежда, и этимъ снабжались бы они даромъ изъ огромнаго магазина платья и бѣлья. И это было бы для меня превыше всѣхъ земныхъ почестей и наслажденій, за исключеніемъ — любить и быть любимымъ избранницей моего сердца. И мало ли еще какой міръ мечтаній и желаній, филантропическихъ и гуманитарныхъ, неустанно роился и кишѣлъ въ моемъ воображеніи и въ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ себя помнить, т. е. отъ ранняго отрочества и до преклонныхъ лѣтъ. О если бы были у меня средства дѣлать добро, много, много добра, какъ бы я былъ тогда счастливъ, счастливѣе всѣхъ владыкъ и сильныхъ міра! И во вѣки не пожелалъ бы для себя инаго счастія. Но, увы! Охота смертная, даже участь горькая. Не только для меньшой братіи, но и для себя-то самого приходилось не разъ ломать голову надъ разрѣшеніемъ соціальной квадратуры круга, — какъ и чѣмъ прожить, — самому-то бы еще ничего, а то съ женою и дѣтьми извѣстное трудное время, какъ напр. во время послѣдней войны съ турками, когда всѣ думали уже не о книгахъ, и даже не о словаряхъ, а о томъ, какъ бы свести концы съ концами.

А сколько пользы и добра могъ бы я сдѣлать для общества, еслибы попалъ на свое мѣсто и приложилъ бы къ дѣлу мою энергическую дѣятельность! Но занятіе такого мѣста возможно не на востокѣ, а на западѣ, гдѣ всякій способный и неутомимый дѣятель можетъ приносить пользу отечеству не только *съ малымъ чиномъ*, но и *безъ всякаго чина*, *былъ бы только уменъ*, *даровитъ*, *дѣятеленъ и честенъ*.

«Chaque pays a sa mode».

Китай, его давдцать тысячъ церемоній, чай, чинъ состоятъ въ самомъ близкомъ, тѣсномъ родствѣ между собою; гдѣ же тутъ найти мѣсто справедливой и раціональной оцѣнкѣ человѣческихъ способностей и достоинствъ? Чай и чинъ, чинъ и чай — всему голова, это — альфа и омега расы славянскихъ скиѳовъ. И что всего ужаснѣе: противовѣсомъ этой затхлой китайщины являются, не гражданскія доблести, а... динамитъ и нитроглицеринъ. Окутайся же въ черное покрывало, истинная гражданская доблесть! Спрячься и сиди подъ спудомъ, пока и подъ тебя не подведутъ мину, и не взорвутъ тебя. А вотъ образчикъ моего отвращенія къ займамъ не у самыхъ короткихъ знакомыхъ.

1832 года 15 августа, въ Ораніенбаумѣ собралась, для загородной прогулки, кавалькада литовскихъ офицеровъ, въ которой и я принималъ участіе. Своей лошади у меня не было, а предложилъ мнѣ свою одинъ изъ нашихъ капитановъ, но не предупредилъ меня, что лошадь эта, бывшая черкесская, горячая, злая, почти бѣшеная. Когда явился я на

мѣсто сбора, передъ присутственными мѣстами, уже всѣ участвовавшіе въ кавалькадѣ уѣхали. Подхожу къ назначенной для меня лошади, которую держалъ подъ уздцы деньщикъ капитана; она чуть не укусила меня и затѣмъ стала лягаться, но меня не задѣла. Вскочилъ я на нее, но не успѣлъ хорошо усѣсться и покрѣпче подобрать поводья, какъ она закусила удила и, какъ стрѣла, помчалась впередъ, по дорогѣ къ дворцовому саду. Невдалекѣ впереди лежалъ глубокій, широкій и выстланный камнемъ ровъ. Лошадь взяла лѣвѣе, мимо моста и мчалась прямо въ ровъ. Остановить ее не было возможности. Перескочить черезъ ровъ еще менѣе, такъ онъ былъ широкъ. «Ну, подумалъ я, прыгнетъ въ ровъ и поминай какъ звали, костей не соберешь». Но, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, я вынулъ ноги изъ стремянъ и, за нѣсколько шаговъ отъ рва, прыгъ на всемъ скаку на землю. Окаянная же лошадь, прискакавъ на край рва, остановилась какъ вкопанная.

Не помню, что и какъ произошло со мной послѣ отчаяннаго прыжка. Ударъ былъ страшный, лѣвымъ плечемъ о землю. Попробовалъ было я приподняться, кровь хлынула у меня ртомъ и носомъ. Я потерялъ сознаніе. Отъ сильнаго удара, сюртукъ мой распоролся по швамъ, распоролись и задніе карманы. Въ ту минуту проходили мимо двое полковыхъ музыкантовъ. Увидѣвъ офицера, лежащаго въ крови, безъ чувствъ, они подхватили меня подъ руки и поволокли во дворецъ, гдѣ, какъ у офицера роты Его Высочества, была моя квартира, возлѣ самой церкви. Покойный Михаилъ Павловичъ давалъ квартиру въ своемъ дворцѣ офицерамъ своей роты и полковникамъ. Приволокли меня, уложили на постель, привели доктора (Прокоповича, только что выпущеннаго въ полкъ изъ Мед.-хир. Академіи и сдѣлавшагося тотчасъ же моимъ закадычнымъ другомъ), который пустилъ мнѣ кровь изъ правой руки. Лѣвое плечо страшно распухло, такъ что пришлось разрѣзывать рубашку и рукавъ сюртука, чтобы снять ихъ съ меня. Два мѣсяца ворочали меня съ боку на бокъ. Но молодость взяла свое, я сталъ поправляться, а силы возвращаться ко мнѣ. Но только послѣ въ продолженіи тридцати лѣтъ не могъ я ни спать, ни лежать долго на лѣвомъ боку: сейчасъ начинало ломить лѣвое плечо.

Вотъ въ эти-то два мѣсяца моего заключенія истощились всѣ мои небольшіе фонды. И какъ нарочно, замедлили съ выдачей жалованья и казначей не пріѣзжалъ изъ Петербурга. Произвожу ревизію моей кассы: оказалось на лицо всего четыре двугривенныхъ; не жирно, чортъ возьми! Посылаю къ одному товарищу: сухи лелюхи; самъ сидитъ безъ гроша и, въ ожиданіи благъ, т. е. жалованья, кормится въ долгъ у Шмита

(трактирщика). Посылаю къ другому, третьему — та же исторія. А закадычный мой другъ, соратникъ и сожитель, поручикъ Крыжановскій, въ Петербургѣ, гоститъ у своего дяди, казначея капитула орденовъ и, вѣроятно, любезничаетъ съ своей кузиной, въ которую, говоря мимоходомъ, я былъ влюбленъ заочно, воображеніемъ, никогда ее не видавши, по разсказамъ друга, что она — прехорошенькая и преумненькая и еще,— важная причина — прочитавъ ее премилое письмо къ кузену, гдѣ она, между прочимъ, писала «что красота у мужчинъ — послѣдняя вещь». Ну возможно ли послѣ этого не влюбиться? Не знаю, какъ думаете объ этомъ вы, любезный читатель, а по моему — невозможно.

Итакъ необходимо было испробовать мои финансовыя способности, придумывать, ухищряться не хуже нынѣшняго турецкаго министра финансовъ...., да пожалуй и многихъ другихъ странъ. Вѣдь за плохими-то финансами дѣло не станетъ, они сплошь да рядомъ.... А между тѣмъ достать денегъ и сколько угодно, было для меня весьма легко: стоило только обратиться къ моему ротному командиру, капитану Тинькову, прелестнѣйшему человѣку и умницѣ, жившему тоже во дворцѣ, противъ моей квартиры на одной площадкѣ. Но тутъ встрѣтилось неодолимое для меня препятствіе, хотя всегда радушно, ласково, какъ родной былъ я принимаемъ въ его семействѣ, состоявшемъ изъ умнѣйшей и милѣйшей Парасковьи Сергѣевны, его жены, и еще изъ сына и трехъ дочерей, изъ которыхъ вторая, Софья, была потомъ дивной, ослѣпительной красавицей. Просить взаймы хоть и у прекраснѣйшаго человѣка и товарища, но съ которымъ я не былъ на *ты*, это было до того не въ моихъ правилахъ, ни въ понятіяхъ, до того казалось мнѣ чудовищнымъ, что я даже ни разу и не подумалъ объ этомъ, а порѣшилъ вопросъ о питаніи—это по прежнему, а по новому — вопросъ о «борьбѣ за существованіе»; порѣшилъ я самымъ субъективнымъ образомъ, а именно:

— Эй, Иванъ! — закричалъ я моему деньщику.

— Что прикажете, Ваше благородіе?

— Есть у насъ черный хлѣбъ?

— Есть, Ваше благородіе.

— И много?

— Да, цѣлый большущій каравай. А скоро и еще другой принесутъ такой же.

— А ходитъ ли сюда молочница и по чемъ бутылка молока?

— Ходитъ всякой день. А молоко по пятачку за бутылку.

Ура! Стало быть я спасенъ отъ голодной смерти. У меня четыре двугривенныхъ; значитъ шестнадцать пятачковъ, хватитъ на шестнадцать дней «хорошаго обѣда съ молокомъ». Ну, а тамъ хлѣбъ можно и съ водой. Буду живъ, не умру. Вотъ и началась для меня спартанская жизнь: два ломтя солдатскаго хлѣба, да бутылка молока въ день. Чѣмъ это не обѣдъ? Въ осажденномъ городѣ и того подъ часъ не достанешь. Но не болѣе пяти дней сидѣлъ я на этой пищѣ Св. Антонія. Тиньковъ какъ-то пронюхалъ про мое невольное постничанье. Боже мой, какъ онъ сердился на меня и пуще всего скорбѣлъ о моемъ постничаньи, когда мнѣ необходима была сытная, питательная пища для подкрѣпленія моихъ силъ. Не хотѣлъ слушать моихъ запирательствъ и увѣреній, что я сытехонекъ и здоровехонекъ, положилъ ко мнѣ на столъ сумму, равносильную моему третному жалованью и, несмотря на мои протесты, что и пятой части этого съ меня будетъ, ушелъ отъ меня, сказавши: — Разсержусь не на шутку, если не возьмете этихъ денегъ.

Деликатничалъ и благодушничалъ, или вѣрнѣе глупилъ я иногда въ дѣлахъ и вопросахъ о цифрахъ весьма и очень почтенныхъ, многотысячныхъ; но всего здѣсь не перечтешь и не перескажешь; да и къ чему? Однако-жъ разскажу еще хоть и о маленькой моей безсребренности; потому что нѣкоторыя подробности этого разсказа довольно курьезны, чтобы познакомить съ ними моихъ читателей.

Въ 1863 году, живя въ тульской деревнѣ, я получилъ предложеніе отъ одной народившейся тогда большой газеты — быть ея корреспондентомъ. Корреспондировалъ я мѣсяцевъ пять и затѣмъ отказался за неимѣніемъ досуга: я тогда приступилъ къ составленію моего перваго лексикографическаго труда (Полнаго рус.-фр. словаря). А что до такой мизерности, какъ гонораръ за пять мѣсяцевъ корреспонденціи, я и не подумалъ обращаться за этимъ въ редакцію той газеты, и не подумалъ потому, что какъ мнѣ казалось, тамъ не очень дорожили моимъ сотрудничествомъ и гдѣ, — все-таки это казалось мнѣ, — не очень щадилось и не избавлялось отъ уколовъ мое самолюбіе.

«Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь»

Поется въ русской пѣснѣ. А я, съ своей стороны, тоже могъ бы пропѣть:

«Люблю одну любовь безъ всякихъ я подарковъ,
Но не могу терпѣть подарковъ безъ любви».

И это была тоже одна изъ рѣзкихъ чертъ моего характера. Какъ

чортъ ладону, боялся я всегда, чтобы кто нибудь не сдѣлалъ мнѣ подарка. Безъ отвращенія могъ я принять подарокъ лишь отъ близкихъ родныхъ въ день имянинъ, да еще отъ друзей, и то съ условіемъ, чтобы это была малоцѣнная бездѣлушка, въ родѣ мѣдной пепельницы для сигаръ, какихъ нѣтъ уже въ продажѣ. Ну еще отъ короткаго знакомаго фунтъ, а пожалуй и два, хорошихъ конфектъ.... но не болѣе.... Это ничего, можно принять, потому что можно скоро порѣшить, такъ чтобы подарокъ не могъ колоть мнѣ глаза.

Не жмите плечами, не морщитесь, гг. цѣломудренные Зоилы на мою старческую болтовню. «Все это личности», готовы сказать вы.... Извините, это вовсе не личности, а моя, быть можетъ, *посмертная замогильная исповѣдь*. А вѣдь не слѣдуетъ уносить съ собою Туда какую бы то ни было горечь, все это надо вылить изъ сердца и оставить здѣсь, въ юдоли плача. Съ всепрощеніемъ, а не съ досадою, не съ непріязнію должно явиться Туда. А какже достигнуть этого иначе, какъ не очистивъ свое сердце полнѣйшимъ изліяніемъ всего, что накопилось, наболѣло въ немъ въ продолженіи многихъ лѣтъ?

Хоть и кратковременна была моя корреспондентская дѣятельность и безъ всякихъ для меня результатовъ, но она принесла громадную пользу тульскому, и дворянскому, и крестьянскому обществу, и заслуживаетъ быть разсказанною. Это происходило въ началѣ эры мировыхъ посредниковъ. Таковымъ въ первомъ участкѣ тульскаго уѣзда былъ тогда нѣкто М. Ив. Б., эксъ штабсъ-капитанъ гвардіи, богатый, сибаритъ и хлѣбосолъ, задававшій пиры и обѣды на славу, и съ сильнѣйшею протекціей и поддержкой: родной его братъ былъ любимымъ чиновникомъ министра Вн. Дѣлъ, а самъ онъ былъ лелѣянъ тульскимъ губернаторомъ, который за него горой; словомъ: баринъ важный, сильный, не уязвляемый, не сломаемый, не вытуриваемый. А между тѣмъ, хотя это и былъ человѣкъ добрѣйшей души, благороднѣйшій, но настояла крайняя необходимость его вытурить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше для пользы крестьянъ 1-го мироваго участка, для спасенія ихъ отъ ограбленія. И вытурить его не потому, что онъ не только не выдумалъ бы пороху, но еслибъ могъ, то уничтожилъ бы всѣ извѣстные порохи на свѣтѣ. Да и къ чему выдумывать еще новый порохъ, когда и старымъ-то истребляютъ сотни тысячъ людей, и добро бы еще іерусалимскихъ гешефтмахеровъ (этимъ—туда и дорога); а то полезныхъ гражданъ, воиновъ, и часто истребляютъ ни за что, ни за нюхъ табаку, за то, что кто-то не принялъ чьего-то посланника, или — зачѣмъ ключи отъ чего-то хранятся у того-то, а не у того-то?

Итакъ слѣдовало вытурить посредника и не потому, что онъ былъ черезчуръ благочестивъ, богомоленъ, расхаживалъ цѣлый день по комнатамъ, въ особенности по чердаку, распѣвалъ канты и кадилъ (буквально кадилъ), чтобы выкадить изъ дому всю нечистую силу.

И не потому, что онъ, когда выѣзжалъ, хотя и весьма рѣдко, но все-таки выѣзжалъ въ свой участокъ, то всегда бралъ съ собою свой образокъ и свою лампадку для своихъ колѣнопреклоненныхъ моленій, — чужимъ образамъ и лампадкамъ не довѣрялъ: свои были не въ примѣръ лучше.

И не потому, что онъ нянчился съ какими-то, добытыми имъ отъ кого-то, мощами, или частію мощей, вѣдали про это одни только посвященные, которымъ, по уплатѣ ими приличнаго жертвованія, такъ рублей во-сто, позволялось приложиться къ его святынѣ, и за это они были уже застрахованы отъ всякихъ бѣдъ, болѣзней и напастей.

Не правда ли:

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ».

Но все это—исторически вѣрно. По крайней мѣрѣ я слышалъ тогда обо всемъ этомъ отъ многихъ туляковъ, и, между прочими, отъ бывшаго тогда тульскаго предводителя дворянства. Теперь о томъ, почему слѣдовало вытурить посредника 1-го участка; безпремѣнно слѣдовало по нижеслѣдующимъ его дѣяніямъ:

Во первыхъ: утромъ онъ бывалъ еще и такъ и сякъ. Но съ обѣда начиналъ прикладываться, добро бы къ своей святынѣ, а то къ рюмочкѣ ликерца, или наливочки, которая создавалась у него весьма художественно. Прикладыванія эти учащались, такъ что къ вечеру приходилъ онъ въ блаженное состояніе восточнаго теріака. И это почти ежедневно.

Во вторыхъ: вслѣдствіе такихъ прикладываній онъ страшно опустился, облѣнился, отяжелѣлъ, раскисъ, и потому почти не занимался дѣлами своего участка, и весьма рѣдко выѣзжалъ изъ дому. Отъ этого страшно страдали всѣ дѣла, и крестьянскія, и дворянскія; напримѣръ: исполни онъ настоятельныя и повторительныя мои просьбы — пріѣхать ко мнѣ ввести уставную грамоту и поговорить съ крестьянами, послѣдніе непремѣнно перешли бы на выкупъ, какъ это и сдѣлалъ онъ у моего сосѣда, у исправника. А такъ какъ я былъ не исправникъ, а личность безполезная, отъ которой ни шерсти, ни молока, то онъ прошеній моихъ и не уважилъ, и такъ таки не пріѣзжалъ ко мнѣ, а крестьяне уперлись и на выкупъ не перешли.

Въ третьихъ: вслѣдствіе частыхъ прикладываній къ рюмочкамъ и еще вслѣдствіе своего отяжелѣнія, облѣненія, опьянѣнія, всѣми дѣлами

участка полновластно орудовалъ его письмоводитель, бывшій квартальный уѣзднаго города, выгнанный изъ службы за непомѣрное взяточничество. Можно себѣ представить, какой «козелъ былъ пущенъ въ огородъ», т. е. въ 1-й мировой участокъ: поголовное ограбленіе крестьянъ злополучнаго участка; правды никакой, повсюду царило Шемякинство. И ничего нельзя было подѣлать: хоть и пьяный, но слишкомъ силенъ былъ мировой тузъ. Раздавался тамъ и сямъ робкій, въ четверть голоса ропотъ, не доходившій и до Тулы, а не то чтобы далѣе. Вотъ на такого-то туза и ополчился я и поднялъ руку, не съ мечемъ, а съ перомъ. Не пожалѣлъ я красокъ для первой моей корреспонденціи, довольно длинной, столбцовъ на пять большой газеты, гдѣ и помѣстили ее въ 36 номерѣ отъ 10 февр. 1863 года. Пришла эта корреспонденція въ Тулу и разразилась въ ней, какъ громовой ударъ, или вѣрнѣе, какъ бомба. Все чиновное и нечиновное встрепенулось, засуетилось, заершилось, большею частію перетрусило: какъ! напасть на такого туза, губернаторскаго и министерскаго любимца, и отдѣлать на обѣ корки. Да это—криминалъ... Въ тульскомъ клубѣ № 36 *«Голоса»* переходилъ изъ рукъ въ руки, читался съ жадностью и на другой день пошелъ обходить весь городъ. Въ этотъ же день былъ и мировой съѣздъ. Первый перепуганный былъ губернаторъ, пріѣхавшій на съѣздъ и жалобно, слезно обратившійся ко всѣмъ посредникамъ, за исключеніемъ одного, 1-го участка: онъ и на съѣзды-то пріѣзжалъ рѣдко: прикладыванья къ святынѣ да къ рюмочкѣ и затѣмъ выкаживаніе кадиломъ нечистой силы поважнѣе мировыхъ съѣздовъ. Итакъ начальникъ Тульской губерніи обратился къ посредникамъ и, чуть не рыдая, спросилъ.

— Господа! Читали вы корреспонденцію въ 36-мъ номерѣ «Голоса»?

— Читали.

— Кто написалъ эту статью? *).

— Макаровъ.

— Господа! вамъ слѣдуетъ отвѣчать.

— Вовсе не слѣдуетъ, потому что: во первыхъ: — это относится не къ намъ, а къ Михайлу Иванычу, такъ пусть онъ за себя и отвѣчаетъ. Во вторыхъ: отвѣчать очень трудно, потому что все, что напи-

---

*) Ненавидя какія бы то ни было потемки, обожая свѣтъ, я никогда не прятался за анонимомъ или псевдонимомъ, кромѣ одного обруганнаго, и двухъ забракованныхъ моихъ романовъ (въ томъ числѣ и этихъ Воспоминаній, но только подъ другимъ заглавіемъ), да еще маленькой брошюрки. Но въ статьяхъ полемическихъ я выступалъ всегда безъ маски, съ открытымъ лицемъ. Поэтому я просилъ тогда редакцію «Голоса», чтобы впредь выставляли полное мое имя, что и было сдѣлано.

сано Макаровымъ — великая правда. Въ третьихъ: это дѣло литературное, а мы литературою не занимаемся.

Въ великомъ смущеніи и огорченіи за своего любимца, вышелъ его покровитель изъ съѣзда посредниковъ.

На другой день послѣ съѣзда, являлось ко мнѣ въ номеръ нѣсколько землевладѣльцевъ (одинъ тверской), съ изъявленіями живѣйшей благодарности за мою смѣлую статью, которая, по ихъ словамъ, должна имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія, нарушивъ безмятежный, и для общества весьма вредный кейфъ многихъ посредниковъ, которые слишкомъ рано вздумали опочить на скороспѣлыхъ лаврахъ.

Дошла громовая вѣсть о корреспонденціи «Голоса» и до героя этой статьи. И онъ встрепенулся, стряхнулъ съ себя лѣнь и, отложивъ на время свои прикладыванія, въ испугѣ, въ лихорадкѣ поспѣшилъ въ Тулу. Прочелъ статью, захныкалъ, всплакнулъ и, съ 36-мъ померомъ «Голоса» въ рукахъ, пустился въ паломничество, т. е. въ объѣздъ сильныхъ тульскаго міра, если только могутъ быть въ Тулѣ таковые, а не пародіи на сильныхъ міра. И вездѣ-то онъ хныкалъ, и вездѣ всплакивалъ, но ничего не добился. Было гораздо болѣе ироническихъ, нежели сочувственныхъ улыбокъ После этого проходитъ мѣсяцъ, посредникъ 1-го участка пріободрился, пересталъ хныкать, но не пересталъ лѣниться и прикладываться пуще прежняго.... съ горя, вѣроятно. Да и что же оставалось ему дѣлать съ горя, какъ не прикладываться? А письмоводитель его, эксъ-кварташка, нисколько не унялся и продолжалъ грабить попрежнему, если не пуще прежняго. Тогда отправился я во второй крестовой, т. е. корреспондентскій походъ и написалъ новую длинную статью, съ болѣе густыми и яркими красками. Помѣстили ее въ 69 номерѣ «Голоса». Вотъ какъ я заключилъ эту вторую о посредникѣ корреспонденцію:

«Во всякомъ случаѣ, въ какой бы инстанціи ни рѣшилось окончательно это дѣло, изъ него вытекаютъ два неизбѣжные вывода: или *г. Б. долженъ быть судимъ за совершеніе имъ подлога*, если я докажу это,— или, если я не успѣю этого доказать, то *я самъ долженъ быть судимъ за ложное обвиненіе*» *).

Смѣло, ребромъ былъ поставленъ мною вопросъ о посредникѣ 1-го участка. Только бурныя событія въ Польшѣ помѣшали тогда, въ высшихъ административныхъ сферахъ, обратить должное вниманіе на мою статью, съ грознымъ обвиненіемъ въ подлогѣ. Но какъ ни лелѣялъ гу-

*) Можетъ быть я помѣщу эти двѣ статьи въ Приложеніи: *Исторія созданія моихъ словарей*, помѣщу ради курьеза.

бернаторъ своего любимца, а все-таки, въ концѣ концовъ, вынужденъ былъ пригласить его къ себѣ и, хотя съ печальнымъ лицомъ, но серьезнымъ тономъ сказать ему:

— Подавайте въ отставку, поскорѣе подавайте, а не то васъ подъ судъ, подъ судъ, подъ судъ.

Потому, что подлогъ былъ на лицо. И какой подлогъ! Добро бы еще изъ за крупнаго интереса; а то изъ за лѣни. Не желая тревожить свой постоянно опохмеляющійся кейфъ и пріѣхать ко мнѣ ввести уставную грамоту, онъ подписалъ ее у себя въ домѣ въ деревнѣ, да еще заднимъ числомъ, да еще вотъ какъ: «я тамъ былъ и уставную грамоту ввелъ». Тогда какъ и глазъ ко мнѣ не показалъ. Право было бы, думаю, лучше, еслибы онъ подписалъ такъ: «я тамъ былъ, пиво медъ пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не кануло»... Ну ужъ въ «евтомъ» разѣ извините: въ ротъ-то ему непремѣнно кануло бы, и порядочно.

Итакъ мироваго туза я вытурилъ, ничто ему не помогло: ни родной братъ, любимецъ министра, ни самъ министръ, ни благожелатель губернаторъ, ни тысяча душъ, ни обѣды съ художественными наливками. Другой занялъ его мѣсто, умный, дѣльный, справедливый и нисколько и ни къ чему не прикладывающійся. Участокъ былъ освобожденъ изъ неволи египетской, т. е. кварташкиной, вздохнулъ и благословилъ мое имя, потому что, кромѣ меня, едва ли кто изъ туляковъ рѣшился и могъ бы сломить и вытурить губернаторскаго любимца, рекомендованнаго ему въ посредники самимъ министромъ Вн. дѣлъ. Любопытна была потомъ встрѣча у губернатора вытуреннаго посредника съ тульскимъ предводителемъ дворянства, покойнымъ Докудовскимъ, — хорошій и умный былъ человѣкъ, дай ему Богъ царство Небесное.

— Это вамъ, Петръ Андреичъ, обязанъ я потерею мѣста? — плачевно, но и злобно хныкалъ на предводителя вытуренный. — Я напишу на васъ статью.

— Полноте, Михайло Иванычъ! Вы прежде сами отпишитесь отъ статей Макарова, — отвѣчалъ предводитель.

И была же у меня разъ сцена съ этимъ Михайломъ Иванычемъ, обладателемъ чудодѣйственныхъ мощей и художественныхъ наливокъ; была гораздо ранѣе его вытуренія, когда, въ полномъ собраніи посредниковъ, ураганомъ налетѣлъ я на него за одно его облыжное донесеніе, и когда тутъ же попросилъ его назначить мнѣ «извѣстное рандеву», а одного изъ его товарищей — быть моимъ свидѣтелемъ. Шибко перепугался и кажется потомъ заболѣлъ бывшій заправитель 1-го участка, хотя и вымолилъ у меня прощеніе. А какой страхъ навели тогда мои

корреспонденціи на тульское чиновничество! Покойный предводитель Докудовскій сказалъ мнѣ разъ:

— Николай Петровичъ! Какъ огня боятся васъ, т. е. вашего пера, многіе тульскіе служаки; при одномъ имени вашемъ они блѣднѣютъ.

А лѣтъ шесть тому назадъ (въ 1875 году), въ 287 номерѣ тогдашняго «Новаго Времени». отдѣлалъ я всласть одного тульскаго, не туза, а «валета» пиковой... виноватъ «крѣпостной масти», хотѣлъ я сказать, т. е. валета отъ крѣпостныхъ дѣлъ, каковыя дѣла «оный валетъ» тормозилъ и мертвилъ безбожнѣйшимъ образомъ. Сильно осерчалъ тогда «оный валетъ прекрасный» за мою правдивую статью, которая чрезвычайно порадовала и посмѣшила большинство туляковъ, не разъ страдавшихъ отъ его, «валета прекраснаго», торможеній, затягиваній и разныхъ прочихъ юридическихъ заковычекъ и закорючекъ. Покушался даже «оный валетъ прекрасный» *на диффамацію*, да убоялся бездны премудрости, — но тормозить и даже хорохориться и фыркать не убоялся... Когда нибудь я спеціально займусь валетами, прекрасными и даже вовсе не прекрасными, но съ закорючками, займусь ими съ особенною любовію и поразскажу о ихъ валетной дѣятельности вещи, и какія: назидательныя, курьезныя, забористыя, «ужасти» какія забористыя, за которыя, прекрасный, или не прекрасный валетъ вполнѣ заслуживаетъ честь быть посаженнымъ въ банку со спиртомъ и въ кунтскамеру, маршъ. Десятки тысячъ любопытныхъ посѣтителей привлекла бы эта банка со спиртомъ и съ валетомъ, если не прекраснымъ, то съ закорючками.... Во всякомъ случаѣ, посадятъ въ банку, или нѣтъ, а не слѣдуетъ молчать о томъ, отъ чего страдаетъ и стонетъ все общество; страдаетъ жестоко, стонетъ громко, а валеты прекрасные и непрекрасные, и въ усъ себѣ не дуютъ, а только ухмыляются, да новыя заковычки и закорючки придумываютъ для торможенія дѣлъ. А иные, не въ счетъ абонемента, еще и хорохорятся, ухъ какъ хорохоряться, ни на волосъ не уступятъ индѣйскимъ пѣтухамъ. А не погрози на пѣтуха палкой, такъ пожалуй и ущипнетъ. Но палки пѣтухи не любятъ, крѣпко боятся.... Итакъ долгъ каждаго честнаго гражданина, не труса, — говорить, говорить громко и указывать на зло, подлежащее устраненію, или хотя исправленію.

Страдалъ я часто, терялъ много и разъ почти цѣлое состояніе, отъ моей разсѣянности, что бы ей было пусто. Вотъ два образчика этого умственнаго паралича.

Весною 1845 года я долженъ былъ встрѣтиться въ Петербургѣ съ однимъ тогдашнимъ воротилой и пріобщиться къ важнымъ дѣламъ. Пріѣхалъ я туда, но только не для важныхъ, а для своихъ семейныхъ

дѣлъ — пристроивать моихъ дѣтей-сиротъ послѣ смерти ихъ матери. А такъ какъ воротило не далъ себѣ труда увѣдомить меня заранѣе о своемъ пребываніи въ Питерѣ, а я, съ своей стороны, по разсѣянности, тоже не увѣдомилъ его о скоромъ прибытіи моемъ въ сѣверную Пальмиру, то и прожилъ тамъ недѣли двѣ, не вѣдая о воротилѣ и неповидавшись съ нимъ. А этотъ послѣдній взялъ да и отдалъ другому обѣщанное мнѣ дѣло, которое принесло 25,000 р. чистой прибыли, ничѣмъ не рискуя. Но это меня тогда ни сколько не огорчило; я былъ раздавленъ страшнымъ горемъ — потерею обожаемой жены, а потомъ вскорѣ погрузился я въ эмпиреи какихъ-то розовыхъ и радужныхъ мечтаній о какой-то домогильной и даже замогильной дружбѣ, каковая дружба потомъ.... Ну да объ этомъ, быть можетъ, поговорю послѣ. А вотъ другой, неважный, а только смѣшной случай моей разсѣянности.

Живя у дяди, во время моей первой отставки, въ его имѣніи, близь Солигалича, вздумалъ я однажды поохотиться съ ружьемъ дяди (своего у меня не было, потому что не осталось во мнѣ ни малѣйшей страсти въ какой бы то ни было охотѣ). Дядя и говоритъ мнѣ: «Коля! вотъ тебѣ пороховница, а вонъ тамъ, на каминѣ, въ бутылкѣ порохъ, но только въ этой, а не въ той: тамъ красное вино». Подхожу, беру бутылку и насыпаю пороху въ пороховницу. Отойдя отъ камина, замѣчаю, что пороху слишкомъ много, надо отсыпать. Подхожу снова къ камину, отсыпаю въ бутылку изъ пороховницы, остается мало, хочу еще немного подсыпать, и ухъ.... вмѣсто пороху льется вино въ пороховницу; стало быть и въ вино уже насыпанъ порохъ. Такимъ образомъ удалось мнѣ въ одно и то же время испортить и порохъ, и вино. А сколько разъ случалось мнѣ на улицѣ раскланиваться съ незнакомымъ, а мимо знакомаго пройти не поклонившись, и, спохватившись, раскланяться, когда онъ былъ уже далеко отъ меня, т. е. поклониться ему въ «задніе». А разъ, еще въ школѣ подпрапорщиковъ, выхожу я на смотръ, становлюсь во фронтъ. И вдругъ всѣ вокругъ меня разражаются громкимъ хохотомъ и, показывая на меня пальцемъ, кричатъ: «Пинети, Пинети»! Я былъ въ полной амуниціи, съ ружьемъ въ рукахъ, но съ голой головой, безъ кивера. И забылъ-то я о сущей бездѣлицѣ: о своей головѣ. А сколько разъ случалось мнѣ перемѣшивать письма. Напримѣръ: были у меня два закадычныхъ друга: Семеновъ (съ которымъ я помѣрялся на охотничьихъ ружьяхъ въ «необыкновенномъ поединкѣ», и съ того же момента перешелъ съ нимъ съ *вы* на *ты*) и другой морякъ Кадниковъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, первый жилъ въ Костромской губерніи, а другой, капитанъ-лейтенантъ, служилъ въ Новоархангельскѣ (въ Ситхѣ), и ко-

мандовалъ кораблемъ. Онъ утонулъ въ 1843 году въ своей собственной каютѣ, въ которую ворвалась бѣшенная волна во время шторма. И вотъ разъ написалъ я письма: одному — въ Костромскую губ., другому — въ Новоархангельскъ, и отправилъ на почту. И чтожъ? дней черезъ десять получаю письмо отъ моего костромскаго друга, который присылаетъ мнѣ обратно письмо, написанное мною Кадникову, а самъ пишетъ: «Получилъ твое письмо, но только не ко мнѣ, а къ какому-то другу Николаю, съ вопросами о жизни въ Новоархангельскѣ». Разумѣется, я тотчасъ же написалъ два новыхъ письма и уже постарался не ошибиться въ адресахъ. Хорошо, что письмо мое застало еще въ Петербургѣ корабль, отходившій въ Ситху разъ въ годъ. А года черезъ два получилъ я отвѣтъ отъ Кадникова, который писалъ мнѣ, что вдругъ получилъ два моихъ письма: одно къ нему, а другое къ какому-то другу Владиміру.

Еще любилъ я и наблюдалъ строжайшіе порядокъ и акуратность въ дѣлахъ, счетахъ и расчетахъ. Но на моемъ письменномъ столѣ царитъ хаосъ домірозданный. Хорошо еще, что время отъ времени, когда я долго роюсь въ этомъ хаосѣ газетъ, журналовъ, писемъ, бумагъ, записочекъ и разныхъ письменныхъ принадлежностей и, тщетно отыскивая вдругъ понадобившуюся мнѣ вещь, проклинаю свою горькую судьбу, жена сжалится надо мною, отыщетъ, что мнѣ нужно и водворитъ порядокъ на моемъ столѣ, но не болѣе, какъ дня на три, или на четыре. И тамъ снова — увы и ахъ!

Ну, кажется, я все пересказалъ... Виноватъ, не все еще: вспомнилъ объ одной чертѣ, могущей пополнить мою характеристику; это — самая педантская акуратность, всегда, вездѣ, во всемъ и со всѣми. Никогда никого не заставлялъ я ждать себя. Придетъ ко мнѣ, за чѣмъ либо, крестьянинъ, и я сейчасъ выхожу къ нему. Не терпѣлъ, чтобы меня дожидались. Никогда, за весьма рѣдкими исключеніями, я не опаздывалъ, приходилъ всегда, по дѣлу ли, на свиданіе ли, ранѣе назначеннаго часа. Отъ этого-то и создалась у меня привычка ходить постоянно скоро. На тротуарахъ улицъ никто меня не обгонялъ, а напротивъ: я обгонялъ всѣхъ. Но увы! съ нѣкоторыхъ поръ и меня стали перегонять. Покойный мой сынъ всегда говорилъ, идя со мною: «папа, ты слишкомъ скоро ходишь, я не могу поспѣть за тобой». Еще: никогда не могъ повернуться мой языкъ, что бы обѣщать что либо кому нибудь, если я не былъ вполнѣ увѣренъ, что могу исполнить мое обѣщаніе. При малѣйшемъ сомнѣніи, я руками и ногами отъ всякихъ обѣщаній, отказываю наотрѣзъ, несмотря ни на какія упрашиванія и назойливыя приставанія и мольбы. Но разъ обѣщаю что либо, я становлюсь кабальнымъ рабомъ своего обѣщанія и, quand même, хоть тресни, а исполню его.

Не могъ я еще никогда понять ревность, глупую ревность. Понимаю я, что можно бояться — не умѣть понравиться, заслужить любовь, или бояться, что бы не перестать нравиться, не перестать быть любимымъ; бояться этого и дѣлать все возможное и невозможное для того, чтобы избѣжать горькой, жалкой участи постылаго или брошеннаго любовника или мужа. Но ревновать къ кому бы то ни было жену или любовницу? О какъ это глупо и... даже забавно. Ревность никогда никого не спасала и не спасетъ отъ неудобства извѣстныхъ и не совсѣмъ граціозныхъ украшеній супружескихъ головъ. Напротивъ: или она ускоритъ это нежелательное событіе, или даже изъ невозможнаго сдѣлаетъ его возможнымъ. Но убивать за невѣрность, т. е. за то, что перестали меня любить, за то, что я опостылѣлъ, можетъ опротивѣлъ, а тѣмъ паче за то, что я не понравился и меня не полюбили? Ну, это верхъ такого безумія, такой уродливости, помноженной на такую непроходимо-неистовую глупость, подходящую къ гидрофобіи, что за такой «пассажъ» мало обрить голову, посадить на цѣпь и обливать водой со льдомъ, а не лишнимъ будетъ и постегать «извѣстными по извѣстной», и не маленько, а больненько. Въ дѣлахъ вздыхательныхъ, въ особенности, когда они доходили до степени раздувальнаго мѣха, я прибѣгалъ къ формулѣ изъ русской пѣсни: «Если любишь, такъ скажи, а не любишь — откажи». А ужъ я ли не вздыхалъ какъ раздувальный мѣхъ? «Ужасти» какъ вздыхалъ! Я ли не втюрился по самую макушку въ восхитительную Аннету Гесслингъ, въ компаніи съ двумя или болѣе дюжинами моихъ литовскихъ товарищей. А все-таки и не подумалъ убить «большаго ребенка» за то, что на всѣ мои вздохи и охи она постоянно отвѣчала ни къ чему не ведущими дѣтскими улыбками, хотя и ангельскими. Самого себя убить, это дѣло другое, это дѣло личныхъ воззрѣній и вкусовъ. А о вкусахъ не спорятъ. Ну а ужъ какъ пришло мнѣ не въ мочь, я взялъ да и вышелъ въ отставку, и уѣхалъ протрезвиться на родину, въ глушь, не въ Саратовъ, а въ Чухлому и въ Солигаличъ. Ну и протрезвился и вылечился послѣ полуторагодичнаго тамъ пребыванія. И убивать никого не понадобилось. Все, что по моему позволительно сдѣлать въ казусѣ супружеской невѣрности, это: снять съ себя шляпу, превѣжливо шаркнуть ножкой и, поклонившись со всевозможною граціей, сказать: «Сударыня! вы не стоите чести, чтобы я васъ убилъ; даже не стоите и того, чтобы я васъ побилъ. Этой послѣдней чести можетъ быть удостоитъ васъ новый вашъ сожитель. Затѣмъ имѣю честь вамъ кланяться и пожелать здоровья и всякаго благополучія, кромѣ чистой совѣсти и уваженія честныхъ людей».

Безчестье жены должно убивать на повалъ всякое къ ней уваженіе; а безъ уваженія честной любви нѣтъ, и не можетъ, не должно быть. А одна скотская похоть оскверняетъ святое чувство любви, унижаетъ человѣчество и позоритъ поклонниковъ одной плоти, низводя ихъ на степень, если еще не ниже, безсмысленныхъ и безсловесныхъ тварей. Вспоминаю я одинъ давнишній случай моей неревнуемости, и ума и находчивости моей первой жены. Въ сороковыхъ годахъ, жилъ я съ нею въ деревнѣ близъ Тулы, гдѣ и теперь живу. Вздумалъ было тогда ухаживать за нею одинъ изъ сосѣднихъ селадоновъ, петербургскій экс-левъ, съ эспаньолкою а ля Бальзакъ, съ прическою а ля мужикъ и даже, кажется, дай Богъ память, со стеклышкомъ въ глазу, и хотя... о ужасъ! хотя и не совсѣмъ бойко «парлефрансейничалъ», но за то ужъ куда какъ бойко откалывалъ ногами на паркетѣ въ разныхъ «евдакихъ» плясальныхъ упражненіяхъ. Ну, еще и угощалъ, и пиры задавалъ на славу. И даже, даже... прищуривалъ одинъ глазъ, но только не помню который: со стеклышкомъ или безъ «онаго». Какъ есть левъ. Вотъ и вздумалъ тогда селадонничать «евтотъ» шестидесятипятилѣтній молодой человѣкъ... Сѣдина въ бороду а... и заселадонничалъ было уже совсѣмъ нецеремонно и нетаинственно. Я нисколько не сердился, а хохоталъ отъ всей души надъ шестидесятипятилѣтнимъ юношей. А мой покойной ангелъ тоже сначала смѣялся подъ самый носъ селадону, а когда ей ужъ очень надоѣла навязчивость вздыхателя, не сѣдовласаго, упаси Боже, а какъ есть черномазаго брюнета, — на это существовалъ тогда метаморфозическій порошокъ Магарадзи, — надоѣлъ онъ моей женѣ, она и отрѣзала ему, и разъ навсегда заставила замолчать:

— Скажите мнѣ, милѣйшій Ник. Ст.: кто вашъ докторъ? — спросила она съ самой простодушно-дѣтской улыбкой.

— Мой докторъ?... такой-то... да для чего вамъ это знать?

— А вотъ для чего: искусенъ ли онъ въ психіатріи? Если да, то вамъ слѣдуетъ къ нему обратиться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: опасность велика и близка, и вамъ надо серьезно у него полечиться.

Картина.... Экс-левъ, съ эспаньолкой а ля Бальзакъ, причесанный а ля мужикъ, со стеклышкомъ въ прищуренномъ глазу, хотѣлъ было непремѣнно провалиться сквозь землю отъ такого конфуза, но «одначе-жъ» не провалился, отложивъ это до болѣе удобнаго случая. Къ тому-же онъ отлично умѣлъ скользить по паркету въ мазуркѣ и прочихъ пріятныхъ упражненіяхъ ногъ, но не головы, — да ну ее, эту голову! На что она? еще въ бѣду съ ней попадешь и какъ разъ угодишь въ мѣста не столь, а то и въ очень отдаленныя. Были бы крѣпкія ноги, да еще хоть ка-

пельку мѣднаго лба, ну и довольно для успѣховъ въ большомъ свѣтѣ. А все-таки настоялъ на своемъ и провалился, но гораздо позднѣе, этотъ эксъ-левъ и задаватель великолѣпныхъ и многостоющихъ празднествъ; провалился въ пучину долговъ и долговыхъ обязательствъ. Пришлось проститься съ пышной обстановкой, но не съ голубоокой Фанни, бывшей кормительницей Жужужки, Бобошки и Макашки покойной супруги, грандиссимѣйшей изъ тогдашнихъ гранъ-дамъ. И пришлось докоротать свой вѣкъ въ скромненькой квартирѣ въ Тулѣ, впрочемъ на Кіевской. А вѣдь это Невскій проспектъ Тулы. И по паркету онъ уже не скользилъ тогда, некогда, ну и старость одолѣла; и даже порошокъ Магарадзи былъ брошенъ, и брюнетъ вдругъ преобразился и сталъ сѣдъ аки лунь. А стеклышка все таки не покидалъ. Итакъ, былъ онъ тогда занятъ разрѣшеніемъ великаго міроваго вопроса: превратить глупенькую и смазливенькую Фанни въ артистки тульскаго «кіатера», да въ парлефрансейную даму. «Безъ этого нельзя жъ». На то онъ и эксъ-левъ, хотя и не бойкій парлефрансейникъ, гувернантку приставилъ къ своей голубоокой дурочкѣ.

О, священныя тѣни двухъ ангеловъ: чудесной Саши и божественной Софи! Гдѣ вы? Если вы встрѣтились Тамъ, то, — и я вѣрую въ это, — вы встрѣтились весело и, безъ злобы и ревности, протянули другъ другу свои бѣлоснѣжныя руки, любовно облобызались, радостно посестрились и горячо молитесь обо мнѣ, также какъ и я никогда не перестану горячо молиться объ васъ. Вы были два ярко-блестящіе маяка въ моей жизни. Освѣтили на время мой путь, блеснули, обогрѣли меня, познакомили съ блаженствомъ земнаго, но безупречнаго рая, и.... затѣмъ отлетѣли въ свою небесную отчизну, оставя меня во мракѣ и холодѣ сѣверныхъ ночей, искупать страданіями мимолетное земное счастіе, и купить, цѣною этихъ страданій, вѣчное блаженство небожителей, между которыми вытеперь блещете какъ звѣзды первой величины, вѣроятно такія же звѣзды, какъ и тѣ, про которыя сказалъ когда-то Бахтуринъ въ своемъ «Красномъ Покрывалѣ»:

«О звѣзды, звѣзды, радость ночи!
Кто васъ такъ пышно засвѣтилъ?
Кто вы? Не дивныя ли очи
Святой толпы небесныхъ силъ?»

Объ этомъ курьезномъ и несчастномъ пьяномъ поэтѣ, эксъ-гусарѣ, я поговорю въ девятой книжкѣ. Я хорошо его зналъ. Онъ по нѣсколько дней сряду гащивалъ у меня въ палаткѣ, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, въ 1836 году. Онъ былъ передъ тѣмъ за что-то разжалованъ въ солдаты. Были у него два замѣчательные таланта: разсказывать анекдоты изъ своей гусарской жизни, отъ которыхъ мы животики надрывали отъ смѣха.

А самъ не улыбнется. Потомъ — импровизировать. Какую тему ему ни задайте, онъ вдругъ, безъ малѣйшаго надумыванія, продекламируетъ безъ остановки нѣсколько десятковъ самыхъ звучныхъ, гладкихъ, плавныхъ стиховъ, усѣянныхъ блестками тонкаго остроумія. Но когда онъ гостилъ у меня, то штофъ простой водки на столѣ и нѣсколько ломтиковъ чернаго хлѣба съ солью были sine qua non его гощенія у меня, или у кого другаго изъ моихъ товарищей. А какія прелестныя вещицы писалъ онъ мнѣ въ альбомъ, и писалъ, находясь уже «на пятомъ взводѣ». Разъ залучили мы его къ себѣ въ казармы на Выборгскую сторону. Прогостилъ онъ у насъ три недѣли. Очищеннаго давали ему умѣренно, и онъ написалъ, въ это недлинное время, лучшую свою драму въ стихахъ: «Кузьма Рощинъ», которая довольно долго держалась на сценѣ Александр. театра. Разсказалъ бы я хоть два изъ его анекдотовъ. И у васъ, читатель, надорвало бы животики отъ смѣха. Бо́льшая часть этихъ анекдотовъ были импровизаціи. Отлагаю, до 9-й книги, разсказъ нѣсколькихъ импровизированныхъ имъ своеобразныхъ анекдотовъ, и поговорю теперь еще объ этомъ несчастномъ, если не геніальномъ, то высоко-даровитомъ поэтѣ, допившемся до чертиковъ и умершемъ гдѣ-то въ безизвѣстности.

Возвращаюсь я разъ съ ученья въ лагерѣ. Бахтуринъ спитъ на диванѣ. На столѣ штофъ водки, опорожненный на двѣ трети. При входѣ моемъ въ палатку поэтъ зашевелился, открылъ пьяные глаза и спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Откуда?

— Съ ученья.

— Ну что?

— Распекали, охъ какъ распекли, не приведи Богъ!

— Макаровъ! давай мнѣ перо и бумагу.

— На что?

— Напишу тебѣ.

— Спи лучше; гдѣ тебѣ писать? Не только рукой, но и языкомъ-то ты насилу ворочаешь.

— Давай, говорятъ тебѣ, давай: напишу.

Нечего дѣлать: подаю требуемое. Усѣлся Бахтуринъ на диванѣ, схватилъ перо и, едва успѣвая сохранять равновѣсіе, моргая заспанными глазами, написалъ твердымъ и правильнымъ почеркомъ, безъ малѣйшаго надумыванья, словно писалъ выученное на память; написалъ прелестную импровизацію:

Однообразные досуги
Смѣнили бѣшенство страстей;
Безъ вдохновенья, безъ подруги
Проходитъ время юныхъ дней.

* *
*

Я свыкся съ хладной тишиною,
Душа печальна и нѣма.
Живу въ забвеньи сиротою,
Нѣтъ грезъ для сердца и ума.

* *
*

Когда жъ опять во мнѣ проснется
Порывъ любви, порывъ весны?
Когда же чувство отзовется
На гласъ знакомой старины?

* *
*

Мое молчитъ воображенье
Какъ льдомъ покрытая рѣка.
Приди былое наслажденье,
Разсѣй младаго старика.

* *
*

И это было для него также легко, какъ для меня выпить рюмку хорошаго Шато д'Икемъ. Дня черезъ два повторилась та же сцена, но съ небольшимъ варіантомъ. Поэтъ спросилъ мой альбомъ. Подаю, а самъ сажусь возлѣ него и зорко слѣжу за писаніемъ. Вотъ что и какъ импровизировалъ пьяный поэтъ:

Макаровъ! въ твой альбомъ гвардейской
Я подмахну стишокъ злодѣйской;
Но отъ ничтожнаго пѣвца
Не жди похвалъ, не жди сравненій:
Меня давно Парнаса геній
Назначилъ въ бракъ, какъ жеребца.
Чтожъ написать тебѣ, милой?
Живи сто лѣтъ, люби друзей,
Да удивляй своею силой.....

Ничего, не дурно для лыка не вяжущаго. Но вотъ и послѣдній, десятый стихъ. Я обмеръ, вскочилъ, всплеснулъ руками и завопилъ, почти въ отчаяніи:

— Сумасшедшій, разбойникъ ты эдакой! Ты испортилъ мой альбомъ; что это подмахнулъ ты тутъ?

— Ну, ну, не сердись: я поправлю, перемѣню. И вотъ зачеркиваетъ онъ послѣдній стихъ, вписываетъ другой, замѣнивъ въ немъ первое и послѣднее слово другими:

Въ.... объятьяхъ миленькихъ.... цирцей.

Приведу еще, не все, а лишь конецъ одной изъ его импровизацій, и то потому, что она навлекла на себя громы одного изъ тогдашнихъ петербургскихъ цензоровъ.

Въ одномъ домѣ давали обѣдъ въ честь поэта. Шампанское лилось рѣкою. По окончаніи пиршества, Бахтуринъ еле-еле могъ доплестись до кабинета хозяина, усѣлся на диванъ и собирался всхрапнуть. Не тутъ-то было. Въ кабинетъ входитъ прелестная дочь хозяина, съ альбомомъ въ рукахъ и говоритъ пьяному поэту:

— М-сьё Батуринъ! Напишите мнѣ что нибудь на память.

— Сударыня, не могу.

— Ради Бога напишите.

— Право слово не могу.

— А я не уйду безъ того, чтобы вы не написали.

— Ну, извольте.

Ставятъ передъ поэтомъ столикъ, на него чернильницу и перо; и Бахтуринъ вписываетъ прекраснымъ, четкимъ почеркомъ одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ импровизацій. Вотъ ея окончаніе:

Съ нѣмымъ и грустнымъ изумленьемъ
На красоту твою гляжу.
Какъ падшій ангелъ, съ умиленьемъ
На память небо привожу
И мыслю: милое созданье!
И эту душу загубя,
Что свѣтъ готовитъ ей? страданье,
Обманъ, быть можетъ, иль познанье
Міръ отвратительный тебя.

Попадись эта импровизація въ одинъ сборникъ, а сборникъ на судъ Ваала, т. е. цензора, который изрѣкъ слѣдующій Соломоновъ приговоръ:

«Вы, г. авторъ, сравниваете себя съ чортомъ, а чортъ не можетъ и не смѣетъ приводить себѣ на память Небо, да еще и съ умиленіемъ (sic)». Далѣе: «Какъ смѣете вы, г. авторъ, называть отвратительнымъ тотъ міръ, въ которомъ живетъ Государь Императоръ (sic)?»

Вотъ такъ цензоръ! цѣломудреннѣе самаго Катона цензора. А если бы онъ и самъ назывался Катономъ и былъ бы современникомъ знаменитаго римлянина, то «сей» послѣдній, провѣдавъ про соломоновскій судъ своего однофамильца, по всей вѣроятности, тотчасъ же подалъ бы, по командѣ разумѣется, прошеніе о перемѣнѣ ему фамиліи, осмѣхотворенной россійскимъ цензоромъ-Соломономъ. Это напомнило мнѣ одного обрусѣвшаго

француза, подававшаго когда-то прошеніе покойному Николаю Павловичу, тоже о перемѣнѣ ему фамиліи, не знаю почему-то неправившейся потомку древней Галліи. А покойный-то Государь, преостроумный насмѣшникъ, возьми да и выверни на изнанку французскую фамилію: вмѣсто *Suchard*, написалъ *Drachus*. Потомъ обрусили это имя такъ: *Драшусовъ*. Разсказавъ о цѣломудренности цензора, не могу удержаться, чтобы не разсказать, при семъ удобномъ случаѣ, кой что подобное о другомъ цензорѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Вотъ нѣкоторые изъ его цензорскихъ подвиговъ:

1. Въ «Современникѣ» помѣщена повѣсть, героиня которой названа *Маріею*. И вдругъ, въ одномъ мѣстѣ, цензоръ зачеркиваетъ *Марія*, вмѣсто которой вписываетъ *Анна*. Редакторъ къ нему за объясненіемъ. «Нельзя: у васъ сказано: *О ты, моя божественная Марія*, а вѣдь это Богородица». —Да какже: все *Марія*, а вдругъ *Анна?* «Нельзя-съ: намъ строго приказано: не допускать кощунства. Вотъ все, что могу для васъ сдѣлать» и, зачеркнувъ *Анну*, поставилъ..... многоточіе (sic).

2. Въ томъ же журналѣ героиня одной повѣсти изображена очень непривлекательно. Редактору запросъ: «Узнать у автора, какого чина его героиня? если не свыше 6-го класса, можно оставить. А если она *статская* (цензоръ самъ имѣлъ этотъ междоумочный чинъ), а тѣмъ паче *тайная совѣтница*, то не подобаетъ выражаться о ней такъ непочтительно (sic)».

3. Герой романа, турокъ, бросается на колѣни передъ своей возлюбленной и восклицаетъ: «Клянусь пророкомъ»! Цензоръ зачеркиваетъ и вмѣсто *Пророкомъ*, ставитъ *Осадой Гента* (такъ измѣненъ былъ титулъ оперы Мейербера на сценѣ русской оперы) (sic).

4. Извѣстную поговорку «Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ, въ *адмиральскомъ чинѣ*, передѣлываетъ въ *лейтенантскомъ чинѣ*. «Такъ лучше; а не то Вел. Князь генералъ-адмиралъ можетъ обидѣться» (sic).

5. Вмѣсто *Долговязый*, ставитъ *Пузаковъ*. Такъ лучше; а не то гр. Панинъ можетъ обидѣться (sic).

6. Вмѣсто *Попъ*, ставитъ *надворный совѣтникъ Ханжиловъ*. Такъ вѣжливѣе, ну и остроумнѣе (sic).

Перечень этотъ не вмѣщаетъ и десятой части всѣхъ цѣломудренностей высокороднаго цензора, про котораго бывшій и покойный министръ народнаго просвѣщенія, Ковалевскій, сказалъ разъ, тоже покойному, Гречу:

— Все это напуталъ у меня дуракъ О..... (sic).

Да! Бахтуринъ былъ настоящій, въ душѣ поэтъ; сердцемъ — незлобенъ и наивенъ, какъ младенецъ, поэтическимъ талантомъ и чувствомъ— великанъ. Не потеряйся онъ, не упади, не предайся безпутной жизни; дай сосредоточиться своей мысли, своему вдохновенію, своей неистощимой фантазіи, а не давай имъ испаряться въ отрывкахъ, бутадахъ, въ безпрерывныхъ экспромтахъ, то вышелъ бы изъ него первоклассный поэтъ, и много прекраснаго, вѣчнаго создалъ бы онъ. Былъ онъ не то, что нѣкоторые изъ нынѣ-стихотворствующихъ россіянъ, эти, не то что поэты, а стихокропатели и риѳмоподбиратели, которые закативъ глаза подъ лобъ, въ реально-піитическомъ экстазѣ, поютъ и заливаются все о чемъ-то такомъ туманномъ, неопредѣленномъ, неуловимомъ, что и глаза самаго сокола, самые остро и дальновидные глаза ничего не откроютъ и не увидятъ. А иногда и увидятъ кое-что, когда они, риѳмоплетчики, запоютъ, примѣрно о томъ, какъ

Поютъ птички, и синички,
Хвостами машутъ лисички.

Ну вотъ они и поютъ себѣ, эти первокласные микроскопическіе поэтики, и поютъ, и поютъ, и какъ сладкозвучно; а при этомъ и хвостами своими машутъ, машутъ, машутъ, и какъ граціозно!... Пойте и махайте хвостами, мои милые, но только чуръ меня. Боюсь заслушаться вашего сладкопѣнія, заслушаться и.... заснуть словно отъ дурманнаго зелья.

Такъ какъ я разсказывалъ объ импровизаціяхъ Бахтурина, то и позволяю себѣ вписать сюда маленькую импровизацію-параболу, пришедшую мнѣ въ голову, когда я говорилъ выше о двухъ ангелахъ. Это пананъ къ вышесказанному.

«Два ангела летѣли надъ землей, несли сосудъ съ божественнымъ напиткомъ, съ живой небесною водой. И видятъ вдругъ они, среди пустыни знойной, изнемогающаго, безпомощнаго странника, добраго, любвеобильнаго, лишеннаго силъ продолжать свой путь. Полные любви и сострадания, божественные посланцы остановились надъ умирающимъ отъ жажды и усталости путникомъ, подлетѣли къ нему на своихъ прозрачныхъ крыльяхъ, открыли божественный сосудъ и напоили его божественнымъ питьемъ, которое воскресило его. И когда странникъ набралъ достаточно силъ, чтобы продолжать свой путь далѣе, до конца, ангелы сказали ему: «Мужайся и крѣпись, продолжай свой путь съ Вѣрою, Надеждою и Любовью, и ты болѣе не упадешь до конца своего пути. А мы полетимъ обратно Туда, и Тамъ доложимъ о тебѣ нашему Все-

держителю, а твоему небесному отцу. Ты же продолжай быть такимъ же добрымъ и любвеобильнымъ, какимъ ты былъ, и мы пріуготовимъ тебѣ мѣсто между нами въ небесной обители». И улетѣли въ надзвѣздный міръ крылатые, минутные посѣтители и гости земли, и унесли съ собою божественный сосудъ; но усладительный ароматъ небеснаго напитка остался при путникѣ и, въ тяжелыя минуты его жизни, подкрѣплялъ его силы, поднималъ его падающій духъ. И, утомленный жизненымъ путемъ странникъ, съ Вѣрою, Надеждою и Любовію устремлялъ взоръ свой въ небо, и только Тамъ чаялъ обрѣсть вѣчное успокоеніе».

Теперь обращаюсь къ моимъ читателямъ съ просьбою простить меня великодушно за мою старческую болтовню. Мнѣ необходимо было разсказать о себѣ все ради того, чтобы, какъ сказалъ я выше, «очистить себя отъ всякія скверны», тѣмъ болѣе что, не только за «Задушевную Исповѣдь», но и послѣ изданія моихъ словарей, пробовали бросать въ меня комки чернѣйшей грязи, напримѣръ: нашлись въ Тулѣ разные благопріятели, у которыхъ повернулся языкъ сказать, а у другихъ — передать, и кому же? моей женѣ, что будто я не расчелъ, обидѣлъ моего сотрудника по рус.-фр. словарю (каковаго сотрудника у меня никогда не было), и послѣ трехъ лѣтъ его добросовѣстной работы, прогналъ его ни съ чѣмъ!!.. Фуй, какія гадости! Не даромъ говорятъ: «добрый малый, да тулякъ», да еще: «Языкъ безъ костей, куда хочешь, туда и воротишь».

А еще не далѣе, какъ нынѣшней весной, одинъ тулякъ, да еще и мировой судья, говорилъ одной дамѣ, пожелавшей нанять на лѣто флигель въ моемъ имѣніи близъ Тулы, — каковой флигель я никогда и никому въ наймы не отдаю, а даю безплатно моимъ знакомымъ, что и сдѣлалъ на дняхъ относительно вышесказанной дамы; — итакъ, вышерѣченный мировой отпустилъ слѣдующую вовсе немировую штуку:

— Да сохранитъ васъ Богъ имѣть какое-либо дѣло съ Макаровымъ! Вѣдь это — *извѣстный скандалистъ, съ которымъ опасно и встрѣтиться-то.*

Вотъ какіе попадаются на Руси мировые антики! почище, не шапкою, разумѣется, а языкомъ; почище всѣхъ мирныхъ и немирныхъ черкесовъ разбойничьей памяти, и годятся хоть сейчасъ же въ посаженые отцы или въ шафера, смотря по лѣтамъ, турецкимъ баши-бузукамъ, какъ европейскимъ, такъ и азіятскимъ. И изъ за чего же это сыръ-боръ загорѣлся? Вѣдь черкесамъ-то извинительно: они во 1-хъ, басурманы, а во 2-хъ и соблазнительно: можно кой-чѣмъ и поживиться отъ зарѣзаннаго или подстрѣленнаго гяура. Ну, а тульскій-то мировой и

православный черкесъ изъ за чего хлопоталъ?... А такъ себѣ, языкъ почесать... Вѣдь «языкъ-то безъ костей»; такъ пожалуй на здоровье, чешите, господа мировые и немировые, почешите у себя языкъ, или что другое, да только съ осторожкою, съ оглядкою; а не то.... Да такіе ли еще встрѣчаются мировые антики, годящіеся уже не въ посаженые отцы, а такъ-таки прямо, черезъ чинъ, въ самые баши-бузуки, которыхъ, пожалуй, и за поясъ заткнутъ? Изъ множества таковыхъ, упомяну здѣсь объ одномъ, петербургскомъ.

Однажды требуетъ онъ къ себѣ въ камеру одного заслуженнаго генералъ-лейтенанта и его кучера, положимъ Халуева. Заставляетъ онъ, мировой баши-бузукъ, стараго воина дожидаться малую толику времени, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что воинъ-то былъ покрытъ ранами на полѣ чести, и опирался на палку. Ну, а что былъ онъ покрытъ орденами, такъ это для славянскаго мироваго баши-бузука — послѣднее, плевое дѣло. А «смѣть такое сужденіе имѣть» о военныхъ заслугахъ, вѣроятно было ему, баши-бузуку, строго на-строго внушено изъ какой нибудь ультра-либеральной лакейской. Вотъ израненый воинъ и говоритъ:

— Г. мировой судья! Я раненъ, не могу долго стоять: прикажите подать мнѣ стулъ.

— Эй, сторожъ! подай стулъ *генералу*; да подай стулъ и *господину* Халуеву.

Такимъ образомъ рядышкомъ съ заслуженымъ, израненымъ генералъ-лейтенантомъ посадили нисколько не израненаго его кучера.... Вотъ такъ либералъ, даже ультра и переультра-либералъ!... Прелесть, заглядѣнье! браво! бисъ!

«Неправда», — скажутъ мнѣ какіе нибудь скептики. «Правда», отвѣчу я, потому что все это слышалъ я отъ жены роднаго брата того генерала, съ которыми привелось мнѣ однажды ѣхать въ одномъ вагонѣ изъ Москвы въ Петербургъ.

Да одни ли эти оборыши, или вѣрнѣе, рядовые, нестроевые юридической арміи, предводимой хромоногой славянской генеральшей Ѳемидой; одни ли они наводятъ уныніе на своихъ славянскихъ согражданъ? Куда ни взглянешь, внизъ ли, около ли себя, повыше ли, всюду поражаетъ и печалитъ взоры здороваго зрителя тѣ нравственныя и злѣйшія золотуха и худосочіе, которыя разъѣдаютъ всѣ слои и всѣ іерархическія ступени обширнаго славянскаго царства. Для вящщей назидательности, я разскажу кое-что о моихъ собственныхъ мытарствахъ въ камерѣ одного изъ Петербургскихъ мировыхъ судей.

При этомъ завѣряю честію: все что буду писать о моихъ мытарствахъ, петербургскихъ или тульскихъ, все это — святая истина: ни слова неправды не позволю себѣ.

Это было въ декабрѣ 1856 года. Я жилъ тогда на Васил. Острову, гдѣ печаталось 1-е изданіе моего Полнаго рус.-фр. словаря въ типографіи Неклюдова. Въ одно прескверное и предождливое утро получаю большой конвертъ, распечатываю и съ ужасомъ читаю:

«Мир. судья такого-то участка приглашаетъ васъ къ себѣ въ камеру на такое-то число, къ 11-ти часамъ утра, для разбирательства по жалобѣ на васъ кронштадтскаго мѣщанина Филонова, въ искѣ съ васъ 256 р. 50».

Я обмеръ, но еще болѣе изумился и недоумѣвалъ: никогда никакого Филонова я въ глаза не видалъ, даже не слыхалъ о его имени! Отправляюсь въ назначенный день и часъ и въ проливной дождь. Въ предкамерной народу тьма. Жду часъ, два; обо мнѣ въ камерѣ ни гугу. Я къ письмоводителю съ вопросомъ:

— Меня вызвали сюда къ 11-ти часамъ, а теперь уже второй часъ. Когда же начнется мое дѣло?

— А Богъ вѣсть? Можетъ въ два часа, а можетъ въ три, а то можетъ и въ пять.

— Такъ зачѣмъ же вызывали меня къ одиннадцати, а не позднѣе.

— Да такъ, такой ужъ порядокъ (читай безпорядокъ).

— А здѣсь этотъ г. Филоновъ. — Письмоводитель окинулъ глазами аудиторію и сказалъ:

— Здѣсь. Вонъ онъ сидитъ у окна. — Это былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти, прилично одѣтый и выбритый. Подхожу и спрашиваю:

— Вы г. Филоновъ?

— Я-съ.

— Вы подали жалобу на маіора Макарова?

— Подалъ-съ.

— Онъ долженъ вамъ 256 р. 50 к.?

— Долженъ-съ.

— У васъ есть на это доказательства?

— Есть-съ.

— Вы знаете Макарова? — Молчаніе.

— Видали его когда нибудь? — Молчаніе.

— Макаровъ, это — я, къ вашимъ услугамъ. — Сильное изумленіе, морганіе глазами и нѣкоторое содроганіе въ тѣлѣ прилично одѣтаго и безбородаго господина.

— За что это, г. Филоновъ, пожаловали вы меня въ мошенники и въ подлецы?

— Помилуйте-съ; какъ это?

— Да такъ. Вѣдь по вашимъ словамъ у васъ есть доказательство на мой вамъ долгъ. Такъ прежде, чѣмъ жаловаться, вамъ бы обратиться ко мнѣ съ этимъ доказательствомъ. Я, можетъ быть, сейчасъ же и заплатилъ бы вамъ этотъ долгъ и избавилъ бы и васъ и себя отъ путешествія въ такую скверную погоду. А вы взяли да и порѣшили, что я вамъ не заплачу, т. е., что я подлецъ.

— Я люблю лучше жаловаться (слово въ слово).

— О вкусахъ не спорятъ.

Итакъ, непроницаемая таинственность продолжала царить надъ моимъ дѣломъ. «Что сей сонъ значитъ», вопрошалъ я мысленно возникшаго передо мною сфинкса въ образѣ кронштадтскаго мѣщанина Филонова? Но сфинксъ упорно молчалъ и только глядѣлъ то въ полъ, то въ потолокъ, порою громко сморкался и откашливался. Наконецъ послѣ трехчасоваго сидѣнія въ предкамерной, сторожъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Пожалуйте въ камеру».

Вхожу. Сфинксъ тоже. Сидѣло тамъ нѣсколько любителей *жаловаться*. Были свободныя мѣста. Я сѣлъ налѣво, сфинксъ направо. Разбиралась масса дѣлъ, а до моего все еще не доходило. Рискнулъ было я разъ сказать представителю мировой Ѳемиды, что меня вызвали къ 11-ти часамъ, а теперь уже три. — Молчать и дожидаться! — зычно крикнула на меня мировая Ѳемида, уже очень не молодая и даже превосходительная. Впрочемъ надо отдать справедливость ея крикливымъ способностямъ: почти ни одно разбирательство не обходилось безъ крика, рѣзкихъ, quasi невѣжливыхъ замѣчаній, внушеній и обрыванiй громогласнымъ *молчать*. Словомъ, г-жа мировая Ѳемида вела себя ни дать ни взять какъ генералъ тридцатыхъ годовъ, хорохорящійся на ученьи передъ своею частью. Только въ 5 часовъ, когда камера уже опустѣла, мой противникъ и я были позваны къ разбирательству. На запросъ судьи «какія у васъ доказательства справедливости вашего иска», мой противникъ досталъ засаленную книжечку и подалъ ее. Книжка развертывается: на первой страницѣ написано: «1855 года въ маѣ, архитекторъ Тибленъ принялъ на службу шлиссельбургскаго мѣщанина Каткова, съ платою ему по 20 р. въ мѣсяцъ». Мироваго сильно покоробило.

— Что это значитъ! въ книжкѣ Тибленъ и Катковъ, а здѣсь—Макаровъ и Филоновъ? — Извольте посмотрѣть въ книжку, гдѣ и найдете доказательство долга г. Макарова Каткову. — Книжка долго перелисты-

вается и наконецъ на одной страницѣ значится: «Выдано Каткову 5 р. въ счетъ жалованья. Н. Макаровъ».

— Ааа! вотъ оно — воскликнулъ весело васильеостровскій мѣритель правосудія, видимо обрадованный открытіемъ (равносильнымъ открытію Америки) такого яснаго противъ меня доказательства.—Что это? оправдывайтесь.—А вотъ что: въ концѣ 1854 года купилъ я близъ Шлиссельбурга заводъ вмѣстѣ съ архитекторомъ Тибленомъ, уѣхалъ въ деревню и поручилъ ему наблюдать за заводомъ, но только на словахъ, не давая довѣренности, потому что всѣ деньги за заводъ были мои, а у Тиблена были однѣ только надежды да обѣщанія. Въ мое отсутствіе онъ принялъ Каткова на службу, но никакого условія съ нимъ не заключалъ. А когда я возвратился на время въ Петербургъ, Катковъ явился ко мнѣ и выпросилъ у меня 5 р., которые я вписалъ въ книжку. Тибленъ, за неимѣніемъ денегъ, выбылъ потомъ изъ моего компаньонства, а я вскорѣ уѣхалъ заграницу, гдѣ пробылъ 7 мѣсяцевъ. Безъ меня управляющій заводомъ уволилъ Каткова за нетрезвость и плутовство. Въ 1857 г. Катковъ подалъ на меня жалобу С.-Петербургскому генералъ-губернатору, но ему тогда же отказали наотрѣзъ въ его искѣ. Съ тѣхъ поръ заводъ мой давно уже перешелъ въ другія руки; да и самъ Катковъ, кажется, умеръ. Вотъ все, что я знаю и что могъ припомнить по прошествіи такого долгаго времени.

— Все что вы сказали, всего этого мало, чтобы опровергнутъ справедливость иска г. Филонова. Даю вамъ двѣ недѣли срока для отысканія и представленія мнѣ болѣе вѣскихъ доказательствъ правоты вашего дѣла. Въ противномъ случаѣ вамъ придется заплатить 256 р. 50 к. (Sic).—Соломонъ, сущій Соломонъ. Вышелъ я изъ камеры голодный и разбитый отъ усталости, отъ тошноты и отъ премудрости васильеостровскаго Соломона. Проходятъ двѣ недѣли. Доказательствъ болѣе вѣскихъ я не отыскивалъ, по той простой причинѣ, что ихъ нигдѣ не находилось, кромѣ какъ въ десятилѣтней давности и уродливо-нелѣпомъ якобы доказательствѣ — ничего не означающею подписью подъ выдачею пяти р. Итакъ я снова въ мировой камерѣ. На этотъ разъ не до 5, а до 6 часовъ держатъ меня, такъ что прежде разобрано было даже послѣднее курьезное дѣло о собакѣ, каковая собака находилась на лицо въ камерѣ и страшно важничала передо мною, и не напрасно. Дѣло было вотъ въ чемъ:

Идетъ по тротуару одинъ господинъ съ палкою, но безъ собаки. На встрѣчу ему другой — съ собакою, но безъ палки. Палка собакѣ не нравится, она бросается на ея владѣльца и наровитъ его укусить. Вла-

дѣльцу палки не нравится то, что собака хочетъ его укусить, и онъ хвать ее палкою. Собакѣ сильно не нравится, что ее хватили палкой, и за это она рветъ пальто господина съ палкою. Господину съ палкой сильно не понравилось рванье на немъ пальто, и онъ порядкомъ вздулъ за это собаку палкой. Господину безъ палки сильно не понравилось, что вздули палкой его собаку. И вотъ изъ этихъ двухъ господъ, да изъ собаки, палки и рванаго пальто родилась двойственная жалоба, дуалистическое дѣло: одинъ жалуется на собаку, за изорванное пальто; собака, т. е. ея хозяинъ жалуется за побои. Какъ тутъ выйти изъ юридической диллемы? Но васильеостровскаго Соломона не смутила такая двойственность, и онъ рѣшилъ геніально, а ля іерусалимскій Соломонъ: «взыскать съ владѣльца собаки 5 р. за изорванное пальто; а изъ этихъ пяти рублей удержать 1 р. 50 к. въ пользу побитой собаки *). Мнѣ же, злосчастному, во все время собачьяго разбирательства казалось, что эта почтенная нелюбительница палокъ (да и кто ихъ любитъ, *субъективно*, разумѣется, а *объективно* — охотники найдутся) насмѣшливо на меня смотритъ и думаетъ про себя: «Вотъ я хоть и собака, а въ камерѣ васильеостровскаго судіи имѣю гораздо болѣе почета, нежели ты, отставной маіоръ. Вѣдь ты—только отставной, а я состою на дѣйствительной службѣ при моемъ господинѣ. А господинъ-то мой важный, очень важный: его кухарка приходится родною кумой кухаркѣ Его Превосходительства. Такъ вотъ мнѣ и почетъ, и первое мѣсто; а ты сиди себѣ и жди». Наконецъ дошло дѣло до меня, до послѣдняго. Вызываютъ: встаю я одинъ, а Филонова и слѣдъ простылъ: отъ шестичасоваго голоданія у него такъ сильно «зацарапали кошки въ брюхѣ», что провалился куда-то, вѣроятно въ обжорную. Судія поглядѣлъ да подумалъ, потомъ еще подумалъ да поглядѣлъ. Затѣмъ написалъ что-то, всталъ и провозгласилъ:

— По указу..... жалоба Филонова оставляется безъ послѣдствій.

Я вышелъ изъ камеры, вздохнувъ свободно, но не надолго. Разумѣется, что въ продолженіи моего шестичасоваго сидѣнія, я не разъ долженъ былъ выслушивать громкую команду мнѣ г. мироваго: «Молчать! сидѣть смирно»... Если это не Юпитеръ-громовержецъ, то по меньшей мѣрѣ, генералъ тридцатыхъ годовъ передъ своею частію, гдѣ

---

*) Что до цифръ взысканія и до распредѣленія ихъ, я не могу поручиться, что это было буквально такъ. Память начинаетъ измѣнять мнѣ. Помню, что присуждено было взыскать, но сколько, съ кого и кому именно я сказалъ гадательно, по воспоминанію и соображенію обстоятельствъ дѣла, лицъ и ихъ характеровъ.

былъ бы несравненно болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ въ мировой камерѣ. Выше сказалъ я, что я «вздохнулъ, но не надолго». Мѣсяца черезъ полтора получаю снова большой конвертъ: меня вызывали на мартъ 1867 года на мировой съѣздъ по апелляціонной жалобѣ уже не Филонова, а рижскаго мѣщанина Меркульева все по тому же иску 256 р. 50 к. Хотя на съѣздѣ мое дѣло и выгорѣло, но на что я тамъ насмотрѣлся, какіе тамъ были тогда порядки, чтобы не сказать безпорядки, такъ я, да и всякій другой, кто взглянулъ бы на тѣ порядки, только развелъ бы руками, да разинулъ бы ротъ до ушей отъ изумленія, и не зналъ бы, что дѣлать: плакать или смѣяться. Но описывать все это было бы слишкомъ долго, и потому махну рукой на все это комико-карикатурное прошлое, да примолвлю, въ смыслѣ покорности судьбѣ: да ну ихъ! Теперь съ визитомъ къ госпожѣ тульской мировой Ѳемидѣ.

10 іюня 1877 года, въ полдень является на дворъ моей тульской деревни нищій за подаяніемъ. Ему подаютъ краюху хлѣба, онъ не беретъ, говоря: «мнѣ надо денегъ». — Да вѣдь ты недавно получилъ отъ барыни гривенникъ. Когда хлѣба не хочешь, такъ убирайся со двора.— Нищій не уходилъ, а съ большею наглостью сталъ требовать денегъ, и когда мой слуга хотѣлъ прогнать его, онъ сталъ махать на него находящеюся у него въ рукахъ желѣзной палкой, говоря: «не мѣшай, убью!»

— Прогони, ради Бога, этого Нефеда (это былъ одинъ лѣнтяй изъ крестьянъ моей деревни), онъ ужасно перепугалъ дѣтей, которыя играли на дворѣ,—сказала мнѣ жена, войдя ко мнѣ въ кабинетъ.

— Чего тебѣ надо? — спросилъ я наглеца. — Денегъ,—дерзко отвѣчалъ онъ.—Вонъ отсюда, негодяй,—и, повернувъ его къ воротамъ, толкнулъ его въ спину и самъ обернулся къ крыльцу, чтобы войти въ домъ. Вдругъ, при словахъ: «такъ вотъ же тебѣ», получаю страшный ударъ по головѣ желѣзной палкой, шатаюсь и падаю на землю, обливаясь кровью. Меня подняли, втащили въ комнату, гдѣ встрѣтили меня крики ужаса и вопли испуганнаго семейства. Нѣсколько полотенецъ остановили кровотеченіе. На другое утро пріѣзжаетъ становой, производитъ слѣдствіе и отдаетъ приказъ сельскому старостѣ — содержать буяна подъ строгимъ арестомъ (очень строгимъ: на другой же день староста выпустилъ его изъ подъ ареста, и даже не отобралъ отъ него желѣзной палки).

— Кому жаловаться, —спрашиваю я становаго? — А право не знаю кому.—Какъ не знаете? Я думаю: въ окр. судъ?—Не совѣтую: присяжные оправдаютъ. Недавно оправдали двухъ старшинъ, промотавшихъ: одинъ 500 р., а другой 1500 р. мірскихъ денегъ. Оправдали также и

двухъ поджигателей, которыхъ я поймалъ на дѣлѣ [1]). А ужъ лучше пожалуйтесь мировому: этотъ все что нибудь сдѣлаетъ; вѣдь это—лучшій изъ нашихъ мировыхъ. — Слушаюсь становаго и подаю жалобу по его совѣту. Получаю повѣстку. Ѣду 29 іюля въ 5-й участокъ. Тамъ былъ одинъ изъ лучшихъ мир. судей не только въ Тульской губерніи, но во всей Россіи: Ник. Серг. Загряжскій, превосходный человѣкъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, превосходный мир. судья. А сверхъ того это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ коренныхъ тульскихъ жителей, къ которому возможно было не примѣнять мѣстной пословицы: «добрый малый, *да тулякъ*». Это былъ и тулякъ, и прекраснѣйшій человѣкъ... *Тулякъ*? Это премногозначущая кличка. Случалось, что кто нибудь малознающій меня, замѣтивъ, что я не прихожу въ восторгъ отъ милыхъ тулячковъ, а напротивъ, скажетъ мнѣ: «да вѣдь вы и сами тулякъ. — Не ручайтесь, — отвѣчаю я; — не тулякъ я, а костромичъ. Повелѣніемъ злаго рока и черезъ имѣніе, данное за моей первой женой, поселился я здѣсь сорокъ три года тому назадъ, и живу, или вѣрнѣе, прозябаю и вяну въ холодной, негостепріимной, эгоистической здѣшней атмосферѣ, съ зловонными и удушливыми міазмами тошнительнаго носозадирательства, мишурной важности, доходящей до невѣжливости, до грубости и съ тѣмъ вмѣстѣ съ ползаніемъ передъ даровыми обѣдами съ обиліемъ шампанскаго, передъ парою рысаковъ, да передъ играющими по большой и по маленькой.

А имѣете ли вы, читатель, понятіе о тульскомъ важничаньи: вѣроятно нѣтъ? О какое это важничанье: изумительное, колоссальное, геніальное! Вся Тула важничаетъ съ утра до вечера, а порою и съ вечера до утра. И важничаютъ не одни тульскіе тузы: важничаютъ даже валеты, даже тройки и двойки, важничаютъ даже нули. Нѣтъ такого плюгавенькаго туляка, нѣтъ такого тульскаго ничтожества, которое не отыскало бы кого нибудь плюгавѣе, ничтожнѣе себя. Ну и важничаютъ. Секретарь важничаетъ передъ повытчикомъ, повытчикъ—передъ своимъ помощникомъ, помощникъ—передъ писцомъ, писецъ—передъ сторожемъ,

---

[1]) Становой былъ вполнѣ правъ. Года четыре тому назадъ я самъ былъ присяжнымъ въ одномъ засѣданіи. Судили воровку, пойманную съ поличнымъ. А все-таки нашлись гуманные туляки, не изъ дворянъ, а изъ ка(ку)печества, которые съ пѣною у рта орали: *невиновата*. Но предсѣдатель да я пересилили; воровку присудили посидѣть маленько въ казенной квартирѣ, и поразмыслить о непрочности земнаго счастія вообще, а о находкѣ портмоне изъ подъ ветрины, въ особенности.

сторожъ—передъ бабою, баба—передъ собакою, собака—передъ кошкою, кошка—передъ мышью. Важничаетъ ли, и передъ кѣмъ, тульская мышь, этотъ важный вопросъ могутъ рѣшить одни только чистокровные туляки. Каждый изъ нихъ, хотя бы и плюгавый, но все-таки бѣдовый, прошелъ всю науку важничанья, окончилъ всѣ классы и всѣ курсы гимназіи и университета важничанья, выдержалъ и сдалъ блистательно экзаменъ, и получилъ дипломъ на доктора важничанья и нособзадиранія.... Въ сравненіи тульскаго, колоссальнаго, важничанье губернаторовъ, сенаторовъ, министровъ — ничто, фи, мелюзга, дѣтская наивность, не болѣе. Но только, милые мои тулячки, какъ вы ни важничайте, какъ высоко ни задирайте свои носы, а все-таки вамъ какъ до звѣзды небесной до величія и высоты важничанья той собаки, что важничала въ камерѣ васильеостровскаго мироваго. Вы задираете носы только до высоты полицейскаго дома, что на Кіевской. Не спорю, высоко, но собака еще выше васъ: она задирала свой до высоты страсбургской колокольни, а порою и главной египетской пирамиды, съ вершины которой Оле-буль восхищалъ своею волшебною скрипкою потомковъ фараоновъ. Ну и вы восхищаете— тульскихъ хожалыхъ да торговокъ, восхищаете — стеклышками въ глазу и еще разными мѣстными прелестями. Мѣстный колоритъ, это — главное. Однако же и вамъ, тулячки, слѣдуетъ отдать справедливость: не во всемъ же побитая собака выше васъ, не побитыхъ. Храбростью, безстрашіемъ она далеко ниже: она боялась и конфузилась при видѣ палки прохожаго господина, а нѣкоторые изъ васъ, не всѣ, нѣтъ, а лишь нѣкоторые не боятся и нисколько не конфузятся даже отъ соприкасательства дланей къ ланитамъ за контрабандный поцѣлуй въ публичномъ мѣстѣ.... Знай нашихъ... Да вы не вздумайте разсердиться, мои милые, разсердиться также тупо и глупо, какъ сердились вы во время оно за *Побѣду надъ самодурами*. Вѣдь тогда было мнѣ только 52, а теперь 72 года. Значитъ: не сегодня, такъ завтра, придется намъ разстаться навѣки. А при разставаніи навѣки зла не должно помнить, слѣдуетъ позабыть все: мнѣ сороколѣтнія оскорбленія вами моего самолюбія, вамъ— мой смѣхъ, т. е. безвредныя эпиграммы и сарказмы. Поквитались и безубыточно. Вѣдь я не то чтобы, а такъ себѣ, больше ради смѣха; а смѣхъ тоже и на вороту не виснетъ. И зла вамъ ни малѣйшаго отъ него не приключится. А такъ, развѣ посмѣется себѣ подъ носъ кто нибудь и гдѣ нибудь. Тѣмъ все и кончится. Вѣдь и дѣдушка Крыловъ давно уже сказалъ, что:

«Смѣяться право не грѣшно
Надъ тѣмъ, что истинно смѣшно».

А что до вашей чести, сохрани Боже! Она вся при васъ; передъ нею я былъ, есмь и пребуду слуга покорный и почтительнѣйшій. Честь одно, а важничанье совсѣмъ другое. Вѣдь вы, туляки, право, премилые и даже есть распречестные малые, но только важные, ухъ какіе важные: рукой не достанешь до иного изъ васъ, будь онъ хоть карапузенькій, но только со стеклышкомъ, да съ ужощеньицами. Но за то, оставя въ сторонѣ хроническую, гиперболическую и неудобоваримую важность, этотъ criterium истаго туляка, у нихъ, у туляковъ, имѣется одно великое качество, или просто добродѣтель, чисто спартанская, это — выносливость и небрезгливость, такъ что ихъ ни отъ чего не тошнитъ; и наконецъ — чрезвычайно крѣпкіе нервы и безпримѣрно здоровые желудки, способные переваривать то, чего не переварили бы желудки страусовъ. Разумѣется они, туляки, понимаютъ сладости комфорта и кейфа и не брезгаютъ ими; но когда это нужно, они переносятъ стоически величайшія неудобства и лишенія. Сегодня они вкусятъ и оцѣнятъ гастрономическій, тонкій обѣдъ съ такими же тонкими питіями, въ особенности оцѣнятъ обѣдъ «амфитріонный»; а завтра удовольствуются коркою чернаго, заплѣснѣвѣлаго хлѣба и стаканомъ мутной, противной воды. Но чѣмъ туляки подходятъ весьма близко къ спартанцамъ, такъ это вотъ чѣмъ: у Лакедемонцевъ была въ большой чести какая-то черная похлебка; у туляковъ въ большомъ употребленіи похлебка зеленая, или вѣрнѣе, зеленыя щи, изъ особеннаго рода кислицы или щавеля необыкновенно кислаго, который ростетъ въ изобиліи около одной деревни, называемой *Кислинка*. Поэтому похлебка эта называется—щи изъ щавеля Кислинскаго, каковые щи до того кислы (кислѣе уксуса четырехъ разбойниковъ), до того противны, что никто, кромѣ туляковъ, не могъ бы ихъ ложки проглотить безъ того, чтобы его не стошнило, или даже не вырвало; а туляки объѣдаются этими прокислыми кислинскими щами, и ихъ не тошнитъ, и желудки ихъ переваривають эту мѣстную похлебку. Сказано—спартанцы. Впрочемъ «о вкусахъ не спорятъ». Китайцы, напримѣръ, лакомятся крысами и даже ѣдятъ мясо всякихъ нечистыхъ тварей, даже протухлое, червивое. Остается рѣшить важный гастрономическій вопросъ: чей вкусъ испорченнѣе— китайцевъ или туляковъ; что противнѣе: китайское рагу изъ крысъ или тульскіе зеленые щи изъ щавеля Кислинскаго? Если живъ еще извѣстный когда-то московскій гастрономъ-обжора Рахмановъ, онъ могъ бы рѣшить такой міровой вопросъ о китайскихъ крысахъ и о тульскомъ щавелѣ Кислинскомъ. Но что желудки у туляковъ здоровенные, этотъ вопросъ уже давно порѣшенъ и сданъ въ архивъ. Впрочемъ много еще наберется

кое-чего по мелочи поразсказать о гражданскихъ и соціальныхъ доблестяхъ коренныхъ милыхъ тулячковъ. О, что это за доблести! Первый сортъ. Но обо всемъ этомъ до 9-й книги «Воспоминаній». Итакъ изнываю и чахну я въ ожиданіи моего Моисея, который выведетъ меня изъ неволи египетской.. . Гораздо хуже: изъ неволи тульской, и уведетъ меня Туда, къ двумъ моимъ ангеламъ хранителямъ, къ Сашѣ и Софи. Какой контрастъ! Тула, т. е. тьма кромѣшная, холодъ и зловоніе важничанья и эгоизма; а Тамъ — свѣтъ, тепло, благоуханіе и благодать небожителей, а не.... Петрушекъ, съ собственнымъ запахомъ.... Выливайтесь же сорокадвухлѣтнія мои обиды и оскорбленія, порою болѣзненныя, но всегда трусливыя, обиды отъ чуждой мнѣ, разноплеменной со мною орды. Итакъ я въ 5-мъ мировомъ участкѣ.

— Ваше дѣло ясно какъ день, право какъ сама справедливость, — сказалъ мнѣ Ник. Сергѣичъ. — Но, къ величайшему моему сожалѣнію ничего путнаго не могу для васъ сдѣлать: намъ дано право поощрять, а не наказывать негодяевъ изъ крестьянъ. Что могу я сдѣлать? Чтобы дѣйствительно наказать дерзкаго негодяя и буяна, его слѣдовало бы присудить къ тюрьмѣ съ тяжелою работою. А я могу только посадить его подъ арестъ на болѣе или менѣе долгій срокъ. А такой арестъ былъ бы наказаніемъ для васъ, для меня, а не для наглаго нищаго. Даровыя квартира, щи и хлѣбъ, при ничего недѣланьи — не наказаніе, а поощреніе. Много разъ убѣдился я въ этомъ изъ моей судейской практики: не исправленными, а пуще развращенными и дерзкими выходили изъ тюрьмы сажаемые туда мною негодяи.

Слова Загряжскаго оправдались вполнѣ. Выпущенный изъ тюрьмы послѣ мѣсячнаго сидѣнія, наглый Нефедъ громко, во всеуслышаніе похвалялся на деревнѣ: «Распрекрасно было мнѣ сидѣть подъ арестомъ: кормили и поили меня до-сыта, лучше, чѣмъ иногда ѣлъ я на волѣ. Работы никакой: лежи себѣ на боку. Славная жисть. Достанется же теперь барину и не такъ, да и до барыни доберусь я». Ну и добрался до насъ съ помощію своего брата, Феофана рябаго, да по милости нашей будто бы гуманности, какъ утверждаютъ восточные псевдолибералы, а по мнѣнію западныхъ и настоящихъ либераловъ — по милости нашей распущенности и халатности. Измыслили они, Нефедъ и Феофанъ, и выкинули такую штуку: подаетъ Феофанъ рябой мировому жалобу, отъ 1-го октября 1877 года, въ которой значится: «*Подвергнутъ г. Макарова и г-жу Макарову уголовному суду*, перваго за намѣреніе изнасиловать его дочь Арину, а вторую за оскорбленіе его дочери, тѣмъ, что, по жалобѣ ея на дерзость Арины, старшина поса-

дилъ ее на девь подъ арестъ». Не вѣрите, читатель? Такъ не угодно ля взглянуть на двѣ повѣстки мироваго, изъ коихъ одна гласитъ о жалобѣ Феофана на меня и мою жену, другая о жалобѣ моей на оклеветаніе мое Феофаномъ, и еще на копію съ рѣшенія мироваго отъ 30 января 1878 года, по дѣлу оклеветанія меня и жены моей. Разумѣется, мировой оставилъ безъ послѣдствія эту дерзкую клевету, ради ея нелѣпости, голословности и бездоказательности, тѣмъ болѣе, что я находился въ Петербургѣ, когда сажали подъ арестъ грязную, некрасивую дѣвку, извѣстную всей деревнѣ своимъ разгуломъ. Само собою разумѣется, что послѣ такой неслыханно наглой продѣлки, я самъ подалъ жалобу на оклеветаніе меня и жены моей. Мировой присудилъ клеветника на мѣсяцъ подъ арестъ. Феофанъ подалъ неудовольствіе. Дѣло перешло въ тульскій мировой съѣздъ. И что-жъ?... Какъ вы думаете, что же?... *Мировой съѣздъ скассировалъ рѣшеніе Загряжскаго и... оправдалъ клеветника, т. е. выдалъ ему головою меня, семидесятилѣтняго и дряхлѣющаго старика!!!. Оправдалъ за клевету, за ложное обвиненіе меня въ преступленіи, за которое усылаютъ по Владиміркѣ въ мѣста самыя отдаленныя, на каторжныя работы!!..*

Вотъ такъ Соломоны, какъ есть всероссійскіе Соломоны XIX столѣтія, ультра-либералы, ультра-филантропы, ультра-гуманисты, ультра-прогресисты, словомъ сочетаніе всевозможныхъ ультра. Исполать вамъ всероссійскіе Соломоны XIX столѣтія. Склоняюсь и благоговѣю передъ вашимъ благодушіемъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, склоняюсь, и склоняюсь еще ниже, чѣмъ передъ вами, склоняюсь передъ благодушіемъ русскаго мужичка-добряка. Этихъ добряковъ за все гладятъ по головкѣ, а они нисколько не зазнаются, не злобствуютъ, не буйствуютъ во всю русскую ширь, на распашку славянскую. Развѣ только погрубятъ кому нибудь, или желѣзною палкою по головѣ съѣздятъ. А что до инаго, прочаго, то все обстоитъ благополучно. Ну, а будь-ко это тамъ, гдѣ нибудь на западѣ. Такъ французскіе-то, али аглицкіе, али нѣмецкіе мужички, погладь-ко ихъ по головкѣ, какъ русскихъ, такъ они черезъ годъ, а много черезъ два, не то чтобы только палкой по головѣ, а перебили бы половину дворянъ, а другую половину вогнали бы въ чахотку.

Еще разъ исполать вамъ, господа тульскіе и благодушнѣйшіе изъ всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ Соломоновъ. Склоняюсь и благоговѣю передъ вами, передъ вашими судейско-мировыми доблестями; а все-таки мятныя лепешки постоянно ношу въ карманѣ на случай тошноты.... Конецъ послѣднему сказанью о мировыхъ и тулякахъ.

Пишу я эти бутады про мировыхъ да про туляковъ и вдругъ долженъ бросить перо. Теперь семь часовъ пополудни. Вечеръ прелестный. Окно кабинета открыто, выходитъ на большой деревенскій прудъ, за которымъ вся деревня, по склону, какъ на ладони. Перебранка бабъ, плачъ дѣтей, малѣйшій шумъ ясно долетаетъ до меня. И вотъ слышу громкій дѣтскій плачъ. Поднимаю голову: по длинной плотинѣ бѣгутъ четыре босоногія дѣвочки, и воютъ, приговаривая: «мама, мама, гдѣ мама? Охъ бѣда!» Думаю, кто нибудь заболѣлъ, и шлетъ къ женѣ за лекарствомъ. Я на дворъ; вбѣгаютъ дѣвочки и ко мнѣ съ ревомъ: «Ой, батюшки, бѣда, горе наше! — Что такое, спрашиваю? «Пудъ Иванычъ горитъ, пожаръ!» Меня хватило, словно обухомъ въ лобъ. Въ деревнѣ ни единаго парня: всѣ они и большинство бабъ на покосѣ, за пять верстъ. Только дѣвки да ребята въ деревнѣ. — Эй, кто тамъ?—крикнулъ я на весь дворъ. Кучеръ да два рабочіе выбѣгаютъ изъ сарая, а изъ избы мозглявый эксъ-солдатикъ, чистильщикъ обуви да кухонной посуды, котораго нищій грозился убить желѣзной палкой. — Въ деревню, на пожаръ, живѣе, поворачивайся.—Схватили ведра и побѣжали. И самъ я, какъ былъ въ туфляхъ, такъ и зашагалъ на пожаръ. Меня догоняютъ двое старшихъ сыновей. «Папа, и мы съ тобой; вѣдь не опасно, не сгоримъ». Смотрю, бѣжитъ въ догонку съ пригорка и мой меньшой, шестилѣтній Костя, оставя за собой няню, запинается за камень и растягивается на пыльной дорогѣ. Встаетъ, осматриваетъ колѣно: ссадина, въ крови, вытираетъ платкомъ, но ни единаго оха, а бѣжитъ далѣе. Какъ бы онъ ни ушибся, крякнетъ, но не заревѣтъ: страшный крѣпышъ. Вотъ мы у избы Пуда Иваныча. Кучка бабъ и дѣвокъ галдѣютъ. Рабочіе мои съ пустыми ведрами. Пожаръ потушили. Была благодать Божія: ни вѣтерка, ни одинъ листокъ не шелохнулся. А будь сильный вѣтеръ, вся деревня была бы въ огнѣ. А отъ чего пожаръ? У Пуда пятеро дѣтей. Четверо старшіе принесли грибовъ изъ рощи, и вышли изъ избы—искать свою мать. А младшій, трехлѣтній, вздумалъ угостить себя печеными грибами. Взялъ охапку щепокъ, бросилъ къ стѣнѣ на завалинку, обложенную соломой, досталъ спичку и зажегъ щепки. Да еще пошелъ, отыскалъ мать и отрапортовалъ ей: «Мамонька! я печку затопилъ, грибы жарю». Разумѣется, такого поджигателя не осудили бы не только тульскіе присяжные изъ ка(ку)печества, но даже и самые свирѣпые держиморды... Вотъ вамъ картина сельской жизни, снятая съ натуры.

Я такъ теперь занятъ дополненіями *Воспоминаній*, что не успѣваю пробѣгать *Новое Время*. И вотъ немного удосужившись, беру № 1924 и съ ужасомъ прочитываю фельетонъ: *Крушеніе на ростово-владикавказской желѣзной дорогѣ*.

Скажу нѣсколько словъ, не объ этомъ крушеніи, нѣтъ! а вообще о нашихъ желѣзнодорожныхъ безпорядкахъ.

Я сказалъ, что не успѣваю прочитывать газеты, которыхъ накопляется по нѣскольку номеровъ. Поэтому и теперь попадается мнѣ еще и 1933 номеръ «Нов. Вр.», гдѣ, на первой страницѣ, читаю, между прочимъ, слѣдующее:

«Такъ, напримѣръ, на одной желѣзной дорогѣ, какъ сообщалось недавно въ газетахъ, чины желѣзнодорожнаго батальона сняли, въ теченіи мая и іюня мѣсяцевъ, на незначительномъ сравнительно протяженіи въ 60 — 70 верстъ около *50,000 штукъ негодныхъ, гнилыхъ шпалъ*, т. е. около двухъ третей всего количества...... *А благодаря десятку такихъ шпалъ*, еще не такъ давно случилось подъ Гатчиной, у станціи Суйда, весьма грустное крушеніе поѣзда, *стоившее жизни многимъ, и многихъ оставившее калѣками*».

Не редакція газеты, а я подчеркнулъ нѣкоторыя фразы вышеприведеннаго извлеченія.

Что же это дѣлается на моей родинѣ? Когда же будетъ положенъ предѣлъ организаторамъ en grand человѣческихъ гекатомбъ? Когда же надѣнутъ намордники и нàручники на желѣзнодорожныхъ и всѣхъ прочихъ Молоховъ, которые нагло и безнаказанно, и по нѣскольку разъ сряду позволяютъ себѣ опыты увеличенія сладостей, и безъ того сладкой, но позорной своей жизни; увеличенія сладостей своего богомерзкаго чревоугодія *человѣческимъ мясомъ* отъ десятковъ и сотней жертвъ, истерзанныхъ ежегодно на поѣздахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. И покупаютъ они, желѣзнодорожные людоѣды, это человѣческое мясо, не на наличныя деньги, а *на гнилыя шпалы*... Да! это настоящіе хищники-людоѣды, откармливаемые не бардою, а человѣческимъ мясомъ, съ тою только разницею, что сало малороссійскихъ бардоѣдовъ идетъ въ пищу человѣку, а сало желѣзнодорожныхъ людоѣдовъ не годилось бы ни для собакъ, ни для кошекъ. А развѣ на смазку осей у колышекъ, въ которыхъ возятъ навозъ и разныя нечистоты.... «Черезчуръ сильно, т. е. рѣзко», скажутъ разные Маниловы. А десятки-то убитыхъ, изувѣченныхъ ежегодно на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ, по милости гнилыхъ шпалъ, это развѣ не черезчуръ сильно и рѣзко, господа Маниловы-жеманники и губкожатели? А десятки-то бездомныхъ вдовъ и сиротъ, по милости желѣзнодорожныхъ людоѣдовъ, это бездѣлица, господа рьяные защитники всякія скверны, лишь были бы онѣ вредны для другихъ, а не для васъ.... Слишкомъ рѣзко!... А развѣ мягко, развѣ не рѣзко говорилъ Ювеналъ, царь сатириковъ, когда нещадно бичевалъ онъ, и кого?

Патриціевъ, сенаторовъ и императрицъ, а не только что этихъ... Когда же наконецъ, когда грянетъ громъ и надъ этими преступными драконовыми головами!... Облекайся же въ трауръ, россійское правосудіе. Прячься же отъ стыда подъ густое покрывало, славянская Өемида!... Но, впрочемъ, что значатъ относительно людоѣдства желѣзнодорожные сластоѣжки? Это еще не корень зла: это — лишь злокачественныя болячки и язвы на худосочномъ тѣлѣ. Лечите злую немощь не однимъ прижиганіемъ болячекъ и язвъ, а сильнѣйшими дозами кровочистительныхъ декоктовъ. Вотъ какъ лечатъ такія злыя немощи на западѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случилась во Франціи ужасная катастрофа. На одной изъ ея желѣзныхъ дорогъ, кажется на ліонской, много было убито, искалечено и поранено. Сейчасъ же притянули къ суду желѣзнодорожную компанію и хватили ее нещадно по карману. Присудили уплатить 250 тысячъ фр. вдовѣ съ дѣтьми убитаго въ поѣздѣ ученаго или художника, не помню. Другому осиротѣвшему семейству приказали платить по 10,000 фр. ежегодной пожизненной пенсіи. Затѣмъ множеству пострадавшихъ назначили разные крупные куши, единовременно или пожизненными пенсіями. Такъ что всего *безчестія* съ компаніи было взыскано болѣе, нежели на полтора милліона фр... Вотъ это, такъ лекарство радикальное, дѣйствительное, спасительное, и не катаплазмы изъ бѣлаго хлѣба съ теплымъ молочкомъ; не наше *мирволенье своему брату*. Это—богиня, а не жеманница, не мирвольница. Это—строгая, безстрашная Өемида, а не дряблая и трусливая мямля Өемида Славяноскиөовна.

Сейчасъ пробѣжалъ я и № 1925 *Новаго Времени*. На третьей страницѣ въ концѣ третьяго столбца напечатано: «Изъ дальнѣйшихъ разъясненій причинъ безпорядковъ въ Переяславлѣ оказывается, «что ихъ вызвали сами евреи». Далѣе въ статьѣ говорится: «Когда въ толпѣ убѣдились, что арестуютъ только русскихъ, что ни къ одному ворочавшему оглоблями еврею не протянулась ни чья рука для ареста, ни одного ругателя-еврея не остановили, — тогда разгулъ принялъ размѣры ужасающіе»... Снова глубокія негодованіе и скорбь овладѣли мною при вопросѣ: что же это дѣлается, что будетъ далѣе и чѣмъ все это кончится въ моемъ отечествѣ? При семъ удобномъ случаѣ хотѣлось и можно было бы сказать много кое-чего по мелочи объ іерусалимскихъ выходцахъ, да и такъ я уже позволилъ себѣ говорить о многомъ и о многихъ, и говорить не такъ какъ говоритъ славяноскиөская трусливая мямля и мирвольница, а какъ—западный безстрашный указатель на общественныя постыдныя болячки и язвы, бичующій немилосердно пороки и зло. Итакъ, объ этомъ до другаго раза. Но не могу удержаться, чтобы не воскликнуть: О пра-

внуки вялой, дряблой, овечьей славянской расы! Били васъ когда-то печенѣги, половцы, татары, литовцы, поляки, шведы, даже пугачевцы; били всѣ, кому только захотѣлось бить васъ, били потому, что не умѣли вы сплачиваться, давать дружный отпоръ, а были всегда: «кто въ лѣсъ, кто по дрова». И тысяча лѣтъ грустной исторіи, съ ея поучительными уроками пропала даромъ, промотана безъ малѣйшей для васъ пользы, «ничему васъ не научила, ни отчего не отъучила». Какъ при почтенномъ Гостомыслѣ, такъ и теперь: вы — все тѣ же: *Кто въ лѣсъ, кто по дрова;* не умѣете дать дружнаго отпора, и кому же? Не батыямъ, а презрѣннымъ іерусалимскимъ выходцамъ и пройдохамъ, кровопійцамъ всего христіанскаго міра. Ну и бьютъ васъ оглоблями и арестуютъ, не оглобельщиковъ-побивателей, а побиваемыхъ оглоблями, и... впередъ будутъ васъ бить оглоблями и арестовать за это, оттого, что вы: кто въ лѣсъ, кто по дрова. И передъ кѣмъ въ разбродъ? Передъ горстью іерусалимскихъ гешефтмахеровъ... И кто-же это въ разбродъ-то? Не темная масса, нѣтъ! А интеллигенція; въ особенности пишущая.... И затѣмъ: какой унизительный, постыдный контрастъ между героями Куликовской битвы, неубоявшимися несмѣтныхъ полчищъ Мамая, и переяславскими полицейскими героями, спасовавшими передъ еврейскими оглоблями. Изъ этого же номера узналъ я и о милосердіи нашего новаго Царя. Обрадовался и благословилъ Его имя. Обрадовался не изъ сочувствія къ помилованной. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я былъ, есмь и всегда буду заклятымъ врагомъ всѣхъ револьверщиковъ, динамитчиковъ и динамитчицъ, которыхъ считаю злѣйшими и опаснѣйшими врагами не только престола, вѣры, законовъ и самаго общества, но врагами, убійцами, палачами истинной свободы и прогреса, творцами злѣйшей реакціи и одичанія, отупѣнія и оскотиненія человѣчества. А радуюсь и благословляю самодержавную власть за то, что, сверхъ христіанскаго милосердія, является еще актъ глубокой политической мудрости, которая, отстранивъ безполезный уже теперь ударъ меча правосудія, даруетъ жизнь цареубійцѣ, и такимъ высокимъ милосердіемъ уравниваетъ, облегчаетъ путь къ умиротворенію... Облегчивъ сердце полными сознаніями и отлитіемъ накопившейся въ немъ горечи, вернусь назадъ, къ очищенію моего имени отъ несправедливыхъ обвиненій. Пусть же, когда успокоюсь я на вѣки, не останется, не тяготѣетъ на моей памяти ни одинъ изъ тѣхъ злостныхъ, грязныхъ навѣтовъ, которыми хотѣли запачкать мое имя. Пусть оно очистится и посвѣтлѣвшимъ сойдетъ со мною въ могилу и хоть тамъ успокоитъ мой прахъ. Если я сдѣлался извѣстенъ, какъ *порядочный лексикографъ*, пусть же я буду извѣстенъ еще какъ *не дурной человѣкъ*.

Еще: если я припомнилъ, или по крайней мѣрѣ старался припомнить и пересказать въ этой «Mea culpa» все пережитое, передуманное, перечувствованное и выстраданное мною, то сильно боюсь за послѣднюю книгу этихъ *Воспоминаній*, которую я еще не начиналъ. Это самая интересная, драматическая изъ всѣхъ книгъ. И я боюсь, достанетъ ли у меня столько умѣнья, а главное силъ, не нравственныхъ, а физическихъ (которыя, увы, замѣтно слабѣютъ), чтобы рельефно изобразить всѣ перипетіи послѣдняго страшнаго періода моей жизни, моего странствованія по непривѣтливому для меня свѣту, съ полнѣйшимъ крушеніемъ всего, что могло красить жизнь, или хоть облегчать тяжесть несомаго креста, уменьшить страданія, уравнять жизненный путь; со швырѣніями въ меня грязью одной роденькою за то, что *я уронилъ свое дворянское званіе, женившись не на дворянкѣ*, а на внучкѣ вольнаго донскаго казака, впослѣдствіи закрѣпощеннаго однимъ княземъ за свою вѣрную ему, князю, службу на войнѣ и внѣ войны; далѣе: съ періодическими припадками, нашествіями на меня глубокаго, безвыходнаго отчаянія и съ кровавыми призраками многочисленныхъ попытокъ самоубійства, при ужасѣ оставить послѣ себя безпомощными жену и малолѣтнихъ дѣтей; потомъ съ грозными драмами, какъ, напр.: безумная и, разумѣется, безнадежная страсть единственнаго тогда у меня сына и сотрудника къ своей будущей мачихѣ; затѣмъ, вслѣдствіе этой безнадежности, произошла потрясающая сцена его сумашествія, въ припадкѣ котораго онъ бросается неистово на свою уже беременную мачиху; и наконецъ послѣдній актъ грозной драмы — смерть его въ тульскомъ домѣ помѣшанныхъ, послѣ двухнедѣльнаго сумасшествія. Объ этомъ было въ то время напечатано (въ «Спб. Вѣд.», 1869 г. № 67), но только съ сокрытіемъ главной причины сумасшествія моего сына.

О, какія страшныя воспоминанія!.. Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; родилось у меня четверо дѣтей: дочь, уже второй годъ на высшихъ женскихъ курсахъ, и три сына, всѣ здоровыя, красивыя и преумныя дѣти. Но при одной мысли о пережитыхъ тогда мною часахъ, всѣ раны сердца раскрываются, отзываются жгучею болью; меня душатъ слезы, рыданія!.. О, для чего родила меня мать на этотъ бѣлый.... что я! на этотъ гадкій, отвратительный свѣтъ?... И что же? Мнѣ стыдно... Но я долженъ теперь во всемъ сознаться, покаяться. Не смерть страшила меня въ послѣднее время, нѣтъ! Она улыбалась мнѣ, протягивала ко мнѣ великодушную руку, такъ привѣтливо, сострадательно глядѣла мнѣ въ глаза, манила къ себѣ и обѣщала полное успокоеніе, полнѣйшее забвеніе всѣхъ скорбей, страданій, обидъ. Нѣтъ не смерть, не эта бла-

годѣтельница несчастныхъ. А страшила меня, приводила въ отчаяніе, порою почти въ бѣженство мысль, что *я не имѣю права распоряжаться моею жизнію, имѣя жену и четырехъ малолѣтнихъ дѣтей;* что эта жизнь перестала принадлежать мнѣ, что она... закабалена; что я лишенъ, хуже чѣмъ «правъ состоянія», лишенъ права разбить кандалы этой разбитый жизни, разломать двери этой мрачной, душной, смрадной тюрьмы, которую называютъ жизнію.... несчастливцевъ. И я безумно роптал на мою кабалу, чуть не проклиналъ ее.

Да, воспоминанія ли пережитаго, прежнихъ страданій, погромовъ судьбы, страшныхъ утратъ: перваго ангела моей жизни — моей первой жены; втораго дивно-прекраснаго ангела, Софи Генаръ, слетѣвшаго прямо съ неба въ качествѣ любимицы и посланницы Творца, слетѣвшаго для того, чтобы, изумивъ и ослѣпивъ кучку людей, удостоившихся ея лицезрѣнія, показать сынамъ человѣческимъ, какъ, что и чѣмъ должна быть *настоящая женщина, до грѣхопаденія, шедёвръ Создателя, его слава и гордость,* т. е. совершеннѣйшее изъ совершеннѣйшихъ созданій; которая потомъ бросила на меня, безвѣстнаго сироту, никому не милаго, встрѣченнаго на порогѣ жизни нелюбовію матери и потомъ несущаго тяжелый крестъ безъ малѣйшаго къ себѣ сочувствія холодной, безчувственной, деревянной рядовой толпы, но при злорадномъ хохотѣ нѣкоторыхъ изъ ея вожаковъ, ея лжепросвѣтителей и столкусбивателей, статьекропателей, а порою и первокласныхъ лжецовъ и клеветниковъ, вершковыхъ людишекъ, стосаженныхъ хвастунишекъ; бросила на меня она, ангелъ добра и разума, свой небесно-сострадательный взглядъ, рѣшилась сдѣлаться настоящимъ, а не риторическимъ ангеломъ-хранителемъ моей жизни, стать для меня постояннымъ источникомъ свѣта и тепла, никогда незаходящимъ солнцемъ, создать для меня земной рай и затопить волнами неизрѣченнаго блаженства четыре мѣсяца моей жизни, по временамъ уносивши меня на своихъ прозрачныхъ крыльяхъ куда-то, въ недосягаемыя выси, за орбиту солнечной системы, за млечный путь, за седьмое небо; и вдругъ, опустивъ меня на нашу негостепріимную, печальную планету, была отозвана на свою родину, на небо избранныхъ и праведныхъ для того, чтобы освѣщать, согрѣвать и украшать собою рай небесный (смотри во второй части *Три маяка* и *Потерянный рай)*... Да, эти ли жгучія воспоминанія, или настоящая грязь жизни и гнетъ обстоятельствъ, порою страшный, невыносимый: но я грызъ и продолжаю грызть тяжелую цѣпь жизни, и... не могу перегрызть. Спадетъ ли она съ меня? Освободитъ ли меня отъ нее чья нибудь благодѣтельная рука, помогши мнѣ снять съ плечъ непосильный гнетъ? Или

эта цѣпь перержавѣетъ и сама спадетъ съ моихъ израненыхъ, окровавленныхъ членовъ?.. Но нѣтъ!.. Благодѣтельную руку въ современномъ скептическомъ и циническомъ обществѣ протягиваютъ лишь счастливцамъ міра, въ лайковыхъ перчаткахъ, а не несчастнымъ труженикамъ съ мозольными руками. Первымъ—гимны и диѳирамбы, вторымъ—насмѣшки, хула и брань; тѣмъ подобострастныя улыбки и нѣжные поцѣлуи, этимъ—грязь и камни. Двадцать лѣтъ я крѣпился, страдалъ и молчалъ. Грудь разрывалась отъ боли, а я все молчалъ и ждалъ чего-то... Но ничего не дождался, кромѣ строжайшаго карантина, спеціально воздвигнутаго для загражденія мнѣ доступа въ журнальный міръ и погребенія моего имени подъ густымъ слоемъ пыли-забвенія, который все болѣе и болѣе увеличивали... Все глухо, безмолвно, мертво вокругъ меня... Меня окружаютъ глыбы льда, или осколки гранита, или простой, зауряднын булыжникъ... Меня не поняли... и вѣроятно не захотятъ понять и оцѣнить, *хоть какъ нравственнаго человѣка и гражданина, если не какъ писателя*... Станутъ ли и теперь бросать въ меня грязью и камнями?.. Не знаю... Быть можетъ да, быть можетъ нѣтъ... Но я уже не боюсь: близь меня могила, которая укроетъ меня и отъ злобы людской, и отъ ихъ грязи и каменьевъ... Разрывайся же грудь отъ рыданій и стоновъ! Лейтесь же слезы изъ старыхъ очей! Лейтесь же, лейтесь, пока не зальете меня съ моимъ горемъ! Лейтесь, пока не окончится жизненный пасквиль, и изъ хладѣющихъ устъ не выйдетъ со вздохомъ предсмертнымъ:

«Я былъ между вами, но вы не познали меня,
Близорукіе слуги привычекъ, рутины и модъ».

И какое напряженіе силъ необходимо для 72-хъ-лѣтняго страдальца, чтобы написать эту главу, написать ее своими слезами, кровію своего сердца? А сколько еще силъ потребуется впереди, для того, чтобы начать и кончить девятую или десятую (еще не знаю) книгу «Воспоминаній», эту повѣсть второй половины моей жизни, въ которой были сосредоточены всѣ ея страданія, скорби, утраты, страшные перевороты отъ лучшаго къ худшему, эти, такъ сказать, жизненныя землетрясенія, не оставившія камня на камнѣ; наконецъ грозныя семейныя драмы? И если я не умру еще до этого окончанія, то по всей вѣроятности, эта книга явится въ печати уже какъ замогильный мой голосъ... Да оно и лучше такъ. Дни мои, кажется, сочтены. И нисколько не жалѣю объ этомъ. Жалѣю лишь о томъ, что зловредная, злонамѣренная, не критика, а безусловная ругань, злобное зубоскальство, парализируя всѣ мои способ-

ности, въ продолженіи долгихъ лѣтъ, помѣшала мнѣ написать много хорошаго, въ чемъ я увѣренъ, потому что я работалъ съ необыкновенной легкостью. На написаніе «Задушевной Исповѣди» употребилъ я пять недѣль. Это былъ мой первый трудъ, проба пера. Для «Банка Тщеславія» — шесть недѣль. Когда я написалъ его (весною 1860 г.), то раза по два въ недѣлю приносилъ я тетради на прочтеніе покойному Добролюбову. Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за моею работою. Когда, послѣ первыхъ главъ второй части, я принесъ ему слѣдующія и спросилъ: — Ну, что? прочитали вы начало второй части? — Нѣтъ: меня такъ занялъ вашъ романъ, что, не желая ослаблять впечатлѣніе отрывочнымъ чтеніемъ, я дождусь конца романа, и тогда прочитаю вторую часть въ цѣломъ. — А что, скоро вы помѣстите въ «Современникѣ»? — Да не ранѣе сентября или октября. На май у насъ все готово; а лѣтомъ мы помѣщаемъ только легонькое, неважное, а лучшее приберегаемъ къ осени и зимѣ.

Въ маѣ (1860 г.) я простился съ Добролюбовымъ и проводилъ его уѣзжавшаго на пароходѣ за-границу; затѣмъ и самъ уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню. И только въ сентябрѣ 1861 года пріѣхалъ я въ Петербургъ и сейчасъ же навѣстилъ Добролюбова, только что возвратившагося изъ за-границы и далъ ему рукопись «Побѣда надъ Самодурами». — Отчего же не «Банкъ Тщеславія»? вы обѣщали его намъ.—Я думаю, что «Самодуры» лучше. Впрочемъ и «Банкъ» отъ васъ не уйдетъ.—Навѣдайтесь ко мнѣ черезъ недѣльку,—заключилъ Добролюбовъ, протягивая мнѣ руку. Я ушелъ. Черезъ недѣлю нашелъ его въ постелѣ; а еще черезъ недѣлю его не стало на свѣтѣ. Со смертію этого даровитаго, прекраснаго молодаго человѣка, умерла и моя литературная будущность. Рукопись моя была возвращена мнѣ редакціею «Современника» безъ послѣдствій, и затѣмъ уже ни одна и нигдѣ не была принимаема, неисключая и этихъ «Воспоминаній», носившихъ другое заглавіе.

Когда я принимался за писаніе чего либо серьезнаго, то писалъ всегда карандашомъ, которыхъ чинилось у меня дюжина. Возьмусь за перо, и вся фантазія исчезаетъ, я деревенѣю, замерзаю, ничего дѣльнаго не сходитъ съ пера. Возьму карандашъ и мгновенно оживаю, откуда что берется. Понадобится сравненіе, является три, четыре, embarras de richesse. Нужно опереться на авторитетскую мысль, понадобится эпиграфъ, является нѣсколько, въ прозѣ и стихахъ, затрудняешься въ выборѣ. Цѣлый рой мыслей рождается въ головѣ, не успѣваю записывать на лоскуткахъ бумаги, чтобы не забыть. Коснется дѣло собственнаго имени: и, прочитанное или слышанное мною назадъ тому 30, 40 и бо-

лѣе лѣтъ и давно уже позабытое, оно вдругъ воскресаетъ въ моей памяти, словно кто-то шепнулъ его мнѣ на ухо. Такъ, напр., разсказывая выше о необыкновенномъ поединкѣ въ Парижѣ, я сейчасъ же вспомнилъ имя русскаго офицера (Телавскій), прочитанное мною еще въ 1825 году, болѣе полустолѣтія тому назадъ, и давнымъ давно позабытое. Начиная большой трудъ, я пишу сперва туго: страничку, двѣ въ день, потомъ три, четыре и такъ далѣе, все accelerando, и дохожу до 30 и болѣе страницъ въ день. Четыре части «Побѣды надъ Самодурами» (610 стр.) я написалъ ровно въ четыре недѣли, взявъ сюжетъ изъ подлинной жизни, и узнавъ героя романа Шугарова (тульскій помѣщикъ Кр—цовъ). Потерялъ я тогда и сонъ, и аппетитъ. Спалъ, или вѣрнѣе, лежалъ въ забытьи часа по четыре въ сутки, ѣлъ менѣе восьмилѣтняго ребенка; не слышалъ, что мнѣ говорили; самоваръ накрывалъ крышкой отъ чайника, а чайникъ—крышкой отъ самовара. Послѣднюю часть написалъ я въ два дня. Я дремалъ надъ бумагою, писавши, глаза смыкались отъ безсонницы, а рука съ карандашемъ, словно независящее отъ меня, живое, разумное существо, быстро бѣгало по бумагѣ. Я сталъ подъ конецъ скелетомъ. Много помогало мнѣ то, что меня всякое утро окачивали нѣсколькими ушатами холодной воды. Это освѣжало и голову, и тѣло. Окончивъ романъ, я поѣхалъ на недѣлю въ Тулу отдохнуть, развлечься и дать переписать съ карандаша четвертую часть. Когда, по возвращеніи въ деревню, я сталъ пробѣгать ее, то все написанное было для меня ново. Все до тла позабылъ я черезъ недѣлю отдыха. А, какъ мнѣ кажется, это — лучшая часть романа. Чтобы вполнѣ освѣтить тогдашнее состояніе моего духа и мотивы многаго изъ написаннаго въ 3-й части «Самодуровъ», я впишу сюда посвященіе этого романа моему другу Алекс. Ал. Одинцову. Вѣдь *Mea culpa* есть также и моя аппеляціонная жалоба и родъ процеса моимъ ругателямъ шестидесятыхъ годовъ; и потому долженъ быть принимаемъ и прочитанъ каждый документъ, служащій къ оправданію обвиненнаго. А вѣдь меня тогда обвиняли Богъ знаетъ въ какихъ ужасахъ, обвинили и, не выслушавъ оправданія, осудили окончательно и... похѣрили. Вотъ мое посвященіе:

«Не пользуясь ни малѣйшимъ литературнымъ авторитетомъ, рекрутъ въ фалангѣ писателей, я посвящаю тебѣ мой литературный трудъ. Не ищи въ немъ обдуманности плана, ни художественности исполненія, потому что для написанія его я употребилъ только четыре недѣли. Это была импровизація сердца, это были вопли души, убитой полнымъ равнодушіемъ и жестокимъ злорадствомъ нѣкоторыхъ. Меня хотѣли уничтожить, забросать грязью мое честное, незапятнанное имя. Не хотѣли

даже выслушать моихъ оправданій. Я падалъ духомъ и тѣломъ и готовъ былъ предаться губительному, безвыходному отчаянію. Но Провидѣніе, твоими устами, спасло меня: слѣдуя твоему дружескому совѣту, я оставилъ Петербургъ, удалился въ деревню и, проведя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи, на лонѣ природы, тишины и спокойствія, вздохнулъ свободно и — ожилъ. Тогда я взялся за перо и, въ четыре недѣли, написалъ то, что посвящаю тебѣ теперь.

«Прими же, мой другъ, это посвященіе отъ твоего стараго товарища въ знакъ его глубокаго къ тебѣ уваженія, и въ память той дружбы, которая ни на волосъ не измѣнилась между нами въ продолженіи длиннаго, тридцатилѣтняго періода ея существованія, и которая утѣшала, поддерживала и не разъ спасала меня въ тяжелыя и трудныя минуты моей жизни.

«Рожествино, 1861 года, 13 марта».

Не только романъ былъ тогда разруганъ наглымъ и мѣднолобымъ поносителемъ геніальнаго Пушкина, но и это невинное посвященіе не избѣгнуло его безтыжаго зубоскальства и лжи, что будто-бы я написалъ мой романъ *по совѣту какого-то Алексѣя Алексѣевича*. Вотъ лгунишко-то! По совѣту друга я уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню, а не романъ писалъ. Да мало ли что онъ тогда нахально лгалъ на меня, въ чемъ я и уличалъ его печатно, назвавъ его *плясуномъ на сковородѣ* (собственное его, зубоскала, въ этомъ сознаніе). А въ другой распретолстой и съ большими претензіями Ѳедорѣ... журналѣ, хотѣлъ я сказать, осмѣяли даже и легкость, съ какою писалъ я, осмѣяли меня и за то, что я написалъ романъ въ четырехъ частяхъ въ четыре недѣли, а не въ четыре года. Вотъ судьи-то, такъ ужъ настоящіе Шемяки Шемякичи. Вполнѣ сознаю и заявляю: въ этомъ романѣ масса лишняго, что слѣдовало бы пропустить или передѣлать. Но мѣстами я клалъ въ него всю мою душу. Ктому же я только начиналъ тогда писать, учился и пробовалъ силы. Спросить чего либо мнѣнія, совѣта было не у кого, живя въ деревнѣ. Впослѣдствіи я сталъ бы писать гораздо обдуманнѣе, обработаннѣе, и писалъ бы не *субъективно*, какъ до того, а *объективно*. Но злая судьба, и еще болѣе злые люди не захотѣли того. Ну и ограничилась моя литературная дѣятельность одной сухой матеріей,— словарями. Правда, что я совершилъ этотъ громадный трудъ въ невѣроятно короткій срокъ: въ семь лѣтъ, чему не хотѣли повѣрить компетентные люди, ученые и академики. За то зачахли мои воображеніе и вдохновеніе, да и на здоровьи крѣпко отозвались эти усиленныя занятія

по пятнадцати часовъ въ сутки, не исключая и самыхъ большихъ праздниковъ.

До «Задушевной Исповѣди» я не бралъ пера въ руки, а только игралъ на гитарѣ, да писалъ массу писемъ, цѣлый ворохъ. «Исповѣдь» была моимъ литературнымъ дебютомъ, за который обругали и ругали меня въ продолженіи трехъ лѣтъ. Послѣдній большой трудъ, написанный въ 1861 году, былъ романъ «Поддѣльщики», тоже забракованный всѣми редакціями, въ которыя обращался я. Мало того: одинъ редакторъ не поцеремонился намекнуть мнѣ о странности моего предложенія напечатать, даже безъ всякаго гонорара, такой жалкой, допотопный трудъ (sic). Прочитайте его, читатель, въ первыхъ шести номерахъ «Иллюстрированнаго Вѣстника» 1880 года, и судите, точно ли онъ такъ плохъ и неудобочитаемъ. А относительно «Воспоминаній», я сейчасъ вспомнилъ одинъ случай, очень хорошо характеризующій тогдашнихъ «строгихъ цѣнителей и судій».

Сверхъ обыкновенной цензуры, 3-я книга принадлежала еще и военной. Отправляюсь я къ помощнику военнаго цензора, полковнику Кропотову, серьезнѣйшему изъ серьезныхъ людей и очень умному человѣку и, отдавая ему огромную рукопись, говорю:

— Вашей цензурѣ подлежитъ лишь одна третья книга. Скоро ли могу я получить отъ васъ мою рукопись, полковникъ?

— А, право, не знаю; я заваленъ работою. Я никогда не читаю романовъ иначе, какъ по обязанности. Вотъ мои любимцы по части чтенія, — прибавилъ онъ, показывая рукою на полку, гдѣ стояли римскіе классики.

На другой день иду я на литературно-сотрудничій вечеръ къ помощнику редактора «Инвалида», Вл. Ник. Леонтьеву, брату моего покойнаго сослуживца по гвардіи, одноротца, друга и соперника по моей второй *страстной любви* къ Болтиной.

— Ну, что, полковникъ, начали вы просматривать мою рукопись? — спросилъ я Кропотова, бывшаго тоже на вечерѣ у Леонтьева.

— Да что? у меня отъ вашего романа страшно болитъ голова.

— Какъ это? Неужели писаніе мое имѣло на васъ дѣйствіе дурманнаго зелья?

— А вотъ что: я люблю читать въ постели, на сонъ грядущій. Принимаюсь я вчера за третью книгу вашей рукописи. Прочитываю страничку, другую, третью. Чортъ возьми! Да вѣдь это что-то очень интересное, дай-ко загляну на начало. Началъ я съ начала, да потомъ не могъ и оторваться, такъ это интересно. Ну, всю ночь и не спалъ,

а прочиталъ и къ утру окончилъ вашу рукопись. Да вѣдь въ ней—такой огромный интересъ, что ее слѣдуетъ *купить на вѣсъ золота* (sic).

Ну ужъ куда тамъ на вѣсъ золота! И *даромъ отдавалъ*, никто не захотѣлъ печатать мой трудъ въ своемъ органѣ. А выразительныя улыбочки-то, а многознаменательныя ужимочки-то, а пожиманіе-то плечами!.. Чего стоятъ?

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

Итакъ, редакторскою (добро бы еще Божіею) милостію безмолствовалъ я ровно двадцать лѣтъ. Правда, пописывалъ иногда небольшія фельетонныя статьи, помѣщаемыя въ нѣкоторыхъ, не предубѣжденныхъ враждебно противъ меня, газетахъ. Да въ 1874 году, возмущенный безуміями соціалистовъ, комунистовъ, интернаціоналовъ, да еще нахальствомъ *вагнеристовъ*, идолопоклонниковъ безвкусной, снотворной музыки будущности, я написалъ и напечаталъ нѣсколько брошюрокъ: *Умъ и Остроуміе*, да *три бичующія сатиры: Кровавый призракъ*, *Пигмеи на Ходуляхъ* и *Пифъ Пафъ*. И какую лестную благодарность получилъ я тогда отъ Цесаревны за эти брошюрки, пожертвованныя мною въ пользу «Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ». Въ этой Августѣйшей благодарности было высказано особенное сочувствіе къ нравственной цѣли сатиръ. Разумѣется, эти брошюры не продавались и лежатъ теперь, словно въ могилѣ, въ книжномъ магазинѣ Цвылева въ Малой Садовой, несмотря на благую цѣль и дешевизну изданія: 30 коп. за брошюру. И даже теперь сильно боюсь, найдется ли журналъ, который захотѣлъ бы помѣстить у себя эти «Воспоминанія», такъ напуганъ я пренебрежительнымъ ко мнѣ невниманіемъ, болѣе: какимъ-то хронически-недружелюбнымъ противъ меня предубѣжденіемъ прессы, явнымъ желаніемъ не признавать во мнѣ ни малѣйшаго литературнаго дарованія, ни малѣйшей заслуги, словомъ: игнорировать меня и какъ писателя, и какъ полезнаго дѣятеля, и постоянно запирать передъ самымъ моимъ носомъ двери своихъ редакцій, возвращая мнѣ безъ послѣдствій все, чтобы я ни написалъ, даже по вопросу, касающемуся общественной пользы или животрепещущей злобы дня; а на другой же день помѣщаютъ на своихъ столбцахъ какую нибудь неважную, часто тупую статейку, но написанную излюбленнымъ писакой *своего прихода*. Но бывали и отрадныя для меня исключенія, наприм.: «С.-Петербургскія Вѣд.» помѣщали у себя не разъ и прежде мои статьи, помѣстили цѣликомъ и въ прошломъ 1880 г. въ 131 номерѣ, большую мою статью: *Путешествіе по де-*

брямъ славянской апатичности, дряблости и псевдомеценатства. Въ ней разсказана исторія созданія и появленія моихъ словарей, исторія печальная по ледяному равнодушію, съ какимъ и публика, и пресса встрѣтили мои словари, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, утѣшительная по великодушію и щедрости въ Бозѣ почившаго Царя-мученика, державнаго мецената, поддержавшаго меня и давшаго мнѣ возможность довершать начатое, на пользу обществу, дѣло созданія *раціональной международной лексикографіи.* Статья эта будетъ помѣщена въ приложеніи: *Исторія созданія моихъ словарей.* Въ заключеніе повторяю: дни мои сочтены. И если я очень мало беллетристическаго оставлю послѣ себя (не по моей винѣ, а по милости, не критиковъ, а злонамѣренныхъ ругателей-зубоскаловъ), то пусть же хоть мои словари свидѣтельствуютъ, что я не совсѣмъ даромъ «жевалъ хлѣбъ», не коптилъ небо, а внесъ и мою посильную лепту на пользу общества. Пускай хоть за словари помянутъ меня не лихомъ, а добрымъ словомъ.

Такъ какъ я вознамѣрился вылить изъ моего сердца все, что копилось и накопилось въ немъ годами, сладкое-ли, горькое-ли,—послѣдняго, разумѣется, болѣе, нежели перваго; вознамѣрился ничего не брать съ собою въ могилу; — объ этомъ не разъ заявлялъ я въ *Моихъ воспоминаніяхъ,*— то поговорю объ одной, не совсѣмъ красивой чертѣ моихъ соотечественниковъ, славяноскиѳовъ. Не спорю: натура русская—натура весьма добродушная, гостепріимная и даже порою широкая, но только широкая не всегда и не во всемъ. Я уже говорилъ кой-что выше о щедрости славянской натуры относительно тщеславія, моды, субъективнаго комфорта и *чревоугодія.* Да, мы не жалѣемъ денегъ на пищу для—желудка; но на пищу для ума — скареды; въ особенности на крупныя лепты для общаго блага. Такихъ личностей, какъ Стеверты, Пибоди, миссъ Кутсъ, Монтіоны у насъ, кажется, не было, да едвали и будутъ. Пародіи на маленькихъ, миніатюрныхъ Лукулловъ бывали и будутъ. Да еще, пожалуй, время отъ времени, какая нибудь гильдейская бородка раскошелится, но не больно широко; раскошелится ради—пріобрѣтенія золотой медали. Но возвращусь къ славяноскиѳской скаредности на пищу для ума, т. е. на книги.

Во Франціи, Англіи, даже въ Германіи хорошей новой беллетристической книги въ одинъ мѣсяцъ расходится иногда нѣсколько тысячъ экземпляровъ. А хорошей научной книги, какой еще не появлялось и какая необходима каждому мало-мальски порядочному человѣку, разойдется въ годъ два, три изданія. Напр.: словарь Бешереля, довольно дорогой, въ короткое время достигъ 10-го изданія. У насъ же далеко не то и не такъ. Въ 14 лѣтъ распродано только два изданія моихъ пол-

ныхъ словарей. У насъ: пусть Тургеневъ, помноженный на Гончарова, будетъ помноженъ еще на гр. Толстаго; пусть они напишутъ и издадутъ дивную книгу. Ну, какъ продадутъ ее болѣе тысячи экземпляровъ въ годъ, такъ это—тріумфъ небывалый, чудовищный (въ Парижѣ продавалось и продается иногда по нѣскольку десятковъ тысячъ экземпляровъ въ годъ нѣкоторыхъ романовъ). А почему же такъ? Потому что въ Парижѣ каждый порядочный человѣкъ со средствами, увидавъ у знакомаго новую, интересную для него книгу, пойдетъ и купитъ ее. А у насъ? «Ахъ какъ хороша эта книга! *Одолжите мнѣ ее прочесть*», скажетъ интеллигентъ знакомому интеллигенту. Ну, и возьметъ, а не купитъ, хоть средствъ у него на десять такихъ книгъ. А послѣ него десятка два и другихъ такихъ же любознательныхъ и скаредныхъ интеллигентовъ тоже возьмутъ почитать на шаромыжку ту же самую книгу. И хорошо, если черезъ полгода новая книга вернется къ своему владѣльцу въ видѣ лапши. А то,—и это всего чаще,—и вовсе зачитаютъ ее... Скареды. А на устрицы, на тонкіе обѣды съ тонкими винами у какого нибудь обдирательствующаго французика-ресторана не пожалѣютъ оставить въ одинъ разъ стоимость десяти хорошихъ книгъ. Сколько зачитали у меня книгъ и разрознили французскихъ «revues!» Нѣсть бо числа. Не разъ случалось мнѣ быть самому свидѣтелемъ, или слышать о сценахъ въ родѣ слѣдующей:

Гостиная комъильфо. Меблировка и освѣщеніе комъильфо. Хозяинъ и хозяйка—комъильфо. Гости—комъильфо, все интеллигенты первый сортъ. Бесѣдуетъ все о матерьяхъ важныхъ, объ улучшеніи... чего-то, необходимаго для преуспѣянія человѣчества, хоть бы о томъ, какъ посвирѣпѣе обругать того-то и еще то-то. И вдругъ одинъ изъ интеллигентовъ возвѣщаетъ:

— Гг.! знаете-ли, что вышла новая книга, великолѣпнѣйшая, такая-то?

— Ахъ, какое счастіе! Мнѣ до зарѣзу нужна именно такая книга. А у кого она продается и что стоитъ?—спросятъ въ одинъ голосъ трое изъ интеллигентовъ-комъильфо.

— Продается тамъ-то, стоитъ 3 рубля.

— Непремѣнно и сегодня же куплю,—скажутъ всѣ трое. Остальная интеллигентная компанія съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и гробовымъ молчаніемъ встрѣчаютъ сообщеніе о выходѣ великолѣпной книги: *неинтересно*. Вдругъ другой кто либо изъ присутствующихъ провозгласитъ:

— А знаете ли, гг., новость?

— Какую?

— Очень интересную: открылся новый ресторанъ, гдѣ великолѣпно кормятъ. — Всѣ лица проясняются, сіяютъ отъ удовольствія: *интересно*.

— А гдѣ же этотъ ресторанъ? — спрашиваютъ въ одинъ голосъ всѣ безъ исключенія.

— На углу такой-то и такой-то. Въ два рубля прекрасный обѣдъ; а въ три — чудо, объяденіе, пальчики обсосешь. У Бореля и за пять рублей не дадутъ такого. — Впечатлѣніе на всю честную компанію громадное, равносильное впечатлѣнію отъ извѣстія о побѣдѣ подъ Геокъ-Тепе. Наконецъ гостиная комъ-ильфо пустѣетъ. Трое изъ интеллигентовъ комъ-ильфо выходятъ въ глубокомъ раздумьи. Новая книга нужна имъ до зарѣзу. Каждый изъ нихъ повѣряетъ свои наличные капиталы: двѣ трехрублевки да нѣсколько мелочи. И потому: три рубля за книгу, а три на обѣды у Мильбрета до полученія жалованья или гонорара отъ патрона. Итакъ каждый изъ трехъ поварачиваетъ въ лѣво за книгой. Останавливается, глубоко задумывается, гораздо глубже, нежели Ньютонъ надъ открытіемъ закона тяготѣнія. Ну, и предметъ-то поважнѣе: великолѣпный обѣдъ за три рубля, какого Борель не дастъ и за пять. Думаетъ, думаетъ и поворачиваетъ назадъ къ новому ресторану. Опять остановится, позадумается, повернетъ назадъ, снова остановится. И такимъ образомъ послѣ долгихъ размышленій, колебаній, лавированій то налѣво, то направо, въ концѣ концовъ воскликнетъ:—Да ну, ее, успѣю купить и послѣ!... То ли дѣло обѣдъ въ три р., который лучше пятирублеваго у Бореля. — Итакъ, пойдетъ, прожретъ три рубля, а книги такъ-таки и не купитъ. И молодые, и пожилые, и старые славяноскиѳы — точно также скаредны на покупку книгъ, но не на обжорство. О герои гастрономіи и сладко-обжорства!... Въ половые вамъ, а не въ герои. Въ продавцы блиновъ, да только Меньшиковыхъ изъ васъ никогда не выйдетъ.

Итакъ, наконецъ-то я весь передъ вами, любезныя читательницы и читатели, со всѣми моими грѣхами, недостатками, заблужденіями, увлеченіями, безъ малѣйшей утайки. Судите и рѣшайте со всею строгостію, но и съ безпристрастіемъ: чего я стою? Можно ли меня помиловать, или слѣдуетъ казнить, какъ это сдѣлали двадцать лѣтъ тому назадъ, за мою «Задушевную Исповѣдь», въ концѣ которой обращался я къ суду общественнаго мнѣнія съ слѣдующими словами:

«Надѣюсь, что между семидесятью семью милліонами моихъ согражданъ, найдется довольно благородныхъ, безпристрастныхъ и независимыхъ сердецъ, на которыя не подѣйствуетъ обаяніе чужихъ милліоновъ, и которыя не побоятся произнести неподкупное и справедливое мнѣніе; не

побоятся осудить кичливость ложныхъ доблестей, неправду, лицемѣріе, и жестокосердіе, какъ бы искусно ихъ ни маскировали, какъ бы глубоко ни прятали подъ кучею банковыхъ билетовъ, акцій, домовъ и картинныхъ галлерей».

Увы! обращеніе это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. «Задушевную Исповѣдь» поняли, т. е. захотѣли понять превратно, перетолковали вкривь и вкось, и чуть не побили меня за нее камнями, не устыдились открыть въ ней будто-бы «корыстныя цѣли» (это въ «Задушевной-то Исповѣди», гдѣ такъ ярко проглядываетъ полное мое безкорыстіе). Неужели придется мнѣ и теперь испытать тоже самое? Неужели придется мнѣ продолжать носить съ собою и унести въ могилу безотрадную мысль, что въ русскомъ обществѣ нѣтъ правды; что эта правда умерщвлена, заклана на жертвенникахъ Мамоны.

Впрочемъ весьма трудно и рѣшить-то, что преобладаетъ въ современномъ русскомъ обществѣ: всемертвящее ли медузинское равнодушіе къ честнымъ, но не авторитетнымъ труженикамъ и къ ихъ полезной, но скромной, не блестящей дѣятельности; ко всему ли отвлеченно хорошему, незамаскированному, ненабѣленному, ненарумяненному, ненакрахмаленному, неподдѣльному, не пуфическому и нешарлатанскому; или преобладаетъ въ немъ всеразжигающая, всеразъѣдающая, всерастлѣвающая страсть, бѣшенная скачка, не столько съ препятствіями, сколько съ безстыдствомъ и наглостью къ скорѣйшему обладанію конкретными сладостями жизни и ласками своей безстыжей проститутки-Мамоны, открывающей свои объятія нечистымъ, циническимъ хищникамъ, паразитамъ, искателямъ приключеній, пройдохамъ и воротиламъ большаго или маленькаго свѣта; и раздающая одни только щелчки, да пощечины, да плевки безкорыстію и высокой честности. Конечно не за тридцать сребрениковъ, — pas si bêtes, не стоитъ рукъ марать, — а за какой нибудь милліончикъ, а то пожалуй за какія нибудь сотевки тысченокъ,—и то ладно, годится, подавай сюда,—продали бы и нынѣ Христа, если бы Онъ, по своей неизреченной благости и ради вторичнаго спасенія человѣчества, пожелалъ снизойти на землю, въ прокаженно-культурную современную среду. И не одинъ, какъ во времена царства іудейскаго, а цѣлыя тысячи, десятки тысячъ нашлось бы современныхъ Іудъ предателей въ нашей пресловутой, т. е. самохвальной цивилизаціи ради такого милліоннаго гешефта.

Такъ вотъ, за неимѣніемъ божественныхъ агнцевъ, и продаютъ теперь, и распинаютъ безусловно-честныхъ праведниковъ, и при этомъ, pour la bonne bouche, продаютъ и свою честь, и свою совѣсть, и свое отечество, благо оно долготерпѣливо и многомилостиво. Шарлатан-

ство, нахальство, наглость и, съ тѣмъ вмѣстѣ, холопство, повсемѣстная ложь, неумолкное лганье, обманы, надувательство, вымогательство, безстыжіе мѣдные лбы, погоня за теплыми мѣстами, хотя бы и безъ почета, безъ почестей, или за почетомъ и почестями, но только съ теплыми мѣстечками; хапанье, цапанье, поголовное хищничество и ограбленіе безграмотныхъ и беззащитныхъ массъ; субъективное и объективное порабощеніе, запродажа себя au plus offrant: вотъ девизы, эмблемы, излюбленные идеалы пресловутой культуры второй половины XIX-го столѣтія....

И послѣ всего этого мы осмѣливаемся карабкаться на гнилые, но высокіе заборы, или на огромныя навозныя кучи и, съ этихъ достойныхъ насъ подножій, съ языческимъ самообожаніемъ, съ слѣпымъ самообольщеніемъ, съ нахальнымъ самовосхваленіемъ дерзаемъ выкрикивать торжественное, побѣдное «кукареку» въ честь и прославленіе вышерѣченной хромоногой культуры.... Прочь это омерзительное идолопоклонство! Срывайте съ себя блестящія праздничныя ризы всѣ вы культурные шаманы, жрецы, сеиды и поклонники Мамоны! Смолкните лжехвалебные гимны и кантаты позолоченнымъ болванчикамъ, божкамъ и богинькамъ. Снимите замки и заклепы съ устъ *безусловной правды*, перестаньте распинать ее, не на крестѣ, а на позорныхъ листкахъ продажныхъ панегиристовъ или наемныхъ ругателей; сбросьте траурную арестантскую одежду съ гражданской доблести, перестаньте рыть ей могилу, играть похоронный маршъ; плачьте, рыдайте, кайтесь и *закайтесь*: лучше поздно, чѣмъ никогда. Это будетъ жертва, достойная Бога истиннаго, Бога правды, чести, честности, неподкупнаго правосудія и строгой справедливости; любви къ ближнему, къ отечеству, ко всему человѣчеству. Словомъ: «совлеките съ себя ветхаго человѣка и болѣе къ нему не возвращайтесь». Это будетъ истинная, а не поддѣльная, не облыжная гуманность; здоровая, а не худосочная, не изъѣденная термитами цивилизація; словомъ: это будетъ не полу, а полный прогрессъ; не трусливый, не крадущійся ощупью въ полумракѣ; а смѣлый, съ открытымъ челомъ, спокойный, безъ колебаній, безъ судорожныхъ прыжковъ и бѣшеныхъ скачковъ черезъ неуравненную предварительно почву, безъ сошествія съ рельсовъ и безъ постыднаго торможенія или попячиванья.

Вотъ тогда, и только тогда взойдетъ и заблещетъ солнце Безусловной Правды, надъ головами обновленнаго и спасеннаго человѣчества.

Вотъ тогда, и только тогда притупятся кинжалы, заржавѣютъ револьверы, затонетъ динамитъ и нитроглицеринъ въ спасительныхъ волнахъ всепрощенія и всепримиренія.

Смолкнетъ тогда и звукъ цѣпей и не будетъ раздаваться грохотъ разстрѣливаній, перегніютъ и перервутся веревки для вѣшаній, заржавѣетъ и сломается лезвіе гильотины; умолкнетъ на вѣки громъ скорострѣльныхъ ружей и нарѣзныхъ пушекъ, а за нимъ и... трескъ барабановъ.

И всюду распространятся и воцарятся на землѣ не перемежающіяся, а постоянныя—свѣтъ и тепло, знаніе и любовь; тишина, спокойствіе, согласіе и... ненарушимый, вѣчный миръ.

Но нѣтъ! Еще не придумано дѣйствительныхъ намордниковъ на злобу человѣческую; смиреніе незнакомо людской гордынѣ; развращенное и ожесточенное сердце потомковъ Авеля и Каина не смягчится, не умиротворится никогда.

Пусть же снова возстанутъ и ополчатся на меня обломки зубоскаловъ и писакъ шестидесятыхъ годовъ, если не всѣ они потонули въ водахъ Гапсаля или въ волнахъ Леты, въ пучинѣ общественнаго забвенія и... презрѣнія.

Смѣйтесь же, хохочите безумно, кощунствуйте, издѣвайтесь и наругайтесь надо мною; швыряйте грязью въ мои сѣдины.... Я и самъ буду теперь тоже хохотать и смѣяться надъ вами, потому что недолго придется вамъ такъ издѣваться и наругаться: жертва скоро ускользнетъ изъ вашихъ шелудивыхъ рукъ.

Чу! Стукнулъ о камень заступъ, роющій для меня могилу. Скоро застучитъ и молотъ, заколачивающій гвоздями крышу моего послѣдняго, досчатаго, тѣснаго и темнаго жилища. И опустятъ въ свѣжую могилу, и засыплютъ сырой землей это досчатое, тѣсное жилище, мое вѣрное, надежное убѣжище.... И я спасенъ, застрахованъ на вѣки отъ злобы людской; и не оскорбится болѣе слухъ мой ни чьей хулой, ни чьей бранью....

Вотъ мои послѣднія, предсмертныя, ab imo pectore, слова.

Acta est fabula.

И отъ субъективнаго перехожу къ повѣствованію объективному.

. . . .

О память моя!... Куда же ты дѣлась? Что сталось съ тобою? Заѣли тебя, мою голубушку 72 года моей измученной, страдальческой жизни. Сколько я ни припоминалъ, сколько ни шарилъ въ этой измѣняющей мнѣ памяти, а далеко не все припомнилъ, все остается еще припомнить и говорить о многомъ интересномъ, не разсказанномъ. Напр.: говоря о важной, но дорогой моей теткѣ, Шиповой, у меня изъ ума вонъ было поговорить о другой, далеко не заурядной теткѣ. Это — княгиня Марья Павловна Волконская, жена племянника бывшаго министра двора, князя Петра Мих. Волконскаго. А тетка эта была ангелъ добрѣйшаго сердца,

прекраснаго характера и основательнаго ума, а въ молодости необыкновенная красавица, и самый вѣрный, пламенный другъ моей покойной матери во время ихъ дѣвичества. Онѣ были неразлучны, вмѣстѣ влюблялись, вздыхали, мечтали, но не такъ какъ нынѣ: о богатѣйшихъ мужьяхъ или даже и не о мужьяхъ, а о сотрудникахъ *по воровству милліоновъ изъ какого нибудь казначейства*, или просто *по динамиту*. Нѣтъ! онѣ мечтали о матеріяхъ далеко не столь важныхъ, о предметахъ далеко не столь возвышенныхъ, а только: о лунныхъ ночахъ на берегу журчащихъ ручейковъ, о «Малекъ Аделяхъ» и о вѣрной къ нимъ любви до гробовой доски и даже за предѣлами этой доски. Заводили себѣ альбомы и исписывали въ нихъ страницы нѣжнѣйшими произведеніями тогдашней пiитики, въ родѣ слѣдующаго:

Ударилъ часъ, мѣдь зазвучала
И будто стоны издала;
Слеза на грудь мою упала,
Душа заныла, замерла.
Свершилось все, разстаться должно,
Коль рокъ претитъ намъ вмѣстѣ быть;
Судьбѣ повиноваться можно,
Но льзя-ль не плакать, не грустить *).

И такъ далѣе, нѣсколько строфъ все въ томъ же чувствительномъ, минорномъ тонѣ. Потомъ мать моя вышла за моего отца, а ея кузина за князя Волконскаго, красавца, и хотя умомъ не доходившаго ей и до щиколотки, но добраго, честнаго и съ состояніемъ молодаго человѣка, да еще и сіятельнаго, со связями. Разстались двѣ неразлучныя до того кузины, и потомъ одна изъ нихъ умерла отъ тоски по сынѣ въ 1815 году, а другая уѣхала въ Петербургъ съ мужемъ, поступившимъ тотчасъ же на придворную службу. Затѣмъ ни слуху ни духу не было о ней въ семьѣ моего отца, и я даже не подозрѣвалъ, что у меня въ Петербургѣ есть тетка, да еще сіятельная. Открытіе ее для меня было сдѣлано потомъ въ маѣ 1834 года, и не самимъ мною, а моими крѣпостными костромскими оброчниками. Я хотѣлъ разсказать этотъ весьма интересный эпизодъ въ одной изъ будущихъ книгъ «Воспоминаній», но Богъ вѣсть, доживу ли я до тѣхъ поръ, и потому дѣлаю это теперь же.

---

*) Эти стихи, еще въ дѣтствѣ, вычиталъ и затвердилъ я изъ альбома, оставшагося послѣ моей матери, только что научившись читать. И съ какимъ же чувствомъ я, восьмилѣтній мальчикъ, декламировалъ тогда эти строфы и чуть не плакалъ.

Вскорѣ послѣ отказа моего — сдѣлаться *преуспѣвающимъ чиновникомъ*, — помните, читатель?—и недѣли за двѣ до отъѣзда моего изъ Петербурга на родину, однажды утромъ является ко мнѣ одинъ изъ моихъ оброчниковъ и, въ роли моего Колумба, докладываетъ:

— Ваша тетенька Марья Павловна приказали вамъ кланяться и очень просятъ васъ пожаловать къ ней завтра утромъ на Захарьевскую улицу.

— Какая тетенька?—спросилъ я съ изумленіемъ.

— Да княгиня Марья Павловна Волконская, ваша тетенька.

«Тетенька Марья Павловна, да еще и княгиня! Господи! Да за что же на меня такая напасть, такое сіятельное нашествіе?—И откуда взялась такая тетушка»? Не сказалъ, а подумалъ я и ничего не отвѣчалъ моему Колумбу. На другое утро тотъ же визитъ, но со словеснымъдо полненіемъ:

— Княгиня Марья Павловна и самъ князь Николай Петровичъ (мой круглый тезка) очепно просятъ васъ пожаловать къ нимъ. — Но я продолжаю faire la sourde oreille. На третье утро новый визитъ моего Колумба и съ новымъ дополненіемъ:

— И княгиня, ваша тетенька, и князь, и три княжны, ваши сестрицы, и оба молодыхъ князя, очепно, очепно просятъ васъ пожаловать къ нимъ.—Ничего не подѣлаешь. Послѣ третьяго и такого рѣшительнаго приступа, крѣпость должна была сдаться. Напяливаю на себя фракъ, взбиваю огромнѣйшій кокъ и, въ величайшемъ волненіи, отправляюсь на Захарьевскую. Ахъ! отчего не уѣхалъ я отсюда недѣлею ранѣе? думалось мнѣ. Вотъ я и у двери, на которой сіяетъ мѣдная досчечка, а на ней сіяетъ: *Князь Николай Петровичъ Волконскій*. Съ замираніемъ сердца дергаю за ручку колокольчика. «Ну, какъ они *важные?* пропала моя головушка»! подумалъ я въ эту торжественную для моей «букости» минуту. Но вотъ дверь настежь. Вхожу въ переднюю, изъ которой въ полурастворенную дверь въ залъ, усматриваю цѣлую группу сіятельныхъ и сіяющихъ дамъ и мущинъ. Вхожу, пренеловко раскланиваюсь, пребробко расшаркиваюсь, рекомендуюсь и.... менѣе, нежели черезъ часъ, я былъ въ семействѣ какъ свой, какъ сыизмала знакомый и дорогой родной; такъ ласково, такъ радушно, съ такою непритворною радостью встрѣтили меня и тетка, и князь, и молодые князья, и, въ особенности, княгиня и молодыя княжны, мои кузины.

Сорокъ шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Сколько бурь, ураганов пронеслось надъ моей головой и разрушило до тла нѣсколько храмовъ моего счастія, или вѣрнѣе, проблесковъ счастія. Сокрушены всѣ мои надежды, вѣрованія, идеалы, ожиданія и исканія чего-то?.. чего-же?.. чего здѣсь нѣтъ.... Быть можетъ оно Тамъ, куда не замедлю отправиться.

Сокрушили бури и ураганы все... кромѣ энергіи: она всецѣло при мнѣ, такая же, какою была и полвѣка тому назадъ. Многіе мои знакомые утверждаютъ, что будто бы я нисколько не состарѣлся.... сердцемъ и душою, разумѣется, а пожалуй воображеніемъ и умомъ, но не плотію... Можетъ быть. Не мнѣ судить объ этомъ. Знаю навѣрное только одно: надъ всѣми этими воспоминаніями, горькими или сладкими, царитъ въ моей душѣ, преобладаетъ надо всѣмъ остальнымъ одна неизбывная мысль, одно затаенное и *самое горькое* сознаніе, что мои необычайныя терпѣніе и настойчивость, при незнаніи усталости, что моя титаническая, несокрушимая энергія, будь она во время признана и поощрена, могла бы сдвинуть горы, а сдвинула только лексикографическіе холмики, да еще нѣсколько музыкальныхъ кочекъ, т. е. вызвала въ нѣкоторыхъ брюссельскихъ газетахъ самые лестные отзывы о моей игрѣ на гитарѣ.... quelle misère!.. Словомъ: истрачена, пропала почти даромъ моя энергія, потому что, двадцать лѣтъ тому назадъ (сколько могъ бы я сдѣлать хорошаго въ такой длинный періодъ времени!) русская періодическая пресса признала меня ниже всякой посредственности, бездарнымъ, неспособнымъ, негоднымъ ни на что, просто дурнымъ человѣкомъ; и затѣмъ въ этомъ духѣ и смыслѣ продолжались ея отношенія ко мнѣ... Но возвращаюсь за нѣсколько строкъ назадъ.

Итакъ, сорокъ шесть лѣтъ прошло со дня перваго моего свиданія съ семействомъ Волконскихъ, а какъ живо представляется мнѣ эта сцена, воспоминаніе о которой, кажется, помолодило меня, сбросило на мигъ съ моихъ плечъ эти сорокъ шесть лѣтъ и неудержимая слеза благодарности сверкнула въ моихъ потухающихъ глазахъ и тихо скатилась по моимъ поблеклымъ и щетинистымъ щекамъ; слеза благодарности къ покойной теткѣ и къ покойному князю и тоже къ покойнымъ, молодымъ тогда князьямъ, и къ тремъ живущимъ еще княжнамъ; слеза глубокой благодарности за тѣ минуты чистѣйшаго счастія, которое согрѣло, озарило мою сиротскую жизнь и въ минуту перваго знакомства, и потомъ, по возвращеніи моемъ изъ деревни дяди и по вступленіи вновь на службу, продолжало согрѣвать и озарять меня отъ начала 1836 по апрѣль 1837 г., когда я уѣхалъ въ отпускъ для вступленія въ первый мой бракъ съ Болтиной. Потомъ не пріѣзжалъ я въ Петербургъ до 1840 года, и тогда не засталъ уже въ живыхъ моей безподобной, несравненной тетки. Миръ праху твоему, добрѣйшая, благороднѣйшая и умнѣйшая женщина!

Какіе счастливые дни, и сколько ихъ провелъ я тогда въ этомъ прелестномъ семействѣ, въ продолженіи четырнадцати мѣсяцевъ! Бывало чуть навернется свободное время: ни службы, ни ученья, — я драло изъ

казармъ къ теткѣ на Захарьевскую, днюю тамъ и ночую, провожу иногда два, три дня сряду и болѣе, пока недадутъ мнѣ знать изъ казармъ, что предстоитъ служба или ученье. Старшая княжна, Надина, степенная, серьезная, относилась къ жизни разумно-сдержанно. Меньшая, двѣнадцатилѣтняя Мари,—проектъ будущей ослѣпительной красавицы, проектъ вполнѣ осуществившійся въ сороковыхъ годахъ, но увы! безплодно. Впрочемъ, и всѣ три княжны остались дѣвицами, хотя и съ хорошимъ состояніемъ. Но средняя, Эмили, семнадцатилѣтняя шатинка: что это было за прелестное, поэтическое созданіе! Распрехорошенькая, безъ классической красоты, но выше всякой классической симпатичностью своего очаровательнаго, русско-прекраснаго личика, стройностью своей граціозной фигуры, а главное: умна и остроумна какъ Ривароль или какъ Бомарше; слегка насмѣшлива, но безъ малѣйшей злости, всегда ровная, веселая, живая, находчивая и смѣлая, премило пѣла и была утѣхою, веселіемъ всѣхъ, и своихъ и чужихъ, знакомыхъ. Сколько бывало забавныхъ разсказовъ, острыхъ словъ, передразниваній, смѣху до слезъ, уморительныхъ, импровизированныхъ игръ; и надъ всѣмъ этимъ царила постоянная, свѣтлая, невозмутимая радость, безъ малѣйшей тѣни или облачка. Начну я, бывало, представлять влюбленнаго рыцаря, жестикулирующаго у подошвы высокой башни и порывающагося освободить заключенную тамъ принцессу. Затѣмъ, гитару въ руки и давай распѣвать, на голосъ, извѣстный тогда: «Охъ кутить, такъ кутить», куплеты на танцовальные вечера одного превосходительнаго дома, куплеты, сочиненные всѣми нами en commandite. Вотъ образчикъ:

Эй, честные господа!
Собирайтеся сюда,
Вы послушайте разсказы
Про чудесные проказы.
Что у Ма—ковыхъ балъ,
Словно чортъ съ печи упалъ,
Тамъ нагонъ курьезныхъ лицъ
Изъ деревень и столицъ.

Куплетовъ было много, потому что мы перебрали поочередно почти всѣхъ многочисленныхъ посѣтителей превосходительныхъ вторниковъ, посѣтителей обоего пола, и молодыхъ и старыхъ, въ особенности нѣкоторыхъ офицериковъ, чиновничковъ, съ орденами и безъ «оныхъ», и барышенъ; барынь трогали рѣдко: да ну ихъ!.. Но офицерикамъ, но чиновничкамъ?.. бѣда! доставалось на орѣхи. Но что особенно увеличивало

для меня очарованіе этого дома, такъ это то, что я не встрѣчалъ тамъ никакихъ превосходительныхъ, кромѣ одного, и то весьма рѣдко. Это—Беклемишевъ, шталмейстеръ Двора, женатый на сестрѣ князя. Ктому же это былъ прекраснѣйшій человѣкъ.

О, двадцати четырехлѣтній возрастъ! О молодость! Какъ скоро прошла ты, и куда ушла?.. И уже никогда не повторишься ты, не вернешься и не развеселишь печальныхъ думъ старика — безъ малѣйшей надежды на лучшіе дни, на улыбку судьбы, на сочувствіе толпы, падающей ницъ передъ авторитетами, но презрительно пожимающей плечами при взглядѣ на неавторитеты, хотя бы это были и весьма полезные дѣятели; на ихъ скорби и страданія. О мода! о судьба! И неизмѣнитесь вы никогда къ лучшему, а развѣ только къ худшему... Возвращаюсь къ теткѣ.

Съ какой ангельской добротою, заботливостью и любовью, съ настоящею материнскою нѣжностью ухаживала она за мною, старалась развлечь меня, развозя по вечерамъ и баламъ, чтобы спасти меня отъ самоубійства или отъ сумасшествія, въ концѣ 1836 и въ началѣ 1837 года, въ тѣ страшные дни и часы мрачнаго отчаянія, которые наступили для меня, по полученіи въ ноябрѣ 1836 года отъ моего будущаго тестя Болтина, перваго письма, въ которомъ онъ писалъ: «Дочь моя слишкомъ молода, и потому я не могу согласиться на бракъ ея съ вами». А вѣдь это была моя вторая страстная, безумная, безпредѣльная любовь; любовь, награжденная полнѣйшею взаимностью и затѣмъ полнѣйшимъ счастіемъ, послѣдовавшимъ послѣ втораго письма Болтина, въ апрѣлѣ 1837 года, въ которомъ онъ писалъ мнѣ: «Убѣдившись въ искренней, глубокой любви къ вамъ моей дочери, я даю свое согласіе на бракъ ея съ вами». Даже это письмо получилъ я въ домѣ тетки, гдѣ гостилъ я уже съ недѣлю, числясь больнымъ и ускользнувъ изъ казармъ. Но объ этомъ второмъ моемъ романѣ будетъ подробнѣе послѣ, въ 9-й книгѣ «Воспоминаній».

Въ самомъ дѣлѣ, какой романъ!.. Что я?.. Не одинъ, а нѣсколько, и интереснѣйшихъ романовъ и нѣсколько потрясающихъ драмъ вмѣщаетъ въ себѣ моя жизнь, это порою тихое, благополучное, подъ яснымъ небомъ, а наипаче бурное, со шквалами и штормами плаваніе по житейскому морю, отъ берега несчастнаго рожденія и до берега вѣчнаго успокоенія. Я написалъ шесть романовъ, правда, субъективныхъ, но за то и обруганныхъ или забракованныхъ. А какой нибудь покойный Ал. Дюма съумѣлъ бы выкроить изъ моей жизни, по меньшей мѣрѣ, романовъ двѣнадцать, да еще, не въ счетъ абонемента, нѣсколько драмъ. О многихъ изъ нихъ я поразскажу далѣе много весьма интереснаго.

Извлеченіе изъ: «Мои Семидесятилѣтнія Воспоминанія».

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 15.

Сонъ и пробужденіе *).

Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ.

Рылѣевъ.

Былъ когда то одинъ человѣкъ, который разгадалъ меня и вполнѣ понялъ и оцѣнилъ. Это было давно, безъ года полвѣка тому назадъ. И человѣка этого уже нѣтъ въ живыхъ, но онъ живъ въ моей памяти, въ моемъ сердцѣ. Это былъ прелестный, добрѣйшій, честнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, мой старый товарищъ по Литовскому полку и превосходнѣйшій изъ превосходныхъ начальниковъ, — Владиміръ Петровичъ Желтухинъ. Вѣроятно много есть еще, если не товарищей по службѣ, то воспитанниковъ бывшаго 1-го московскаго кадетскаго корпуса, и еще Пажескаго, которыхъ онъ былъ директоромъ; много воспитанниковъ, которые засвидѣтельствуютъ, что въ моихъ похвалахъ В. П. Желтухину нѣтъ и тѣни преувеличенія.

Было лѣто 1832 года. Литовскій гв. полкъ стоялъ въ Ораніенбаумѣ и за то, что много пострадалъ отъ польскаго возстанія 1830 г., былъ на это лѣто освобожденъ отъ лагеря. Какъ офицеръ роты Его Высочества, я имѣлъ квартиру во дворцѣ Великаго Князя. Желтухинъ тоже. Я и еще человѣкъ пять офицеровъ столовались у него. Имѣлъ онъ прекраснаго повара, а самъ былъ превосходнымъ домовитымъ хозяиномъ. Ѣли мы хорошо и недорого. Мѣсяца два обѣдалъ я у него каждый день. Въ продолженіи этого времени съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ всматривался онъ въ меня, изучалъ меня. Подъ конецъ, послѣ одного обѣда, оставшись на единѣ со мною, за чашкою кофе и съ трубкою въ рукахъ, онъ заговорилъ со мною такъ, и то, чего я не ожидалъ, чего я ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слыхалъ, что... не помню, удивило ли меня, обрадовало или опечалило, но чего, во всякомъ случаѣ, я никогда не забуду.

---

*) Вся эта 4-я книга написана лѣтомъ сего 1881 года.

— Николай Петровичъ, — сказалъ этотъ практическій философъ, моралистъ и наблюдатель. — Два мѣсяца я въ васъ всматривался, щупалъ, анализировалъ, такъ сказать, анатомировалъ васъ, словомъ изучалъ васъ всесторонне, съ любовью, со страстью фанатика медицины и хирургіи. Съ вашимъ дядей Валерьяномъ Макарычемъ мы были искренніе друзья. Да и кто въ полку имъ не былъ, кто не любилъ этого чудака, этого горячку, но добряка и весельчака, какихъ мало, и съ которымъ скука была неизвѣстна. Васъ зналъ я еще отрокомъ и всегда любилъ васъ, какъ роднаго племянника, любимаго мною моего товарища и друга. Но вы были тогда подпрапорщикомъ, я — капитаномъ, общаго между нами ничего и не было. Теперь же вы — подпоручикъ, я — полковникъ, одного съ вами батальона, и живу въ одномъ съ вами дворцѣ. Но вы всегда были для меня загадочнымъ сфинксомъ, разгадать котораго мнѣ страхъ какъ хотѣлось. Для этого завлекъ я васъ на мои обѣды и... о, какъ я радъ этому!.. и я васъ разгадалъ, вполнѣ понялъ и оцѣнилъ. Вотъ видите ли: и полковой командиръ, и всѣ товарищи васъ очень любятъ и уважаютъ за вашъ прямой, открытый и честный характеръ и полнѣйшее безкорыстіе; но они далеко васъ не понимаютъ *). Я же теперь знаю, что вы такое, *на что способны и на что неспособны*. Да врядъ ли и сами то вы это знаете, такъ много въ васъ застѣнчивости, какой то запуганности и *постояннаго недовѣрія къ самому себѣ* и еще чего-то, какъ бы выразиться, *чего-то институтскаго*. Но главное ваше несчастіе, о которомъ остается вамъ глубоко сожалѣть, это — что вы не получили классическаго, университетскаго, ни даже гимназическаго образованія. Получите вы его, о, тогда навѣрное имя ваше могло бы пріобрѣсть громкую извѣстность, вѣроятно и славу. Но и такъ какъ

*) Странная вещь: *полковые мои товарищи далеко меня не понимали.* Понимали они вполнѣ мое сердце, правда. И любили же они меня. Рѣдкая дружеская вечеринка съ пуншемъ или жженкою обходилась безъ меня. Сверхъ прощальнаго обѣда, даннаго мнѣ при отставкѣ цѣлымъ полкомъ, на всякій другой подобный обѣдъ, если я случался тогда въ Петербургѣ, приглашали меня и чествовали наравнѣ съ выбывшимъ товарищемъ. Итакъ, знали коротко мое сердце, но не умственныя способности. Между тѣмъ всѣ въ полку и постоянно величали меня *поэтомъ.* А за что? Стиховъ я не писалъ, кромѣ одного посланія, о которомъ будетъ рѣчь въ 9-й книгѣ. Это не то, что другой мой товарищъ, Языковъ, который потѣшалъ иногда товарищей весьма недурными стихами. Ну, а меня-то за что? А за то: у меня была бездна поэзіи въ чувствахъ, мысляхъ, разговорахъ, т. е. поэзіи въ прозѣ. И на людей, и на вещи, и на жизнь я смотрѣлъ черезъ призму какой-то удивительно поэтической фантазіи.

вы есть, съ вашимъ терпѣніемъ и настойчивостью вы можете много сдѣлать, а можете и ничего не сдѣлать: все это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ случая, отъ минутнаго наитія, да отъ работы, какъ говорятъ французы, par soubressaut, но не отъ правильной работы по программѣ, по плану заранѣе составленному. Вы можете быть и очень счастливы, какъ никто, и очень несчастливы, какъ никто, а скорѣе и то и другое. Объ этомъ позаботятся ваши чрезмѣрныя впечатлительность и чувствительность: вѣдь вы ужаснѣйшій *не тронь-меня*, настоящій порохъ. Но во всякомъ случаѣ, чтобы съ вами ни случилось, *вы никогда, ни на единый мигъ не перестанете быть рыцаремъ высокой честности и чести*. Вы будете безпрестанно и горько разочаровываться и въ людяхъ, и въ вещахъ, *но не озлобитесь, не ожесточитесь и не перестанете быть добрѣйшимъ, сострадательнѣйшимъ человѣкомъ, и часто въ явный себѣ ущербъ и вредъ*. Вы неспособны не только на дурное, злое, на мало-мальски сомнительное дѣло, *но ни на малѣйшее вилянье, на уклоненіе на волосокъ отъ прямаго пути*. Знаете ли кто вы? Вы... но этого я никому не скажу, кромѣ васъ, и то посекрету: не поймутъ... толпа... пожалуй еще и на смѣхъ поднимутъ и меня и васъ. Вы.... *геній добра, правды и честности*, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, вы — *человѣкъ неразгаданный и неразгадываемый*.

Провидѣніе ошиблось: вы или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно явились между людьми, и, увы: *васъ никто и никогда не пойметъ и не оцѣнитъ. Порою вы будете перетолкованы самымъ обиднѣйшимъ образомъ для человѣческихъ ума, проницательности и справедливости*. Итакъ, вы бы должны были *сдѣлаться знаменитымъ человѣкомъ, а будете человѣкомъ малоизвѣстнымъ*. И эта разница между тѣмъ, чѣмъ вы будете и чѣмъ бы должны и могли были быть, будетъ источникомъ великихъ оскорбленій для вашего самолюбія и большихъ для васъ страданій. Въ особенности впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ вашемъ движеніи по дорогѣ жизни, при столкновеніяхъ съ разными людьми и людишками, когда нѣкоторые изъ нихъ, бахвальныхъ, заносчивыхъ и задорныхъ пигмеевъ ума, таланта и особенно доброты и высокой честности; когда эти пигмеи будутъ передъ вами ершиться, приподниматься на цыпочки и надуваться какъ лягушки, задирать кверху свои тусклыя и тупыя жабьи морды и, съ пренебреженіемъ чисто лягушечьимъ, примутся нахально квакать на васъ, гиганта добра и высокой чести и честности... Впрочемъ, вы не унывайте, не падайте духомъ: вы все-таки можете когда нибудь пріобрѣсть извѣстность, и весьма почетную. Это гарантируютъ вамъ ваши любознательность, терпѣніе, на-

стойчивость, сила воли, память и несокрушимая энергія, и... и... вашъ умъ, который рано ли, поздно ли, а все-таки проснется. Еще: вы человѣкъ безстрашный, одинъ изъ тѣхъ, про которыхъ говорятъ—ему жизнь копѣйка... Ну, и *для васъ она тоже копѣйка* (Увы! я послѣ доказалъ это моимъ поединкомъ съ Семеновымъ на ружьяхъ и безъ секундантовъ). А между тѣмъ, кто васъ мало знаетъ, никакъ не приметъ васъ за такого, а скорѣе вы покажетесь ему такимъ смиренникомъ, даже робкимъ, что васъ всякій можетъ обидѣть. И наоборотъ: порою вы можете показаться... неудобоваримымъ, даже свирѣпымъ, тогда какъ вы — воплощенная доброта. Одно у васъ, какъ на ладони, это — ваше сердце, безконечно доброе, что видятъ всѣ васъ знающіе, и *безконечно великое*, чего никто не подозрѣваетъ. Вообще, въ васъ замѣчается какая-то двойственность, сидятъ въ васъ два человѣка, два *я*: одно внѣшнее, которое всѣ видятъ, знаютъ и всѣ знающіе уважаютъ; другое — внутреннее, сокровенное, котораго никто не видитъ, о которомъ никто не знаетъ, а сами вы менѣе, чѣмъ кто либо; словомъ *я* явное, вполнѣ достойное уваженія, и *я* тайное, достойное — сугубо. Еще: вы — превеселый малый, а иногда—страшно хандрите, лица на васъ не бываетъ, но не надолго: это какіе-то неправильные пароксизмы, словно тучки на небѣ: вдругъ набѣгутъ откуда-то, и также скоро разбѣгутся, и вы опять распревеселый товарищъ. Но что никому неизвѣстно, *въ особенности вамъ самимъ*, такъ это — вашъ свѣтлый, глубокій, острый, жгучій умъ. Но этотъ *умъ у васъ подъ спудомъ*, сидитъ онъ, бѣдняжка, спрятавшись гдѣ-то, въ темномъ, тѣсномъ, холодномъ чуланчикѣ человѣческаго духа; сидитъ съежившись и дрожа отъ холода и отъ какого-то страха. Я сказалъ выше, что много страданій должно выпасть на вашу долю. Да, очень тяжелъ и труденъ будетъ вашъ жизненный путь: такъ всегда было, есть и будетъ для *неразгаданныхъ* людей. Знаете ли кто еще можетъ разгадать васъ, какъ разгадалъ я? Это — женщина, но только чрезвычайно умная и чрезвычайно добрая, словомъ: необыкновенная; а гдѣ жъ вы найдете такую? Но если бы такая нашлась и узнала бы васъ, какъ знаю я, она должна страстно, безумно полюбить васъ; другаго исхода, при близкомъ съ вами знакомствѣ, для женщины необыкновенной нѣтъ и быть не можетъ, потому что и вы сами — человѣкъ далеко выходящій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, тѣмъ болѣе, что, въ довершеніе всего, вы — натура необыкновенно пылкая, страстная, огненная и *сильная*, всецѣло сохранившая юношескую крѣпость; а такія едва ли найдутся среди теперешней молодежи, вялой, истасканной, изношенной и до времени одряхлѣвшей. Вѣдь вы чуть ли

не институтская цѣломудренность. Для умной и пылкой женщины такой мужчина, какъ вы, неоцѣненный кладъ... И знаете ли что? Такая женщина уже нашлась. Угадайте... Но секретъ... Впрочемъ, вамъ не нужно объ этомъ напоминать: вы — образецъ скромности, никогда не выдадите чужой не только тайны, но и полутайны. Итакъ, знайте: эта женщина — ближайшая ваша сосѣдка, изъ двери въ дверь. Это — Парасковья Сергѣевна Тинькова, жена вашего ротнаго командира. Но я долженъ оговориться: она вполнѣ разгадала, поняла и оцѣнила васъ по достоинству, склонилась въ своей гордой для пошляковъ душѣ передъ вашимъ нравственнымъ превосходствомъ, удивляется вамъ, глубоко уважаетъ васъ. И *если она не полюбила васъ страстно, безумно*, то это потому только, что у нее есть мужъ и дѣти, которыхъ она обожаетъ. Не разъ разговаривали мы съ нею объ васъ. И она, и я уже давно начали понимать васъ и полюбили всѣмъ сердцемъ. Да и невозможно не полюбить васъ за безконечную доброту вашего сердца, этого сокровища любви, преданности, самоотверженія. Вѣдь я знаю, какіе вы. Вы.... готовы отдать голодному кусокъ хлѣба, а сами будете голодать; снимите съ себя рубашку, чтобы прикрыть наготу бѣдняка и страдальца и остаться самому голымъ; вы готовы отдать все, попроси только васъ объ этомъ хорошенько. Вѣдь посмотрите-ко: вы безпрестанно, то дежурите, то въ караулъ идете за другихъ, за товарищей, за которыхъ вы готовы дать себя повѣсить, даже высѣчь. Все это прекрасно, но на все есть мѣра; а въ дѣлѣ добра у васъ — никакой. И, попомните мои слова: *много горя, потерь, страданій принесетъ вамъ впослѣдствіи безшабашная, если можно такъ выразиться, ваша доброта, которую страшно будутъ эксплоатировать* (О, какой пророкъ былъ этотъ Владиміръ Петровичъ). Вы вѣдь хорошо знаете Парасковью Сергѣевну и вѣроятно слыхали кое-что о ея бурномъ, романическомъ прошломъ? Это — одна изъ умнѣйшихъ и благороднѣйшихъ женщинъ обѣихъ нашихъ столицъ и, въ свое время, была первою красавицею въ Москвѣ, гдѣ даже были написаны объ ней стихи, подъ заглавіемъ *Тверской бульваръ*.

«Вотъ Параша Трубецкая
Сломя голову бѣжитъ».
За ней дѣдушка, хромая,
Задыхаяся спѣшитъ.
Вѣтеръ ли въ нее повѣетъ,
Онъ отъ вѣтра защититъ;
Солнышко ль ее пригрѣетъ,
И отъ солнца охранитъ.

Итакъ далѣе, довольно длинные и очень гладкіе стихи въ юмористическомъ тонѣ. И что-жъ? Эту молодую княжну, красавицу и умницу, выдали насильно за какого-то дряблаго старикашка губернатора, тогда какъ она страстно любила молодаго Тинькова, тоже красавца и умника, да еще и двоюроднаго брата уже знаменитаго тогда Грибоѣдова *). Разумѣется, черезъ какой нибудь годъ, а кажется и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого закланія жертвы, Тиньковъ, офицеръ Московскаго гв. полка, сперва вышелъ въ отставку, затѣмъ укралъ у мужа свою возлюбленную и, бѣжавъ съ нею отъ его погони, пріѣхалъ въ Варшаву и укрылся подъ крылышкомъ Цесаревича, который любилъ и всегда былъ горой за такіе смѣлые пассажи, какъ похищеніе молодой жены у стараго, нелюбимаго мужа, и принялъ Тинькова въ Литовскій полкъ. Вѣдь онъ только недавно, по смерти мужа, могъ освятить церковью свой союзъ съ Пар. Сергѣевной.

Итакъ, добрѣйшій Николай Петровичъ! Разгадывая васъ, что меня особенно поражало и что хотѣлось мнѣ разъяснить во что бы то ни стало, это—феноменъ вашей замкнутости, вашей запуганности; страхъ какъ хотѣлось узнать причины этого феномена. И, судя по тому, на что я насмотрѣлся и чему научился изъ опыта, изъ жизни, изъ моихъ наблюденій, я предполагаю *какую нибудь семейную причину, какой нибудь печальный фактъ изъ вашего дѣтства, быть можетъ нелюбовъ къ вамъ кого либо изъ вашихъ близкихъ родныхъ: дяди, тетки, отца или матери.*

Едва услышалъ я послѣднія слова Желтухина, какъ вдругъ помертвѣлъ, меня обдало могильнымъ холодомъ, въ глазахъ заискрилось; потомъ бросило меня въ жаръ и ознобъ, въ груди сперлось и что-то жгучее подступало къ горлу. Я страшно поблѣднѣлъ, мгновенно опустилъ

---

*) Когда дѣло коснулось Тинькова и Грибоѣдова, не могу удержаться, чтобы не разсказать одинъ печально-забавный случай изъ жизни этихъ кузеновъ. Грибоѣдовъ подарилъ Тинькову рукопись «Горе отъ ума», писанную своею рукою. Разумѣется, эта рукопись хранилась какъ святыня. Вообразите же ужасъ Тинькова, когда, пріѣхавъ откуда-то въ началѣ зимы въ свою калужскую деревню, онъ увидѣлъ, что рукопись его дв. брата пошла на оклейку оконъ. Это было дѣло экономной не по разуму экономки: статное ли дѣло тратить на оклейку чистую бумагу; вѣдь она стоитъ денегъ. Ну, а рукописи-то ничего не стоятъ, на это онѣ и существуютъ. Тиньковъ досталъ потомъ другую рукопись, но только написанную уже не рукою Грибоѣдова: вся святость, весь ореолъ рукописи погибъ безвозвратно. Съ этой послѣдней, впрочемъ весьма вѣрной, списалъ и я мой манускриптъ.

голову на руки, закрылъ себѣ лицо и разразился страшными, раздирающими душу рыданіями и воплями:

— Владиміръ Петровичъ! Владиміръ Петровичъ! Что вы сдѣлали? Какія болѣзненныя, глубокія раны разбередили вы въ моей душѣ, и такъ безжалостно!... Какой тайны прикоснулись вы, и такъ неосторожно! Тайны, которую пряталъ я ото всѣхъ, отъ друзей; таилъ отъ родныхъ дѣтей, отъ самого себя, хотѣлъ взять и похоронить ее съ собой въ могилу. Даже и Тамъ, у подножія Всевышняго не выдалъ бы ее, скрылъ бы ее и отъ самого Творца вселенной, лишь бы не оскорбить моей честной, умной, доброй матери, которая.... которая не-на-ви-дѣ-ла меня, и даже не за-хо-тѣ-ла ме-ня бла-го-сло-вить на своемъ смертномъ ложѣ, меня пя-ти-лѣт-ня-го и ни въ чемъ неповиннаго мла-ден-ца!... О, Боже правый! Когда же выплачу я это горе?... Когда же примирюсь съ нимъ?... Никогда.

И я продолжалъ рыдать неумолкно, и слезы потокомъ лились изъ моихъ глазъ; лились, но не заливали моего горя, не заглушали моихъ страданій, жгучей боли въ груди. Желтухинъ испугался, поспѣшно подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за обѣ руки и глубоко растроганнымъ голосомъ любящаго, нѣжнаго отца, голосомъ сильно взволнованнымъ заговорилъ:

— Простите, простите меня великодушно! Я не могъ ни предвидѣть, ни предчувствовать всю безотрадность вашего дѣтства. Еще разъ простите меня за тѣ страданія, которыя невольно заставилъ я васъ испытывать въ настоящія минуты.

Настало глубокое и продолжительное молчаніе. Надо было собраться съ духомъ и мыслями. Наконецъ Желтухинъ снова заговорилъ:

— Если я невольно, непредвидѣнно открылъ печальную и страшную для васъ тайну, а для меня священную; если такъ жестоко разбередилъ душевныя раны почтительнаго сына, то вотъ вамъ мое честное слово, моя клятва: ни единая душа ни слова не узнаетъ изъ вашей тайны — она умретъ со мною.

— Вѣрю, и благодарю.

Сорокъ девять лѣтъ, безъ-мала полустолѣтіе, пролетѣло надъ моей головою послѣ этого потрясающаго и достопамятнаго для меня разговора; а припоминая и записывая его, меня, какъ и въ то время, душатъ слезы, и глухія рыданія вырываются по временамъ изъ разбитой, измученной груди. И что же? Черезъ сорокъ девять лѣтъ я самъ выдаю эту тайну, и не одному благороднѣйшему и гуманнѣйшему человѣку, а цѣлому свѣту, холодному, безчувственному, скептическому свѣту, гораздо

болѣе склонному шикать, нежели пожалѣть, или одобрять и поощрять, въ особенности — не авторитета.... Прости же меня за эту профанацію священная, дорогая тѣнь матери! Слишкомъ мучительны были мои страданія, и обиды, нанесенныя мнѣ нѣкоторыми моими согражданами, осмѣявшими, оплевавшими, оклеветавшими меня, поставивши меня ниже самыхъ ничтожныхъ, бездарныхъ выскочекъ и прихвостневъ пера и слова, наравнѣ съ нехорошими, дурными людьми. Двадцать лѣтъ слишкомъ жестоко страдало и было унижено во мнѣ все: и гражданинъ, и семьянинъ, и писатель, и артистъ-меломанъ; унижено даже самое человѣческое достоинство. И подъ конецъ у меня уже не хватило силъ терпѣть долѣе и, въ особенности, сойти въ могилу неоправданнымъ, неочищеннымъ.... Жду этого оправданія: проявится ли оно тѣмъ или инымъ образомъ? Какимъ нибудь чудомъ? Вѣдь это — тяжба въ послѣдней инстанціи.... Если же нѣтъ, если никто и ничто не шелохнется, то пусть могила и забвеніе примутъ меня поскорѣе въ свои холодныя, но успокоительныя объятія.

Когда и Желтухинъ, и я успокоились, первый заговорилъ:

— Поспѣшу заключить сегодняшній разговоръ, который навсегда останется въ моей памяти. Знаете ли на кого вы походите и весьма походите и характеромъ, и складкою ума, и привычками, и чувствами и, быть можетъ, будете походить и многими событіями вашей будущей жизни. Вы походите на.... Ж. Ж. Руссо; да, на него. Вотъ что я приготовилъ для васъ, прочтите, вдумайтесь въ прочитанное и сравните. Это—*Исповѣдь Руссо*. Читайте, не спѣша; а когда прочтете да пораздумаете, то приходите побесѣдовать со мною.—Затѣмъ Желтухинъ ласково протянулъ мнѣ руку, съ чувствомъ пожалъ мою, и мы разстались.

Читалъ я и перечитывалъ эту дивную книгу, и зачитывался. Приводили меня въ восторгъ, доставляли мнѣ высокое наслажденіе многія страницы своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и обиліемъ глубокихъ, остроумныхъ мыслей и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. А что за откровенность, какая честность въ признаніяхъ, безъ малѣйшей тѣни афектаціи или желанія порисоваться. Я пережилъ и перечувствовалъ вмѣстѣ съ Руссо всю его жизнь. Желтухинъ былъ правъ. Бездну чего-то роднаго, своего находилъ я въ признаніяхъ женевскаго философа. Росъ онъ безъ родительскаго надзора, я—тоже. Онъ укралъ потомъ какую-то ленточку, я—воровалъ сахаръ у бабушки. Его смолоду считали недалекимъ, ни къ чему неспособнымъ, меня — тоже. Послѣдующія событія моей жизни представляли еще болѣе сходства моей судьбы съ судьбою Руссо.

Имя его стало извѣстно только тогда, когда было ему уже подъ сорокъ лѣтъ, и вслѣдствіе написанія имъ диссертаціи на заданный Дижонской Академіей тезисъ: «Развращенію, или очищенію нравовъ способствовали успѣхи наукъ и искусствъ?» Мое имя стало извѣстно черезъ «Задушевную Исповѣдь», когда мнѣ было подъ пятьдесятъ лѣтъ, а потомъ черезъ мой первый словарь, когда мнѣ было уже далеко за пятьдесятъ. Руссо написалъ «Моя Исповѣдь» гораздо ранѣе «Эмиля», за котораго вытерпѣлъ жестокое гоненіе, я—тоже за мою «Задушевную Исповѣдь». Также какъ и Руссо не терпѣлъ я подарковъ, страшно боялся быть кому либо въ тягость и изъ за этой мнительности, часто убѣгалъ на долго изъ домовъ, гдѣ многое меня интересовало. Какъ и Руссо, переписывавшій ноты ради куска хлѣба, лишь бы никому не одолжаться, такъ и я готовъ былъ сидѣть на пищѣ Св. Антонія, лишь бы не просить ни у кого денегъ взаймы. Но только ужъ никакъ не разыгралъ бы я такой глупой роли, какую разыгралъ почтенный секретарь французскаго посольства въ Венеціи, въ какихъ-то пышныхъ апартаментахъ, съ какою-то таинственной и дивной красавицей, которая бросалась въ его объятія. А онъ, чудакъ изъ чудаковъ, вмѣсто того, чтобы поймать на лету падающее ему съ неба блаженство и упиваться имъ до опьяненія, принялся отыскивать и указывать ласкавшейся къ нему молодой красавицѣ какой-то недостатокъ на ѣя роскошномъ бюстѣ. А за такую чудовищную выходку, вмѣсто блаженства, таинственная красавица съ негодованіемъ оттолкнула его отъ себя, сказавъ: «Laschia la donna è studia la matematica». (Оставь дѣвицу и изучай *математику*). Хотя вы и глубокій мыслитель, многоуважаемый Яковъ Яковлевичъ, но, прошу извинить меня за откровенность, вы все-таки въ «эвтомъ» разѣ поступили какъ колпакъ, да еще нѣмецкій, а не французскій или итальянскій. Вѣдь и «коню даровому въ зубы не смотрятъ», многоуважаемый Яковъ Яковлевичъ! А это была восьмнадцатилѣтняя итальянка дивной красоты, беззавѣтно вамъ отдававшаяся... Колпакъ вы, Яковъ Яковлевичъ, какъ есть колпакъ. Жаль, что долговязый Иванъ или Яковъ, не помню, котораго обморочили вы, выдавъ себя за графскаго сынка; жаль, что онъ не поучилъ васъ маленько практическому уму-разуму на дворѣ того дома въ Туринѣ, гдѣ вамъ вздумалось устроить, въ собачьей канурѣ, натуральную выставку извѣстной части тѣла передъ публикой изъ молоденькихъ и хорошенькихъ прачекъ, въ чаяніи излюбленнаго вами пошлепанья ручкой хорошенькой женщины, но не усатымъ Иваномъ. Ну, и въ этомъ я не походилъ на Як. Яковлевича: никогда не добивался шлепанья меня по... извѣстной, хотя бы ручкою распрекрасавицы.

Огненные поцѣлуи, это другая статья: сколько угодно. Наконецъ, самая поразительная черта сходства нашихъ судебъ: послѣ короткаго знакомства съ образованнѣйшими женщинами, Руссо сошелся съ Терезой, я — съ Ольгой. Но только первая была глупа, скупа и сварлива; вторая — чрезвычайно умна (но только умомъ природнымъ), щедра, честна и безкорыстна, и была очень красива.... Но довольно.

Если я разсказалъ мой разговоръ съ Желтухинымъ, съ его пророческими словами, такъ это для помѣщенія въ одну рамку полной картины моего характера и моей судьбы. Заключу: кромѣ Желтухина и, если ему вѣрить,—а не вѣрить ему невозможно,—Тиньковой, потомъ моей первой жены, да Софи Гемаръ; кромѣ трехъ женщинъ и одного мужчины, никто меня не разгадывалъ вполнѣ, никто не понималъ вѣрно и не оцѣнивалъ справедливо. Для всѣхъ моихъ родныхъ, даже самыхъ близкихъ, *не исключая и собственныхъ родныхъ дѣтей*; для всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ, для всѣхъ, рѣшительно для всѣхъ я былъ сфинксомъ или полусфинксомъ, книгою непрочитанною, а часто и неразрѣзанною. Быть можетъ по напечатаніи этихъ «Воспоминаній», я, хоть для половины читателей, перестану быть сфинксомъ, неразрѣзанной книгой, и, что для меня гораздо важнѣе, перестану быть бездарнымъ писакой, да еще и дурнымъ человѣкомъ. Для половины прочитавшихъ «Воспоминанія» сказалъ я. И это уже очень много, потому что всегда бываетъ такъ: если книга, по идеѣ и по языку, хоть нѣсколько выше какихъ нибудь обиходныхъ разсказовъ о томъ, какъ кто-то обозвалъ кого-то, и какъ такую-то обсчитали на два двугривенныхъ тамъ-то, то поймутъ ее, какъ слѣдуетъ, далеко не всѣ ее прочитавшіе. Не спорю: обсчитаніе на два двугривенныхъ — вопросъ важный, міровой; но и швыряніе-то камнями и грязью въ человѣка честнаго и неглупаго (да и то съ позволенія гг. редакторовъ, а безъ этого не смѣть); швыряніе въ продолженіи трехъ лѣтъ, и потомъ похѣриваніе его въ продолженіи двадцати лѣтъ, это тоже — вопросъ не совсѣмъ заурядный, дѣло не совсѣмъ плевое. Какъ вы изволите объ этомъ думать, гг. редакторы и публицисты?

Но что это?... Кажется я словно проснулся?... Въ самомъ дѣлѣ проснулся. Но кто же разбудилъ меня? Разбудили меня замогильные, но задушевные, сочувственные мнѣ звуки голоса умнаго человѣка, практическаго философа и моралиста, человѣка чести, честности, правды и добра, отдавшаго болѣе шестидесяти лѣтъ изъ своей безупречной жизни на служеніе грудью отчизнѣ въ рядахъ ея защитниковъ, и потомъ на служеніе головою на поприщѣ образованія будущихъ ея защитниковъ. Итакъ я спалъ въ про-

долженіи семидесяти двухъ лѣтъ. Какой долгій и тревожный сонъ! Какія разнообразныя сновидѣнія! то веселыя, то мрачныя; то улыбающіяся, то грозныя, съ поднятымъ на меня револьверомъ!... И наконецъ проснулся.... Но зачѣмъ?.. Для чего?... Чтобы взглянуть, какъ прекрасны небеса надъ головою! Какъ весело мерцаютъ на нихъ звѣзды! Какъ задумчиво смотритъ серебряная луна! Какъ ослѣпительно блещетъ золотое солнышко! Чтобы увидѣть всю эту прелесть мірозданія, увидѣть на единый мигъ и сейчасъ же заснуть сномъ вѣчнымъ.... Лучше бы вовсе не просыпаться, не бередить зажившія, но не безслѣдно, раны и не приходить въ ужасъ и отчаяніе отъ сравненія *настоящаго съ прошедшимъ*.... А это что?... А! это слезы, которыми наполняются мои меркнущіе глаза.... А въ груди-то опять что-то забилось, затрепетало, зажглось, душитъ и подступаетъ къ горлу.... А!... Это прозрачныя, но жгучія чернила, которыми пишу я эти строки.... Да, да! «Я былъ между вами и вы не познали меня».... Богъ съ вами!

Извлеченіе изъ: «Мои Семидесятилѣтнія Воспоминанія».

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., 15.

ИЗЪ ХРОНИКИ ЛЮБОВЕЙ.

† Елена и † Елизавета Карловна.

Наступилъ ноябрь 1845 года. Я въ Петербургѣ, стою въ огромномъ домѣ Шольца на Обуховскомъ проспектѣ. Мой шуринъ Болтинъ занималъ въ 3-мъ этажѣ того дома большую квартиру, выходившую окнами на улицу. Я живу въ томъ же этажѣ въ двухъ комнатахъ, выходящихъ на дворъ. Дочь моя воспитывается у дяди Болтина съ его прелестными дочерьми-двойняжками (старшая изъ нихъ вышла потомъ за Салтыкова, Щедрина тожъ). Живу я въ Петербургѣ, по капризу моего псевдодруга, безъ всякаго дѣла, просто шалберничаю: играю на гитарѣ, на скрипкѣ, на которой беру уроки у Бема; ѣзжу въ концерты, въ итальянскую оперу и въ другіе театры. Обѣдаю большею частію у Болтина. Если не скука, то хандра заѣдаетъ меня т. е. мое сердце, которое томится и жаждетъ.... жаждетъ чего-то, новыхъ ощущеній, изліяній, если не страстной любви, то хоть ея подобія, но только съ горячими поцѣлуями, непремѣнно съ горячими. Горячіе поцѣлуи, это было «sine qua non» кодекса моего сердца.

Вскорѣ по водвореніи моемъ въ домѣ Шольца, встрѣчаю я разъ на лѣстницѣ прехорошенькую миніатюрную дѣвочку. Мы переглянулись и.... улыбнулись, но не сердито, а добродушно. На другой день опять встрѣча, съ улыбками болѣе добродушными. При третьей встрѣчѣ мы уже раскланялись, заговорили и познакомились. Новая моя знакомка называлась Еленою, имѣла 17 лѣтъ и была камеристкою у полковницы Елизаветы Карловны Н—ль, которая жила по одной со мною лѣстницѣ и на одной площадкѣ, прямо противъ моей квартиры. Такимъ образомъ познакомился и подружился я съ хорошенькою Еленою, которую особенно плѣняла моя гитара и мое пѣніе. Проходитъ болѣе мѣсяца, въ продолженіи котораго я отчасти примирился съ своею судьбою. А между тѣмъ нѣсколько разъ встрѣчался я на лѣстницѣ съ какою-то дамою, высокаго и стройнаго роста, но подъ густою вуалью, и нисколько не интересовался этими встрѣчами. Но вотъ однажды встрѣчаю ее безъ вуаля.... Боже!... Красавица, какъ есть писаная красавица и, съ тѣмъ вмѣстѣ, belle femme съ роскошнѣйшими формами.... Чортъ возьми!...

Непозволительно хороша, голова кружилась, закружилась.... Сильно запахло угаромъ любви.

— Не знаешь ли, кто эта высокая дама, съ прекрасными голубыми глазами, которую я сейчасъ встрѣтилъ на лѣстницѣ? — спрашиваю у Елены, которая оказалась преумною и, съ тѣмъ вмѣстѣ, пренаивною, превеселою, предоброю и чрезвычайно безкорыстною дѣвочкою.

— Да это и есть самая Лизавета Карловна, моя госпожа, — весело отвѣчала милая крошка.

— Да что: живетъ она съ мужемъ, или одна?

— Нѣтъ, врозь съ мужемъ. А живетъ она съ дочкой, да съ Александромъ П. Гл—вымъ.

— Какъ это съ Гл—вымъ.

— То-есть живетъ-то она одна, съ дочкой, а господинъ Гл—въ только даетъ ей деньги на квартиру и на все прочее. Онъ служитъ у гр. Клейнмихеля и почти всякій день, отправляясь на службу, заходитъ къ моей барынѣ, пьетъ съ ней кофе. Потомъ, идя со службы домой, опять заходитъ къ ней и обѣдаетъ съ нею вмѣстѣ. Вмѣстѣ ѣздятъ они и въ театръ, и на гулянье, всего чаще на тройкахъ, за городъ, на какіе-то тамъ «пики да ники».

— Такъ вотъ что такое твоя барыня! Значитъ.... А бываетъ у нее ще кто нибудь?

— Изъ мужчинъ никого. Александръ П. очень ревнивъ. А изъ дамъ бываютъ многія, и всего чаще кузина барыни — Надежда Николаевна М—ва, да ея мать мадамъ Д—съ. Барыня-то моя вѣдь такая скромная, тихая, добрая, нельзя не похвалить и не полюбить ее. Но за то матушка-то у нее, охъ какая бѣдовая барыня! И еще какая молодая, красивая! Никто не скажетъ, увидавъ ее и мою барыню вмѣстѣ, что это мать и дочь, а подумаетъ, что двѣ сестры. Ну да ужъ и бой-барыня. Какъ часто слышу я, что она говоритъ моей барынѣ: «Это ни на что не похоже, Лиза! Это просто мове-жанръ—имѣть одного любовника. У меня рѣдко бываетъ менѣе трехъ, а большею частію четыре или пять въ одно и то же время. Одинъ любовникъ!... Фи!... Какъ это пошло, пахнетъ мѣщанствомъ.

Вотъ такъ мамаша! Прелесть, чудо нравственности и высокой женской добродѣтели! Живи и умри она теперь, такъ всѣ нынѣшнія самки-прогрессистки-нигилистки вкупѣ съ самцами-нигилистами сейчасъ же открыли бы подписку на сооруженіе великолѣпнаго памятника для увѣковѣченія такой высокой женской добродѣтели. Но только Монтіоновскую премію за добродѣтель мадамъ Д—съ врядъ ли бы присудила француз-

ская академія. Сказано — отсталые. Давно уже извѣстно и вѣдомо всѣмъ нигилистамъ и нигилисткамъ, рѣшительно всѣмъ, кромѣ умныхъ и честныхъ людей, что и французы, и англичане, и всѣ западные народы на цѣлыя два столѣтія отстали въ прогрессѣ отъ «всерассейскихъ» нигилистовъ и нигилистокъ, этихъ подпольныхъ пророковъ и проповѣдниковъ всеразрушенія, всеограбленія, всесожженія, всеразвращенія, всерастлѣнія, всеубиванія, всеоскотинѣнія и всеодичанія, до ползанія на четвереньках. Въ этомъ послѣднемъ состоятъ высшіе идеалы нигилизма. Вѣроятно благодарное и ползающее потомство выдастъ имъ, нигилистамъ, грамоту на спеціальное дворянство съ гербомъ, раздѣленнымъ на 4 поля. Въ 1-мъ—кинжалъ, во 2-мъ—револьверъ, въ 3-мъ—разрывная бомба, въ 4-мъ — висѣлица... Теперь оговорюсь: *Самка* и *самецъ* выраженія не мои: я слишкомъ вѣжливъ, чтобы, говоря даже о нигилистахъ, позволить себѣ такія выраженія. Но они сами себя окрестили такою характерною кличкой, въ порывѣ своихъ звѣрино-прогрессивныхъ стремленій.

Да не вздумайте вы вломиться въ обиду, милѣйшіе мои самцы и самки, за кличку, вами же самими изобрѣтенную, и только повторенную мною. Да еще, быть можетъ, не по вкусу придется вамъ спеціально-дворянскій гербъ, который поднесетъ вамъ благодарное потомство? Ужъ не претендуете ли вы на лавровый вѣнокъ за свое нигилистическое мужество? Лавровый вѣнокъ вамъ, кинжальщикамъ, револьверщикамъ, динамитчикамъ!.. Висѣлица и вѣчныя анаѳемы и позоръ вамъ, цареубійцы и, съ тѣмъ вмѣстѣ, убійцы разумной свободы, тормозильщики здороваго прогреса!.. Дай только волю вамъ, облыжники и фарисеи либерализма и гуманности, — показали бы вы себя. Во сто кратъ превзошли бы вы въ злодѣйствахъ парижскихъ комунаровъ 1871 года. Тѣ разстрѣляли только нѣсколько заложниковъ, да одного архіепископа, да двухъ генераловъ. Да еще разрушили Вандомскую колонну и домъ Тьера, отстроенный потомъ на ихъ же деньги. Да сожгли нѣсколько зданій. Вы же? Вы бы разстрѣляли, перевѣшали, перерѣзали, перетопили, замучили всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, даже простыхъ священниковъ; всѣхъ генераловъ и штабъ и оберъ-офицеровъ, словомъ: всѣхъ служащихъ, отъ министровъ, сенаторовъ и до послѣдняго регистратора; всѣхъ землевладѣльцевъ, домовладѣльцевъ и всякихъ собственниковъ. Вы уничтожили бы всѣ искусства, кромѣ искусства подводить мины и подкопы, смертоносныя, какъ на желѣзныхъ дорогахъ, или воровскіе, какъ подъ херсонскимъ казначействомъ; сожгли или разрушили бы вы общественныя зданія, кромѣ домовъ терпимости; уничтожили бы всякую собственность, кромѣ той, которую удалось бы вамъ награбить

и наворовать во время произведеннаго вами террора, т. е. преждевременнаго свѣтопредставленія. Вы сконфисковали бы въ свою пользу, но прежде загрязнивъ, растлѣвъ и опозоривъ все, что украшало, услаждало облегчало и утѣшало жизнь людей. Словомъ: вы не оставили бы камня на камнѣ зданія современной цивилизаціи, не оставили бы въ живыхъ ни единаго существа, которое было бы хотя нѣсколько умнѣе, добрѣе и честнѣе васъ, и не захотѣло бы ползти за вами на четвереинькахъ къ корытамъ жранья, или къ логовищамъ общимъ для вашихъ самцовъ и самокъ, каковыя логовища вѣроятно будутъ носить пышное названіе «Pêle-mêle». Вотъ ваша «desiderata», вѣнецъ зданія, которое желается вамъ воздвигнуть на развалинахъ цивилизаціи, созданной тысячелѣтнею работою геніевъ и друзей человѣчества, и оплаченною потоками крови и неисчислимыми страданіями того же человѣчества... Теперь сорваны маски съ васъ, лжецы и фарисеи. И только однимъ промзглымъ Маниловымъ, да подобнымъ вамъ, но надпольнымъ, но заштукатуренным негодямъ можете вы еще импонировать и казаться спасителями Россіи. Пословица говоритъ: «Утайщикъ тотъ же воръ». Эту пословицу по всей справедливости можно перифразировать такъ: «Кого не возмущаютъ злодѣйства мошенниковъ, воровъ, художниковъ поддѣлокъ и фальши, поджигателей и убійцъ; кто можетъ равнодушно смотрѣть на все это, тотъ самъ точно такой же негодяй и злодѣй, но только не гласный, а тайный мошенникъ и злодѣй въ душѣ, блудливый какъ кошка, трусливый какъ заяцъ, и у котораго хватитъ храбрости лишь на показываніе кукиша въ карманѣ. Что же сказать о тѣхъ, которые восторгаются, умиляются отъ нигилистическихъ гнусностей и злодѣяній?.. А таковые есть и не мало...

Знаете ли что, мои милые подпольники и заштукатуренные надпольники? Некрасивъ былъ Фердинандъ II, неаполитанскій *король-бомба*. Не очень привлекателенъ былъ и Людовикъ Наполеонъ. И врядъ ли кто, даже самый ярый консерваторъ, пожелалъ бы повторенія ихъ царствованій. Но, положа руку на сердце, съ глубокимъ убѣжденіемъ и какъ правдиво-говорящій передъ скорою смертію, я заявляю, что царствованіе ста такихъ Фердинандовъ и Наполеоновъ, было бы далеко, далеко не такъ отвратительно страшно, какъ правленіе вашихъ подпольныхъ человѣко и цареубійцъ. Да, правленіе ста Фердинандовъ и Наполеоновъ было бы несравненно лучше и гуманнѣе, нежели ваше, незаконнорожденные и прокаженные выкидыши худосочной, вѣчно завистливой и вѣчно злобствующей среды, позоръ и несчастіе человѣчества, упрекъ Небу, неистребившему васъ сейчасъ же по нарожденіи, потому что безъ этого, всѣ альмаденскія ртутныя копи не въ силахъ уничтожить такую злую, дурную

болѣзнь человѣчества, какъ вы, чумные и прокаженные нигилисты и нигилистки... Да! Вы — не иное что, какъ постыдная и заразительная болѣзнь, отъ которой еще не найдено достаточно сильныхъ меркуріальныхъ и дезинфекціонныхъ средствъ. Ну и размножаются, словно клопы, нравственные и умственные уроды и калѣки, то безъ носа, то безъ другой какой либо части тѣла, а наипаче безъ капли здраваго смысла. Да еще и хвастаютъ, щеголяютъ своимъ нравственнымъ безобразіемъ и умственнымъ убожествомъ и юродствомъ.

Знайте же, юродивые нигилисты и нигилистки: не револьверы, не динамитъ ведутъ къ прогрессу, къ созиданію. Эти средства, излюбленныя вами, невѣжественными и неумѣлыми строителями, ведутъ къ анархіи, къ кровожадному конвенту, къ терору, къ гильотинѣ и къ потопляющимъ баркамъ съ клапанами. А въ позднѣйшія эпохи привели: къ парижскимъ барикадамъ, на которыхъ убили архіепископа и восемь генераловъ. А еще позднѣе: къ разрушенію и сожженію памятниковъ и зданій Парижа, да къ разстрѣлянію отажей. Затѣмъ: къ вандемьерамъ, къ брюмерамъ, къ Бонапартамъ, смотрѣвшимъ на солдатъ, какъ на мясо для пушекъ. Позднѣе: ко 2-му декабря и снова къ Бонапартамъ, съ кузенами-убійцами (Піеръ), да съ придворными генералами-лакеями, въ родѣ Фальи и Лебефа, умѣвшихъ только сказать: «Les chassepots ont fait merveilles» (шаспо надѣлали чудесъ)», да «Nous sommes archi-prêts» (мы готовы и переготовы), тогда какъ оказалось, что ничто не готово, все разворовано. Наконецъ еще позднѣе: къ разстрѣлянію 20,000 французовъ французами же, и къ ссылкѣ столькихъ же тысячъ въ Каледонію, да къ ретрограднымъ посягательствамъ Макъ-Магона, Брольи et consorts. Въ концѣ концовъ: предшественники юродивыхъ нигилистовъ, санкюлоты, якобинцы и коммунары (которые хоть и отвратительны, но всетаки необъятно умнѣе и честнѣе нашихъ юродивыхъ недоносковъ-выкидышей) приводили не къ прогрессу, не къ созиданію, а къ полнѣйшему регрессу и къ разрушенію. Не динамитъ, а политическій тактъ и умѣнье, не только правительства, но и всего общества, какъ, напримѣръ, въ Англіи; терпѣніе и настойчивость, а съ тѣмъ вмѣстѣ, угадываніе своевременности, созрѣлости вопроса, и не скачки, а мудрая постепенность мѣръ; но, главное, уваженіе къ законамъ и къ чужому мнѣнію — вотъ что ведетъ къ прогрессу и къ сооруженію красиваго, прочнаго, долговѣчнаго зданія. Таковъ непреложный и неизмѣнный законъ и ходъ исторіи. А исторія, и въ особенности философія исторіи, не лжетъ, не подражаетъ вамъ. И не вамъ, худосочные и юродивые нигилисты и нигилистки, измѣнить законы и ходъ всемірной исторіи человѣчества. Вамъ

неизвѣстна непреложная истина, что всякая экзажерація ведетъ къ реакціи, а реакція — къ озлобленію, взрывамъ и возмездіямъ, не легальнымъ, но порою кровавымъ. Затѣмъ: укрощеніе и снова реакція съ возмездіями легальными и тоже кровавыми. Итакъ далѣе, до безконечности.

Теперь спрошу: неужели неизвѣстна вамъ, самцамъ и самкамъ, стереотипная, избитая истина, что революція подобно Сатурну, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей. Вѣдь какъ бы вы ни были прогрессивны, безумны, все таки найдутся другіе, еще безумнѣе васъ. Напримѣръ: сегодня вы потребуете, чтобы у всѣхъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ отняли всю землю и всѣ дома; а завтра другіе, прогрессивнѣе васъ, потребуютъ еще, чтобы отобрать и верхнюю одежду и обувь: могутъ ходить въ одномъ бѣльѣ и безъ сапоговъ. Ну, вы и не годитесь, вы—ретрограды, долой васъ, казнить васъ. Вспомните жирондистовъ, рьяныхъ бордовъ за свободу, которые, изъ переднихъ рядовъ революціи, вдругъ очутились въ заднихъ, и сложили свои головы подъ топоромъ гильотины. А Барнавъ, пылкій и краснорѣчивый поборникъ революціи, который, по поводу убіенія Фулона и Бертье, смѣлъ сказать: «Развѣ пролитая кровь такъ чиста»? А потомъ, послѣ арестованія въ Вареннѣ бѣглаго королевскаго семейства, сказалъ Маріѣ Антуанеттѣ, вслѣдствіе ея вспышки: « Ваше Вел. Вы—королева французовъ, а я представляю здѣсь собраніе, которое управляетъ и вами, и королемъ вашимъ супругомъ. Я душевно желаю, чтобы мнѣ было позволено болѣе не повторять вамъ этого». Такъ вотъ и этому пылкому и рьяному бойцу за свободу отрубили голову, какъ отсталому, какъ измѣннику. И будьте увѣрены, мои милые подпольные самцы и самочки, что при первомъ же взрывѣ вы очутитесь въ заднихъ рядахъ, и васъ, какъ негодную, ненужную мразь, перерѣжутъ и перевѣшаютъ до единаго. Да, перерѣжутъ и перевѣшиваютъ васъ ваши преемники по безумію, но не по худосочію, которые, владѣя членами болѣе здоровыми, сейчасъ же перегонятъ васъ, искалѣченныхъ постыдною болѣзнію русскаго подпольнаго нигилизма... Это вѣрно... Выйдетъ ли, наконецъ, изъ своего дѣтства громадный ребенокъ-балбесъ, называемый человѣчествомъ? Научится ли онъ когда практическому уму-разуму? Выйдетъ ли изъ заколдованнаго круга экзажераціи и реакціи, гдѣ онъ кружится какъ бѣлка въ колесѣ? Это—вопросъ будущаго. Чья же ловкая и благодѣтельная рука приподниметъ таинственную завѣсу этого будущаго, за которою скрываются пути и средства къ разрѣшенію жизненнаго вопроса: выйти изъ заколдованнаго круга и разъ навсегда устранить экзажерацію и реакцію, эти роковые тормазы всякаго преуспѣянія? Не спорю, прогрессъ

существуетъ, человѣчество подвигается впередъ. Но не будь экзажерацій и реакцій, оно бы шло несравненно скорѣе и ушло впередъ, много далѣе, чѣмъ теперь. Какже не проклинать Каракозовыхъ и Соловьевыхъ, со всею предъидущею и послѣдующею шайкою гидрофобовъ-убійцъ и цареубійцъ. Какже не признавать полной законности и неизбѣжности *веревки и висѣлицы*, которыя еще не упразднены даже въ либеральнѣйшихъ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Англіи, и только замѣнены въ другихъ государствахъ гильотиною, или топоромъ, или «позорнымъ ошейникомъ» (garotto vile)?

Гдѣ же ваши громы и перуны, о Богъ христіанъ и боги древней Эллады? Гдѣ же Ювеналъ съ поднятымъ бичемъ на васъ, юродивые нигилисты, враги истинной свободы, тормозящіе прогресъ трупами своихъ согражданъ и даже царей; на васъ и на вашихъ оправдателей и мирвольниковъ, трусливо притаившихся въ разныхъ темныхъ углахъ обширной Россіи, которыхъ и 1-е марта не возмущаетъ, а напротивъ. Повторю: воры и разбойники много честнѣе и благодушнѣе васъ: у нихъ никогда не поднялась бы рука на Того, кто изъ милліоновъ безправныхъ рабовъ сдѣлалъ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, и не бобылей, а собственниковъ, и — хвала и честь ему — опередилъ Англію, отмѣнивъ плети и шпицрутены.

Ergo: нѣтъ болѣе злыхъ и опасныхъ враговъ свободы и прогреса, какъ тѣ, которые, очертя голову и съ пѣною у рта, кстати и некстати, горланятъ о свободѣ и прогресѣ, ничего не принимая въ расчетъ и думая пробить стѣну лбомъ, взять нахрапомъ то, что дается лишь временемъ, выжиданіемъ своевременности и зрѣлости вопросовъ и съ соблюденіемъ постепенности, какъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ совершилось столько коренныхъ законоизмѣненій, улучшеній и преобразованій, безъ всякихъ взрывовъ и потрясеній, кромѣ единственнаго — Кромвелевскаго.

Чтожъ остается дѣлать? «Нещадно, неослабно карать подпольное и надпольное зло», и затѣмъ... смириться и покориться волѣ Провидѣнія, которое не нашимъ, а своимъ циркулемъ размѣриваетъ шаги человѣчества, ведетъ ли оно впередъ, или останавливаетъ, для отдыха, или, время отъ времени, и попячиваетъ, чтобы направить его на настоящій путь, съ котораго совращаетъ его порою злой его геній, т. е. слѣпыя, безумныя страсти, какъ злыхъ, такъ и не злыхъ, но близорукихъ людей....

Не гримасничайте, гг. промозглые Маниловы! Вѣдь всякое злодѣяніе должно возмущать честнаго человѣка. А каково же переживать мученическую смерть добраго Царя-освободителя? Ктому же не по вашимъ спинамъ прогуливается мой сатирическій бичъ. Слишкомъ сильны удары

моего бича, замѣтятъ мнѣ Маниловы. А развѣ менѣе сильны и болѣзненны удары девятихвостой кошки въ Англіи? А вѣдь тѣ преступники, на спины которыхъ сыплются такіе удары, далеко не такъ преступны, какъ наши подпольные негодяи-цареубійцы и ихъ сочувственники. И нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за одну безвредную выходку попугать королеву Викторію незаряженнымъ пистолетомъ, пребольно отодрали въ Лондонѣ ирландскаго мальчишку Оконора. Ну что, если бы попасть вамъ, милые наши реформаторы черезъ разрывныя бомбы, въ Англію, да попробовать тамъ свое удальство, а съ тѣмъ вмѣстѣ попробовать и англійскихъ кошечекъ? Вѣдь это было бы весьма «пользительно» и для васъ, мои милые, и для Россіи. Навѣрное вы бы тогда поумнѣли и поприсмирѣли крошечку... И то ладно, и за это слѣдовало бы поблагодарить англійскую кошечку.

Сознаюсь: я бичую жестоко, т. е. говорю очень рѣзко. Но если для моего оправданія недостаточно горя и траура, которымъ поражена и облеклась вся Россія, то я приведу въ свое оправданіе еще то, что не могу безъ того, чтобы не терзалось и не обливалось кровью мое сердце, подумать о мученической кончинѣ Александра II, который три раза былъ моимъ благодѣтелемъ, а два раза, спасая меня отъ безвыходнаго положенія и отъ отчаянія, спасалъ мнѣ жизнь, о чемъ заявлялъ я уже печатно въ статьѣ *Путешествіе по дебрямъ* (статья эта помѣщена въ *Исторіи созданія моихъ словарей*, прилагаемой при *Воспоминаніяхъ*). И я не перестану благословлять память покойнаго Царя, моего благодѣтеля, и проклинать его гнусныхъ убійцъ.

Возвращусь къ Еленѣ — продолжать прерванный съ нею разговоръ.

— А нельзя ли мнѣ познакомиться съ твоею госпожею? — спросилъ я Елену.

— Отчего жъ, коли вы не боитесь пословицы: « Не было печали, да черти накачали ».

— И ты ничего не имѣешь противъ моего желанія познакомиться съ твоею госпожею - красавицей? Не разсердишься на меня?

— За что же сердиться? — отвѣчала добродушно засмѣявшись милая крошка Елена. — Какое же особое право имѣю я на васъ? Нравлюсь я вамъ и вы мнѣ нравитесь. А нѣтъ, такъ и я нѣтъ. « Насильно милъ не будешь ».

— Успокойся, милая Леночка! Я вѣдь только изъ любопытства хочу познакомиться съ твоей барыней. Мнѣ хочется узнать: умна она или нѣтъ? Ну еще ужасно какъ хочется мнѣ испытать, какъ это, и какую тамъ « печаль накачаютъ на меня господа черти? » До сихъ поръ

я еще не былъ знакомъ съ такою печалью. Надо же наконецъ познакомиться ради курьеза. А ты всегда будешь моимъ другомъ, моимъ добрымъ искреннимъ и преданнымъ другомъ, также какъ и я—твоимъ. Ей Богу! — Милая крошка засмѣялась какъ дитя и безъ малѣйшаго сердца весело сказала:

— Хорошо, хорошо, не божитесь, и такъ вамъ вѣрю. Я ничуть не ревнива. Знакомьтесь хоть сей часъ. Но только дай Богъ, чтобы не пришлось мнѣ послѣ пожалѣть объ васъ. Вѣдь этотъ Гл—въ куда какъ ревнивъ и такой сердитой, просто лютый звѣрь... Противный!... А барыня-то моя душка.

— Ну вотъ потому-то, что она душка, мнѣ и хочется познакомиться съ нею.

Разговоръ этотъ происходилъ дня за два до новаго года. Купилъ я четыре фунта конфектъ у Бале, лучшаго тогда кандитера въ Петербургѣ, уложилъ ихъ въ хорошенькую картонку и написалъ на затѣйливомъ листкѣ атласной бумаги пошлѣйшую записку, а именно: « Прекрасной сосѣдкѣ отъ очарованнаго ею сосѣда, ея почтительнаго поклонника, который, поздравляя ее съ новымъ годомъ, желаетъ, чтобы каждый день, каждый часъ, каждый моментъ ея жизни былъ бы также сладокъ, какъ эти конфекты, которыя онъ осмѣливается поднести ей, умоляя—принять ихъ и простить ему великодушно его смѣлость ».

Положилъ я это письмо въ картонку и поручилъ Еленѣ передать это своей госпожѣ. Минутъ черезъ десять она возвращается ко мнѣ: картонку съ конфектами отослали назадъ, но письмо прочитали и оставили у себя; и прочитали, какъ увѣряла меня Леночка, безъ малѣйшаго гнѣва и даже безъ неудовольствія, а напротивъ. Проходитъ день. Я встрѣчаю на лѣстницѣ прекрасную сосѣдку и не подъ вуалью. Торжественно поклонившись, я попросилъ у нее прощенія за мою продерзость, т. е. за непринятую картонку съ конфектами. Сосѣдка нисколько не сердилась на меня, а напротивъ премило и прелюбезно заговорила со мною, не помню о чемъ, но только о болѣе интересномъ, чѣмъ « о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе ». Напротивъ: мы бесѣдовали о вещахъ, которыя допускались не размышленіемъ, а скорѣе увлеченіемъ. При слѣдующей встрѣчѣ мы уже раскланялись, какъ хорошіе старые знакомые, протянули и кажется пожали другъ другу руку; по крайней мѣрѣ за себя ручаюсь, что пожалъ и прекрѣпко. Третья встрѣча была уже совсѣмъ радостная, а разговоръ гораздо ласковѣе, интимнѣе. Подъ конецъ очаровательная сосѣдка объявила, что она — страстная любительница музыки вообще, а гитары и пѣнія въ особен-

ности, и при этомъ изъявила сильнѣйшее желаніе послушать и моего пѣнія и, въ особенности, моей игры на гитарѣ, о которой она наслышалась такъ много хорошаго, удивительнаго. Разумѣется съ величайшею готовностію поспѣшилъ я исполнить эту просьбу, и предложилъ ей музыкальное утро у себя въ комнатѣ. Предложеніе было принято съ большимъ удовольствіемъ. Музыкальное утро съ музыкальными упражненіями удалось вполнѣ, и чрезвычайно понравилось и слушательницѣ, и еще болѣе самому исполнителю, убѣдившемуся, что его музыкальные таланты оцѣнены по достоинству. Музыкальные сеансы и упражненія повторялись и учащались. Происходили они обыкновенно между часомъ и тремя по полудни, когда г. Гл—въ находился на службѣ. Въ одинъ изъ нихъ случилось слѣдующее: Я запѣлъ, между прочимъ, положенный мною на музыку романсъ о голубыхъ глазахъ. Вотъ 1-й куплетъ:

Тебѣ понятно вдохновенье,
Твой взоръ о небѣ говоритъ,
Прочь гонитъ мрачное сомнѣнье,
И рай зоветъ, и рай сулитъ.

Не удивляйся, что въ лазури
Твоихъ голубенькихъ очей
Топлю я взоръ свой: послѣ бури
Я вижу небо майскихъ дней».

Но едва я кончилъ этотъ куплетъ, какъ полковница встрепенулась и въ сильномъ волненіи спросила меня:

— Какимъ образомъ этотъ романсъ попалъ къ тебѣ и кто положилъ его на музыку?

— Музыку написалъ я, а слова — Меринскій.

— Ипполитъ Меринскій! Развѣ ты знаешь его?

— Это мой ближайшій сосѣдъ по тульскому имѣнію, мой пріятель и отецъ крестный моего сына.

— Такъ ты знакомъ съ Ипполитомъ! Ну, что онъ? здоровъ ли? Какъ поживаетъ, что дѣлаетъ?

— Здоровъ, хозяйничаетъ и.... женился на богатой тульской барышнѣ.

— Такъ вотъ какъ! Ипполитъ женатъ!... отъ души желаю ему счастья... bon enfant, да только ужъ черезчуръ сердечкинъ: не можетъ спокойно смотрѣть ни на одну смазливую юбку; такъ и наровитъ побывать, т. е. поблаженствовать подъ ея башмакомъ... А добрѣйшій и честнѣйшій малый... Начитанъ и очень не глупъ.

Пока моя прекрасная гостья говорила, я вспомнилъ про первое мое знакомство съ Меринскимъ въ 1841 году, когда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ, будучи лейбъ-уланскимъ штабсъ-ротмистромъ и совоспитанникомъ и другомъ Лермонтова. Потомъ черезъ годъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, въ пяти верстахъ отъ меня. Мы сейчасъ же подружились и видались очень часто. И не разъ слышалъ я тогда отъ него о какой-то петербургской полковницѣ, голубоглазой Лизѣ, необыкновенной красавицѣ, которая была его зазнобою, и съ которою онъ разстался вслѣдствіе какой-то раздирательной семейной драмы. И тогда же онъ привезъ мнѣ тетрадь своихъ стихотвореній, изъ которыхъ указалъ на одно, о голубыхъ глазахъ, и просилъ меня положить на музыку, что я тотчасъ же и сдѣлалъ. Потомъ этотъ романсъ, со многими другими моими музыкальными грѣхами, былъ напечатанъ тогда Гольцемъ, содержателемъ извѣстнаго въ то время музыкальнаго магазина въ Большой Морской.

Вотъ какія совпаденія и столкновенія порождаютъ иногда сердечные эпизоды и похожденія. Что до моего эпизода съ очаровательной сосѣдкой, онъ продолжался цѣлый мѣсяцъ довольно мирно и въ высшей степени упоительно. Она восторгалась моей музыкой, я восхищался ея обаятельной красотой, и... былъ невыразимо счастливъ. Не желалъ ничего лучшаго. Но вдругъ набѣжала туча, и прогремѣло надъ нашими головами. Вотъ что и какъ случилось. По обыкновенію м-сьё Александръ зашелъ утромъ къ мадамъ Елизабетъ. Она еще нѣжилась въ постели, вмѣстѣ съ своею любимицею Бишкою. М-сьё Александръ присѣлъ на кровать, а шалунья Бишка вытащила изъ подъ подушки платокъ. Ну это и прошло бы незамѣченнымъ, если бы Елизавета Карловна не сконфузилась, не схватила бы въ испугѣ вытащеннаго платка и не засунула бы его торопливо опять подъ подушку. Этотъ испугъ не могъ не быть замѣченнымъ ревнивымъ донельзя офиціальнымъ обожателемъ. Быстро выдернулъ онъ платокъ изъ подъ подушки, развернулъ его и, разсмотрѣвъ мѣтку Н. М., свирѣпо взглянулъ на красавицу и еще свирѣпѣе спросилъ: — Чей это платокъ? — Но близость опасности страшнѣйшей бури мгновенно вдохновила прелестную грѣшницу: она вполнѣ овладѣла собою и преспокойно сказала:

— Ахъ, Александръ! Какъ ты напугалъ меня! Вѣдь ты знаешь, что вчера провела у меня цѣлый день моя кузина и мой задушевный другъ Надя М—ва. Она забыла у меня свой платокъ, положивъ его подъ подушку, когда легла отдохнуть послѣ утомительныхъ утреннихъ визитовъ и разъѣздовъ.

Находчивость Еввиной правнучки спасла все дѣло, т. е. наши музыкальныя упражненія. Ревнивецъ успокоился: грозныя морщины стали сбѣгать съ его угрюмаго чела; а упоительные поцѣлуи роскошной красавицы окончательно разгладили казенный лобъ клейнмихельскаго чиновника. Небо надъ нашими головами прояснилось послѣ минутной «бури въ стаканѣ воды». Но «бѣда не приходитъ одна», говорятъ и русская, и французская пословицы. Недѣли черезъ двѣ разразилась сильнѣйшая гроза, и тоже утромъ. М-сьё Александръ у своей любушки. И вдругъ ея черноглазая 5-ти-лѣтняя смуглянка-дочь и enfant terrible возьми да и спроси:

— Мамаша! Кто это выходилъ отъ насъ вчера утромъ? — Она спала въ дѣтской, возлѣ прихожей, вставала поздно, но на бѣду проснулась тогда ранѣе обыкновеннаго.

— Какъ кто? Дядя Саша.

— Нѣтъ, не онъ. У дяди Саши нѣтъ усовъ, а тотъ былъ съ усами и ростомъ выше.

Картина и буря уже не въ стаканѣ, а въ большущемъ и глубокомъ омутѣ. И долго бушевала эта чиновничья буря. Того же вечера Елена описала мнѣ то бушеваніе. А на другое утро предъявили мнѣ отъ сосѣдки-красавицы слѣдующій ультиматумъ: «Или м-сьё Николя, или м-сьё Александръ? Другаго выхода не было. Дочь мадамъ Д—съ не раздѣляла ея теоріи о многочисленныхъ поклонникахъ, а сверхъ того и м-сьё Александръ былъ лютѣйшимъ и опаснѣйшимъ звѣремъ для предмета совмѣстныхъ поклонниковъ. На случай принятія мною ультиматума препровождался мнѣ длинный реестръ, т. е. бюджетъ полковницы: «На квартиру и столъ столько-то, на туалетъ столько-то, на выѣзды въ оперу и во всѣ прочіе театры столько-то»; и еще, и еще на массу разныхъ предметовъ, крупныхъ и мелкихъ. А въ итогѣ бюджета стояла весьма почтенная цифра. Пробѣжалъ я длинный реестръ съ громаднымъ итогомъ, тяжело вздохнулъ и.... махнулъ рукою, и сказалъ: «Пусть торжествуетъ м-сьё Александръ, я же спускаю свой флагъ и... ретируюсь».

Съ того дня я уже болѣе не видался съ очаровательной сосѣдкой. А если случалось иногда встрѣчаться съ нею на лѣстницѣ, то она бывала подъ непроницаемой вуалью и мы уже не раскланивались, а расходились, словно никогда не были знакомы другъ съ другомъ.

Чудно-очаровательна, обаятельна, восхитительна, упоительна была Елизавета Карловна; но велики и высоки были обязанности, лежавшія на мнѣ: замѣнить мать двумъ сиротамъ, которыхъ былъ я отцомъ. И это тѣмъ болѣе, что ни настоящее, ни будущее мое нисколько еще не

было обезпечено: надежды, и только однѣ надежды, исполненіе которыхъ зависѣло не отъ личныхъ моихъ качествъ, не отъ бо́льшей или меньшей пользы, которую приносилъ я дѣламъ моею честною и энергическою дѣятельностію; а отъ минутной прихоти, отъ произвола, отъ каприза разжирѣвшаго и самообожавшаго афериста и проходимца. Съ другой стороны, я всегда чтилъ всякій долгъ, а тѣмъ болѣе долгъ отца семейства, и ставилъ этотъ долгъ превыше всѣхъ наслажденій, упоеній и короткихъ знакомствъ съ самыми обаятельными красавицами. И я разорвалъ, растерзалъ свое сердце, облившееся кровью. И не легка была для меня эта жертва. Мрачная, разъѣдающая тоска обуяла меня, впилась, вцѣпилась въ меня какъ коршунъ, словно что-то порвалось въ моей груди, отозвалось нестерпимо-мучительною болью и потомъ заныло, и все ныло и грызло, грызло и ныло день и ночь. Впрочемъ, невещественнаго дня для меня не было, а постоянно кругомъ непроглядная ночь. Все мнѣ опостылѣло: музыка, чтеніе, спектакли, даже посѣщенія мои къ друзьямъ, или друзей ко мнѣ. Но какимъ ангеломъ доброты, незлобія, нѣжности и преданности оказалась милая крошка Елена, дѣлавшая все возможное и невозможное, чтобы, если не утѣшить, то хоть уменьшить, облегчить мои сердечныя страданія! Но все-таки болѣе мѣсяца я не могъ вынести пытки отъ мысли, что въ двухъ шагахъ отъ меня, изъ двери въ дверь живетъ создательница утраченнаго мною земнаго рая, послѣ такого короткаго моего въ немъ пребыванія, и съ такимъ скорымъ изъ него изгнаніемъ. Напросился и настоялъ я тогда на скорѣйшее прекращеніе моего петербургскаго ничего-не-дѣланья, и уѣхалъ изучать пьяныя дѣла, а потомъ и орудовать ими.

Во время жительства моего въ домѣ Шольца случилось у меня столкновеніе съ моими сосѣдями, но съ другой стороны моей квартиры. Тамъ обитали: выгнанный изъ службы пьяный и буйный коллежскій ассесоръ Б — въ, его хорошенькая дочь и экономка-нѣмка. Я былъ невольнымъ слушателемъ бурныхъ ночныхъ сценъ, просто семейнаго разгрома. А наконецъ произошелъ, изъ за моей музыки, рядъ самыхъ комико-драматическихъ сценъ между мною и буйнымъ сосѣдомъ, но сценъ не лицомъ къ лицу, а черезъ общую запертую дверь, такъ что я никогда не видалъ физіономіи пьянаго творца ночныхъ семейныхъ скандаловъ. Все это будетъ разсказано въ 9-й или 10-й книгѣ.

† Опять Аннета Гесслингъ и † юная тетя Софи Шипилова.

Прошло два года послѣ смерти Саши. Я прозябалъ въ Гжатскѣ и орудовалъ пьянымъ царствомъ. А съ тѣмъ вмѣстѣ ужасно скучалъ и хандрилъ. Одинокая жизнь тяготила меня, была мнѣ невыносима. Все вокругъ меня казалось «мерзостью запустѣнія», отъ которой я съ омерзѣніемъ отворачивался. Я старался смотрѣть вдаль, въ будущее, отъ котораго ожидалъ коренной перемѣны въ своемъ печальномъ существованіи; ожидалъ возвращенія свѣта, тепла и опрятности, т. е. нравственныхъ, законныхъ наслажденій. Мое пылкое сердце томилось жаждою любви, душа искала женской привязанности. Я мечталъ о новомъ другѣ, съ которымъ могъ бы никогда не разлучаться, дѣлить горе и радость. Пламенное воображеніе рисовало новый и прекрасный храмъ семейныхъ жизни и счастія. Искалъ я божества для этого храма. А между тѣмъ оглядывался порою назадъ: сколько прелестныхъ и часто дорогихъ головокъ, съ голубыми или черными глазами, ласково смотрѣли на меня изъ моего прошедшаго, казалось, манили меня къ себѣ и еще пуще разжигали мое воображеніе и сердце. И вдругъ, изъ всѣхъ этихъ головокъ, утраченныхъ для меня навѣки, съ которыми уже невозможно было снова встрѣтиться на дорогѣ жизни; вдругъ одна изъ нихъ, дѣтски-восхитительная, ярче всѣхъ отдѣлилась, выступила изъ рамы прошлаго, предстала передъ моимъ воображеніемъ, и совершенно живая смотрѣла на меня, улыбалась мнѣ и словно протягивала мнѣ руку и звала къ себѣ. Это была головка большаго ораніенбаумскаго ребенка, очаровательная головка Аннеты Гесслингъ. «Нашелъ, нашелъ», воскликнулъ я въ порывѣ вдохновенья и восторга. «Вотъ мое божество, вотъ обитательница, повелительница моего храма; вотъ кому буду я молиться и пѣть хваленія и гимны любви»... Я зналъ, что она была еще не замужемъ, еще дѣвичествовала. Ей было тогда 27 лѣтъ, десятью годами менѣе, нежели мнѣ. Самый подходящій возрастъ къ моимъ лѣтамъ. Сказано, сдѣлано. Въ началѣ марта 1847 г. ѣду въ Питеръ. Первый визитъ къ другу, Ал. Ал. Одинцову, за совѣтомъ. Старый товарищъ вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе и сообщилъ мнѣ разныя свѣдѣнія объ Аннетѣ, съ семействомъ которой поддерживалъ старое знакомство. Дѣлаю визитъ ея отцу, Николаю Филипповичу, доктору, извѣстному своею высокою честностію, гуманностію, благодушіемъ и ригоризмомъ правилъ. Онъ жилъ въ Шестилавочной (нынѣ Надеждинская), въ своемъ деревянномъ домѣ. Меня принимаютъ чрезвычайно любезно, радушно, какъ отецъ, такъ и мать съ дочерьми (ихъ было нѣсколько отъ двухъ женъ. Старшая, Александра, была уже давно

замужемъ, за Корниловичемъ, бывшимъ капитаномъ Литовскаго полка). Аннета нисколько не перемѣнилась: точно также была молода и свѣжа, какъ и 11 лѣтъ тому назадъ. Только еще выросла, возмужала, сформировалась и развилась въ роскошнѣйшія формы, при высокомъ, стройномъ и гибкомъ станѣ. Словомъ, вышла одна изъ самыхъ обаятельныхъ и симпатично-очаровательныхъ красавицъ, на которую можно было глядѣть, но досыта никогда не наглядѣться и любуясь которою, можно было забыть весь міръ. И все это обаятельное существо было озарено какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, выраженіемъ прекраснѣйшей души, добрѣйшаго сердца и ангельскаго характера. Я былъ ослѣпленъ, увлеченъ, отуманенъ угаромъ старинной любви, пробудившейся послѣ тринадцатилѣтняго, глубокаго сна. Но, увы!.. Слишкомъ ли круто повернулъ я дѣло любви, шелъ напроломъ, тогда какъ слѣдовало бы дѣйствовать осторожно, не приступомъ, а вести правильную осаду? И, быть можетъ, судьба моя была бы тогда иная. Послѣ двухъ визитовъ въ домъ Гесслинговъ, я написалъ письмо къ отцу, гдѣ сдѣлалъ формальное предложеніе его дочери, и поручилъ моему другу передать его по адресу. Проходятъ два дня мучительной неизвѣстности. На третій получаю отвѣтъ, весьма симпатическій и сочувствующій мнѣ, но тѣмъ не менѣе убившій мои надежды. Старикъ изъявлялъ мнѣ полнѣйшее свое сожалѣніе о томъ, что онъ не могъ назвать меня своимъ сыномъ, потому что онъ предоставилъ дочерямъ полную свободу выбора себѣ спутника въ жизни. И въ настоящую минуту можетъ только скорбѣть всею душою, что воля его дочери противорѣчитъ его искреннимъ желаніямъ. Аннета вышла потомъ за Камышанскаго, капитана Волынскаго полка. Она умерла въ 1860 г., оставя сына и дочь, похожую на мать: хорошенькую, но далеко, далеко не какъ мать. Да, такимъ всесторонне-прекраснымъ женщинамъ, какою была Аннета Гесслингъ, судьба не позволяетъ загащиваться въ здѣшней «Юдоли плача».

Проглотилъ я прекрасно позолоченную пилюлю и, съ разбитымъ сердцемъ, глотая душившія меня слезы, мрачный, убитый возвратился я въ Гжатскъ, гдѣ питейная контора показалась мнѣ еще мрачнѣе и холоднѣе могилы, отвратительнѣе грязнаго острога съ каторжниками, хотя и нашлось, вызвалось прелестное существо облегчить тяжесть давившей меня тоски и, по мѣрѣ возможности, врачевать раны моего сердца.... Но объ этомъ, быть можетъ, скажу нѣсколько словъ ниже. Промаялся я около трехъ мѣсяцевъ, и сталъ понемногу приходить въ себя, покорившись безповоротно-совершившемуся факту, и сказавъ вѣчное прости моимъ завѣтнымъ мечтамъ, моимъ на мигъ воскресшимъ и навѣки

умершимъ надеждамъ. Насталъ май. Съ теплымъ весеннимъ воздухомъ стало дышаться легче, отъ сердца поотлегло. Окружавшіе меня мракъ и холодъ стали уменьшаться, чему много содѣйствовалъ чудный блескъ прекрасныхъ темно-голубыхъ глазъ. Отвернувшись отъ прошедшаго, я сталъ смотрѣть въ будущее, въ этого загадочнаго сфинкса бурныхъ, измученныхъ существованій. Что скрывается за этой таинственной завѣсою будущаго, которую страхъ какъ хотѣлось приподнять, взглянуть хоть однимъ глазомъ на то, что скрывается за нею?

Въ концѣ мая опять поѣхалъ я въ Петербургъ, откуда взялъ мою дочь и отвезъ въ Нижегородскую губернію къ ея дѣду и бабушкѣ, куда потомъ прислалъ я хорошую гувернантку. Пріѣхалъ я къ тестю съ лихорадкою, прогостилъ у него недѣли три, отъ лихорадки выздоровѣлъ, да заболѣлъ было лихорадкою или горячкою сердца, но, по моей некомпетентности въ дѣлѣ медицины, не рѣшу, которою изъ этихъ двухъ болѣзней. Вотъ что и какъ произошло.

Будучи женихомъ Саши, я, въ ожиданіи свадьбы, все лѣто 1837 года прожилъ въ деревнѣ ея отца, въ Сергачскомъ уѣздѣ. Въ числѣ многочисленныхъ родныхъ Саши находился дядя ея отца, а ея дѣдъ, Ал. Петр. Шипиловъ. Домъ его былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ и всѣми уважаемыхъ въ Симбирской губерніи. У этого дѣда Саши было прекрасное имѣніе въ Курмышскомъ уѣздѣ, лежавшее въ живописной мѣстности, съ двумя большими садами. Черезъ одинъ изъ нихъ, обширный, въ родѣ парка, протекала рѣчка, между крутыми берегами, съ мостами лодками, паромомъ. Тамъ были бесѣдки, холмы, горы съ гротами, тѣнистыя аллеи, рощи съ извилистыми дорожками съ лужайками, клумбами цвѣтовъ. Это былъ одинъ изъ очаровательнѣйшихъ садовъ, какіе случалось мнѣ видѣть въ продолженіи моей жизни. Но главное очарованіе этого прелестнаго уголка, этого, можно сказать, земного рая, были его обитатели,—семейство Шипиловыхъ и, въ особенности, глава дома, самъ хозяинъ. Это былъ высокаго роста, бѣлый какъ лунь, но чрезвычайно моложавый и красивый старикъ, человѣкъ идеально честный, добрый, умный, образованный, постоянно привѣтливый и ласковый со всѣми. Любознательный и просвѣщенный, онъ съ любовію слѣдилъ за успѣхами наукъ и художествъ, выписывалъ газеты и множество журналовъ, былъ страстнымъ поклонникомъ изящныхъ искусствъ: стѣны его комнатъ были увѣшаны цѣнными картинами и рѣдкими гравюрами; и каждое изъ искусствъ имѣло по нѣскольку своихъ замѣчательныхъ представителей, образцовъ. А прелестное семейство его было вполнѣ достойно своего главы. Отъ двухъ женъ у него было, сколько помню, два сына и нѣ-

сколько дочерей. Всѣ были очень умны, прекрасно воспитаны, или еще воспитывались. Одна изъ нихъ, Софи, была особенно замѣчательна. Нѣсколько восхитительныхъ дней провелъ я, вмѣстѣ съ Сашею, въ домѣ ея дѣда, во время моего съ нимъ познакомленія. Софи была тогда еще 8-ми лѣтней дѣвочкой. Но эта юная наша тетя уже обращала на себя вниманіе всѣхъ посѣтителей дома отца своею страстію къ фортепьяно и вообще своими музыкальными способностями, а еще болѣе поражала своимъ, не по лѣтамъ, умомъ, который такъ и свѣтился въ ея большихъ, черныхъ, выразительныхъ глазахъ; поражала умными, бойкими отвѣтами. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Я болѣе ни разу не посѣщалъ дома Шипиловыхъ. И вотъ, послѣ длиннаго періода и вдовцемъ ѣду я къ дѣду покойной Саши, и встрѣчаю тѣ же радушіе и гостепріимство и того же, все еще красиваго и бодраго старика. Кажется ничего не измѣнилось въ домѣ, ничего, кромѣ одного: Софи, изъ 8-ми лѣтняго ребенка, такъ много обѣщавшаго, преобразилась въ прелестную, стройную 18-ти лѣтнюю дѣвицу, сдержавшую съ лихвою все, что обѣщало ея дѣтство. Это было очаровательнѣйшее созданіе, умное, образованное, вполнѣ развитое, полное талантовъ, превосходная піанистка, начитанная, остроумнѣйшая и занимательнѣйшая собесѣдница. Это, какъ видно, была enfant gâté судьбы и природы, которыя сговорились поцарски одарить свою любимицу. И не поскупились: одарили всѣмъ, рѣшительно всѣмъ съ необычайной щедростью.... И послѣ этого, возможно ли было устоять мнѣ? Возможно ли было не выросси пышному цвѣтку любви на почвѣ моего сердца, такъ хорошо подготовленной и разработанной? И выросъ съ изумительною быстротою, и расцвѣлъ этотъ пышный цвѣтокъ, но сейчасъ же и завялъ, и засохъ. На него подулъ холодный, ледяной вѣтеръ равнодушія и неотзывчивости.... Я поспѣшилъ возвратиться въ Гжатскъ, гдѣ снова ожидали меня мракъ и холодъ могилы. Итакъ, въ какихъ нибудь три мѣсяца я пережилъ два жестокихъ пораженія, двѣ убитыя надежды, два разбитыхъ вѣрованія.... Послѣ этого самъ собою рождается вопросъ: что же лучше? Вѣчно ли холодное сердце, незнакомое съ сильными чувствами; вѣчно ровное, нормальное, никогда не заставляющее васъ страдать и плакать отъ несчастной любви; но за то ни разу не давшее вамъ испробовать верховное блаженство: плакать на груди обожаемой женщины отъ восторга и упоенія пламенной и взаимной любви, обливать слезами этой любви и благодарности руки и ноги боготворимаго существа, уносящаго васъ въ надзвѣздныя выси нечеловѣческаго, неземнаго счастія. Или лучше сердце, въ которомъ все дѣлается наоборотъ; сердце, заставляющее васъ иногда горько плакать отъ лю-

бовной невзгоды; но за то порою уносящее васъ на седьмое небо невыразимаго блаженства раздѣляемой любви; блаженства, которое доступно однѣмъ только избраннымъ натурамъ, а не разночинцамъ ума и сердца; блаженства, котораго онѣ не отдадутъ за всѣ земныя почести и которое позволяетъ имъ предвкушать блаженство небожителей?

Теперь замѣчу еще: между различными категоріями людей есть двѣ слѣдующія: одни, которые угадываютъ, постигаютъ и опредѣляютъ характеръ и требованія даннаго момента однимъ умомъ, или умомъ, а потомъ провѣряютъ сердцемъ и, вслѣдствіе этой провѣрки, многое изъ своихъ воззрѣній и рѣшеній измѣняютъ, или вовсе отмѣняютъ. Другіе, которые угадываютъ и опредѣляютъ однимъ сердцемъ, и только иногда провѣряютъ умомъ. Первые рѣдко ошибаются, рѣдко терпятъ неудачи и разочарованія, и потому рѣдко страдаютъ. Вторые часто впадаютъ въ ошибки, терпятъ неудачи и безпрестанно разочаровываются и страдаютъ. Увы! Я принадлежалъ ко второй категоріи: и часто, и много разочаровывался и страдалъ. Говорятъ: «языкъ мой — врагъ мой». А я долженъ сказать: «сердце мое — врагъ мой». Охъ, ужъ это мнѣ сердце! Натворило оно мнѣ не мало бѣдъ и горя.... Но за тоже и доставляло мнѣ не разъ минуты, часы, дни и мѣсяцы высокаго, неземнаго счастія. А есть еще, и цѣлый легіонъ такихъ индивидуумовъ, въ особенности изъ міра дѣловаго да изъ молодаго поколѣнія, которые порѣшили, что сердце — вещь совершенно лишняя и что его слѣдуетъ выбросить за бортъ, какъ вовсе ненужный и даже вредный баластъ. Ну и выбросили, и живутъ себѣ, процвѣтаютъ и блаженствуютъ безъ сердца, съ однимъ умомъ.... и хорошо, еслибы еще съ умомъ; а то наичаще съ.... отрицаніемъ да съ безуміемъ. Упомяну еще объ одной Софи К — ной. Но это былъ уже не любовный эпизодъ, а сватовство. Мнѣ навязывали дочь одного откупщика и золотопромышленника, и хотѣли женить меня на ней по слѣдующимъ соображеніямъ: 1-е, за ней давали 12,000 р. годоваго дохода; 2-е, она имѣла 18 лѣтъ, большіе, прекрасные черные глаза и была очень недурна собою; 3-е, и это главное, хотѣли, чтобы я взялъ въ свои энергическія руки и поправилъ разшатанныя дѣла ея отца, прекраснѣйшаго, но вовсе не дѣловаго человѣка, предпочитавшаго всякимъ дѣламъ свой изящный комфортъ, свой безмятежный кейфъ съ жизнію то въ Парижѣ, то въ Петербургѣ, съ посѣщеніями итальянской оперы и Михайловскаго театра; свою карету парижской работы съ орловскими рысаками, и наконецъ своихъ многочисленныхъ пріятелей и знакомыхъ, которые любили его за его высокую честность, за прекрасный, веселый характеръ, добрѣйшее сердце и за

умѣнье разсказывать анекдоты, запасъ которыхъ былъ у него неистощимъ. Подъ предлогомъ путешествія для обозрѣнія Южной Россіи, меня привезли въ одинъ изъ главныхъ ея городовъ, прямо въ пышную резиденцію милліонера, отца предназначаемой мнѣ невѣсты. И вотъ начинается рядъ удивительныхъ обѣдовъ, ужиновъ, закусокъ съ дорогими винами и прочими питіями, съ тонкими гастрономическими вкусностями. Катали меня по городу и за городомъ въ великолѣпныхъ экипажахъ, на многотысячныхъ лошадяхъ, управляемыхъ кучеромъ-артистомъ, получавшимъ чуть ли не генеральское жалованье. И все это ни къ чему не повело. Возвратился я въ Петербургъ точно такимъ же, какимъ и выѣхалъ изъ него, т. е. вольной птицей, а не женихомъ. Но проектъ сватовства не умеръ, а ожилъ съ новою силою. За мною ухаживали, меня холили, безпрестанно возили въ Итальянскую Оперу, а оттуда къ Дюссо, на тонкій, изящный ужинъ въ кругломъ кабинетѣ. Усадятъ меня между предполагаемымъ тестемъ и сватомъ, который то и дѣло нашептываетъ мнѣ на ухо: «Скажи *да*, и я пойду сватать, отказа не будетъ, ручаюсь за это, и 12 тысячъ р. въ годъ на первый разъ, а послѣ будешь получать вдвое, а быть можетъ и втрое. Ну, говори *да!*» Но увы! Ожидаемое и сильно желаемое *да* не срывалось съ моего языка, потому что во 1-хъ: я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни объ умѣ Софи К—ной, ни о сердцѣ, ни о характерѣ, ни даже о звукѣ ея голоса, потому что я видѣлъ ее только одинъ разъ, и то мелькомъ, во время обѣда у ея бабки и не могъ ни слова сказать ей, сидя не возлѣ нее, а на противоположномъ концѣ стола. Во 2-хъ: вступая съ ней въ бракъ, я не могъ бы знать, нравлюсь я ей, или противенъ, потому что въ русскомъ торговомъ мірѣ, даже между милліонерами, не принято, не въ правилахъ спрашивать у своихъ дѣтей, нравятся имъ, или нѣтъ, высватанные для нихъ женихъ или невѣста. «Вотъ тебѣ женихъ», или «вотъ тебѣ невѣста», изрѣчетъ гильдейскій родитель, и ни дочь, ни сынъ не смѣютъ пикнуть, что предлагаемое имъ не по сердцу. Да «по сердцу родителя, ну и шабашъ». А то не хочешь ли попробовать родительскаго кулака, а то и просто палки или плети. И это бывало; и объ этомъ слыхали мы. Наконецъ въ 3-хъ, и это главное—у меня была уже въ умѣ и въ сердцѣ другая Софи, въ Москвѣ, тоже съ прекрасными черными глазами, съ очаровательнымъ личикомъ ослѣпительной бѣлизны, съ необыкновеннымъ румянцемъ во всю щеку и съ чисто античнымъ бюстомъ. Правда, за нею не только двѣнадцати тысячъ годоваго дохода, но и всего-то приданаго капитала было менѣе половины дохода Софи гильдейской. За то я былъ знакомъ съ московскою Софи

уже болѣе двухъ лѣтъ, и вполнѣ узналъ и оцѣнилъ ея свѣтлый умъ, прекрасный характеръ и ангельское сердце.

Итакъ, меня возмущала, ужасала одна мысль о томъ, что я могъ жениться на дѣвушкѣ, которой я противенъ, но которая, затаивъ въ душѣ свое отвращеніе ко мнѣ, принуждена будетъ протянуть мнѣ свою руку и сказать «да», когда тысячу «нѣтъ» сорвалось бы съ ея языка, если бы не страхъ, что бабушка разложитъ ее да и постегаетъ маленько но больненько... Не смѣйтесь, защитники гильдейскихъ обычаевъ. Это водилось въ сороковыхъ годахъ. Я слышалъ объ этомъ, и не разъ, отъ самыхъ правдивыхъ людей, и говорю не «A priori, но A posteriori!» Про теперешніе гильдейскіе обычаи не знаю. Знаю только, что продать дурную вещь за хорошую, содрать вдвое, а если можно, то и втрое; порою обмѣрить, обвѣсить и обсчитать водилось еще не такъ давно, да пожалуй и теперь еще водится, не у всѣхъ, а лишь у нѣкоторыхъ гостинодворцевъ, апраксинцовъ и, въ особенности, въ мрачныхъ ущельяхъ московскаго гостиннаго двора.

Послѣ мѣсяца безплодныхъ поѣздокъ въ итальянскую оперу и угощеній у Дюссо, я въ одно прекрасное утро собрался въ путь, простился со сватомъ и псевдо-другомъ и уѣхалъ въ Москву. Псевдо-другъ очень и очень поморщился отъ неудовольствія за неудавшійся планъ женить меня на гильдейской барышнѣ, съ 12,000 годоваго дохода и ради спасенія гильдейскихъ интересовъ. Да, очень сильно поморщился мой псевдо-другъ и не простилъ мнѣ этого: онъ никогда и никому не прощалъ ни малѣйшаго оскорбленія его мелочнаго, разночиннаго самолюбія и чудовищнаго тщеславія. Ну и насолилъ (чтобы не сказать напакостилъ) мнѣ потомъ этотъ псевдо-другъ, и еще болѣе псевдо-порядочный человѣкъ, какъ это будетъ видно въ одной изъ будущихъ книгъ «Воспоминаній». Впрочемъ, все это сватанье и все это пакощенье подробно описаны въ «Задушевной Исповѣди» и въ романѣ «Поддѣльщики».

+ Софи Богаевская.

Вся грустная исторія этой любви подробно ярко описана въ «Задушевной Исповѣди» и въ «Поддѣльщикахъ». Поэтому и не описываю ее въ этой хроникѣ. Можетъ быть послѣ поговорю о ней.

+ Лидія Александровна Зволъская.

Героиня «Банка Тщеславія» подъ псевдонимомъ. Не глава, а цѣлая вторая часть романа и пятая книга «Воспоминаній» посвящены исторіи этой безумной моей любви подъ заглавіемъ: «Зловѣщая комета».

* * *

Это, говоря по правдѣ, была даже не любовишка, а просто не болѣе какъ проба гомеопатическаго средства: «клинъ клиномъ выбивать», т. е. попытка выбить изъ меня «Зловѣщую Комету», «Лидію Александровну Звольскую» тожъ. Дѣло было въ провинціи. Но послѣ первой же пробы, клинъ сломался: оказался гнилымъ, негоднымъ ни на что, кромѣ какъ увеличивать доходы косметическихъ магазиновъ, ради ремонтированія своихъ поблекшихъ ланитъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличивать, собирать, пересчитывать и укладывать въ копилку и свои собственные доходы съ имѣнія.

* У-ръ -аркъ.

Вторая попытка гомеопатической системы. Роль клина приняла на себя въ Петербургѣ жена одного путейца, врозь съ мужемъ, пикантнѣйшая дама, въ особенности издали, или вечеромъ. Двѣ встрѣчи съ нею въ одномъ домѣ. Два оживленныхъ разговора. Два моихъ письма, разумѣется на французскомъ діалектѣ и предлиннѣйшія, съ достодолжнымъ паѳосомъ. Первое сдѣлало брешь; послѣ втораго ворота крѣпости растворились настежь и гарнизонъ положилъ оружіе и сдался «à discrétion» (на волю побѣдителя). Два рандеву и... полнѣйшее разочарованіе. Клинъ оказался хотя и не гнилымъ, но шероховатымъ отъ долгаго употребленія. И затѣмъ... «скорѣй въ охапку кушакъ да шапку».

✝ Софи (Ангеловна) Гемаръ.

Видно имени Софія назначено было преобладать въ судьбахъ моей жизни. Это—дивно прекрасная женщина. Это—воплощеніе ангела, посланное на краткій срокъ на землю для того, чтобы, давъ понятіе о женскомъ совершенствѣ, изумить, ослѣпить своею лучезарною красотою тѣхъ, кто имѣлъ счастіе приблизиться къ ней и хотя мелькомъ взглянуть на нее; и затѣмъ, блеснувъ ярче полуденнаго солнца, закатиться на вѣки, т. е. возвратиться въ свою небесную отчизну. Дивная эпопея высокой любви между этимъ женскимъ идеаломъ и мною, эпопея не сочиненная, но истинная, взятая прямо изъ жизни и въ которой малѣйшая подробность исторически вѣрна; эта эпопея составитъ сюжетъ 6-й книги, озаглавленной *Потерянный Рай*.

ЭПИЛОГЪ.

+ Даша и три сильфиды: × Катя, + Маша и × Элеонора.

Итакъ, разсказывая про любови № 12 bis и № 18, я вспомнилъ еще о четырехъ, не лишенныхъ интереса и заслуживающихъ быть разсказанными. Первая изъ четырехъ была Даша, почти моя ровесница (двумя годами старѣе меня), распрехорошенькая камеристка моей тетушки, средняго, но чрезвычайно стройнаго роста, сложена прекрасно, съ черными какъ смоль волосами и такими же черными, большими, умными, выразительными и плутовскими глазами; ловкая, веселая, бойкая умница, хохотунья и страшнѣйшая насмѣшница, но не злая. Объ ней упомянулъ я вскользь въ 7-й книгѣ «Воспоминаній», при разсказѣ о томъ, какъ, встрѣтясь съ нею въ прихожей, чуть было не подошелъ я къ ней къ ручкѣ, принявъ ее за тетушку, которую, послѣ своей свадьбы, дядя привезъ изъ Москвы въ Варшаву. Эта новая тетушка сильно разочаровала меня тогда, такъ что, сравнивая съ прелестною Дашею ее, вовсе не прелестную, а совершенно напротивъ, я невольно подумалъ: «Отчего не Даша моя тетушка? Хотя и простая горничная, но вѣдь она несравненно лучше своей госпожи, урожденной княжны?» Такъ думалъ 13-тилѣтній отрокъ. Точно также думалъ онъ и позднѣе, будучи взрослымъ. Да пожалуй и теперь не перемѣнилъ своего мнѣнія о Дашѣ и о тетушкѣ съ разнокалиберными глазами и грузинскимъ носомъ, хотя и той, и другой нѣтъ уже на свѣтѣ. Вотъ что значитъ твердость убѣжденій въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ хорошенькія Даши, да невзрачныя тетушки, да... да не лавровые вѣнки, а висѣлицы для цареубіцъ. Эта самая Даша, въ продолженіи многихъ лѣтъ, играла мною какъ игрушкою, дразнила меня, давала мнѣ жестокіе щелчки въ носъ, кипятила мою юношескую кровь и много разъ доводила до отчаянія, до слезъ, до изступленія, пока наконецъ.... Впрочемъ, чтожъ? Вѣдь я исповѣдуюсь и это уже моя послѣдняя, предсмертная исповѣдь, такъ нечего вилять, слѣдуетъ покаяться и признаться во всемъ: я былъ влюбленъ въ хорошенькую и умненькую Дашу, которую передъ тѣмъ желалъ имѣть своею тетушкою. Да, я крѣпко, сильно любилъ ее, и много разъ горько плакалъ отъ ея щелчковъ, т. е. отъ насмѣшекъ, порою очень колкихъ. Лермонтовъ сказалъ, что будто бы «вѣчно любить невозможно». Не знаю, правда ли это, но знаю навѣрно, по опыту, что «невозможно вѣчно пла-

кать», потому и я плакалъ отъ Даши не вѣчно. А когда потомъ, много лѣтъ спустя, послѣ освобожденія моего изъ плѣна, пріѣхалъ я въ домовой отпускъ, Даша продолжала быть камеристкой моей тетушки, ни на волосъ не измѣнилась, нисколько не постарѣла и была такая же хорошенькая, живая, веселая и насмѣшливая, какъ и въ Варшавѣ; но только ни единаго щелчка не дала тогда въ мой носъ, никогда не насмѣхалась, а давала щелчки и надмѣхалась надъ всѣми искателями ея руки и сердца, постоянно имъ отказывала и предпочла замужеству свое дѣвичество... Случаются же иногда такія оказіи, такія, хотя и весьма рѣдкія, предпочтенія. Не даромъ сказано: «На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья» (читай «предпочтенія»).

Теперь слѣдуютъ три сущія сильфиды, съ тонкимъ, гибкимъ станомъ, съ лебедиными шеями, роскошными бюстами, бѣлокурыя и съ прекрасными глазами, буквально темно-голубыми, какъ небо Италіи. И были онѣ словно три родныя сестры-близнецы, хотя никогда не видѣли одна другую, даже не знали о существованіи другъ друга, были совершенно различныхъ «племенъ, нарѣчій, состояній», и являлись мнѣ, какъ видѣнія, не въ одно время, а въ разныя, слѣдующія одна за другой эпохи моей жизни. Первая изъ нихъ—Катя; сильфидообразная, притягательно-хорошенькая, но горделиво-капризная Катя, на которую такъ умильно смотрѣли и засматривались нѣкоторые петербургскіе селадоны, знакомые моего шурина; но только засматривались, вздыхали да облизывались. Сама же Катя ни на кого не засматривалась, ни на кого, кромѣ... меня, съ которымъ бывала лишь изрѣдко и нѣсколько капризна, но нисколько не горделива, а отзывчива; тогда какъ съ другими постоянно была и горда, и пренебрежительно-неотзывчива. Потомъ уѣхала изъ Петербурга въ деревню къ отцу и вышла замужъ за... моего кучера... sic transit gloria mundi (такъ исчезаетъ слава свѣта).

Вторая сильфида—Маша въ Гжатскѣ, дочь конторскаго сторожа; симпатично-прелестная Маша, эѳирная, бѣлокурая, тоже съ огненнымъ оттѣнкомъ волосъ, какъ у Кардеваль, съ томными темно-голубыми глазами. И былъ я другомъ этой Маши, а Маша была вся составлена изъ нѣги, изъ упоенія, изъ страсти, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, была она олицетвореніемъ кротости и доброты. И какъ искусно, легко и неотразимо умѣла она вызывать потоки страстныхъ, опьяняющихъ поцѣлуевъ; а сама вся трепещущая подъ этими бурными, огненными потоками, жадно изъ нихъ пила, упивалась льющимися на нее поцѣлуями и обвивала своего друга словно плющемъ, своими непритворными, упоительными, разжигающими ласками. И приняла на себя эта упоительная Маша высокую, гуманную

миссію лечить меня отъ мрачной хандры по возвращеніи моемъ изъ неудачной сердечной кампаніи въ Петербургѣ, вызвалась быть моимъ ангеломъ-утѣшителемъ. Ухаживала она за мною съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ, съ нѣжною заботливостью самой любящей, преданной сестры. Продолжала ухаживать также и по во возвращеніи изъ другой неудачной кампаніи въ Симбирской губерніи; продолжала до самой второй моей женитьбы. И какъ ласково, любовно и вопросительно смотрѣла она мнѣ въ глаза своими кроткими темноголубыми глазами, и старалась угадать, предупредить мои желанія? Какія простыя, наивныя, но теплыя, нѣжныя слова находила она въ своемъ прекрасномъ, не испорченномъ и сострадательномъ сердцѣ, чтобы разгладить морщины на моемъ мрачномъ челѣ, вызвать улыбку на мои уста, а изъ этихъ устъ вызвать потокъ страстныхъ поцѣлуевъ и упиться ими до головокруженія. Да! въ жизни избранныхъ страдальцовъ бываютъ моменты, окупающіе пережитое горе, съ лихвою награждающіе за мужественно перенесенныя утраты и страданія. А потомъ какъ восторгалась она отъ моей горячей къ ней дружбы, какъ наивно гордилась ею! И какъ нѣжно, горячо благодарила меня за мою чисто отеческую заботливость о ея будущемъ! Гдѣ-то ты теперь, добрая, милая, упоительная Маша? Гдѣ ты и что съ тобою? Если ты жива, то вѣроятно уже давно завяли, засохли дивно прекрасныя розы и лиліи на твоихъ горячихъ щекахъ. Но не завяло, не умерло мое о тебѣ воспоминаніе: оно живетъ. Можетъ быть у тебя есть дочь, такая же какъ и ты, красавица и ангелъ сердцемъ! Да пребудетъ же надъ нею и надъ тобою благословеніе Божіе. А я... я могу лишь почтить твою память нѣсколькими слезами искренней, глубокой благодарности, и послать вамъ обѣимъ мое заочное, старческое, дружеское благословеніе.

Наконецъ третья, настоящая сильфида: восхитительная и таинственная Элеонора, въ Эртелевомъ Переулкѣ, на углу котораго жилъ я въ нижнемъ этажѣ дома Шляндера въ 1857 году. Однажды, въ мой отличный эллиптическій бинокль, усматриваю эту красавицу, глазѣющую изъ окна на улицу. Она занимала рядъ комнатъ въ нижнемъ жильѣ дома, наискосокъ моей квартиры. Тотчасъ же беру шляпу и прохожу раза два мимо прелестной незнакомки. Въ слѣдующіе дни повторяю по нѣскольку разъ этотъ маневръ и кончаю тѣмъ, что знакомлюсь съ этою сильфидою номеръ третій. Но кто она, откуда, для чего жила въ Петербургѣ, это осталось для меня тайною, которую и не пытался я разгадывать. Для меня довольно было знать, что эта прелестная нѣмочка носила звучное имя Элеоноры и была рѣдкой обаятельной красоты молодая женщина. Да и въ томъ, была ли это нѣмка, или другой націо-

нальности, я не былъ увѣренъ, потому что она прекрасно говорила порусски, понѣмецки и пофранцузски; была превосходно образована, съ изящными, мягкими манерами, хорошо знакома съ произведеніями лучшихъ нашихъ поэтовъ, зачитывалась ими и вообще внимательно и съ любовію слѣдила за ходомъ современныхъ беллетристики и событій. Любила она страстно музыку и восторгалась моею гитарою и декламаціею стиховъ. Въ особенности понравилось слѣдующее стихотвореніе, которое, по ея просьбѣ, не разъ продекламировалъ я ей, и потомъ вписалъ въ ея альбомъ. Такъ какъ мнѣ не случалось встрѣчать въ антологическихъ сборникахъ это стихотвореніе, восхитившее таинственную красавицу, то я и позволяю себѣ вписать его въ эту главу.

Сѣдлайся вновь конь крѣпкій мой,
Затѣемъ снова жизнь степную;
Мнѣ опостылъ аулъ родной,
Я въ немъ безъ пользы истоскую.

*
* *

Слыву наѣздникомъ лихимъ,
Меня зовутъ Огнемъ-Омаромъ.
Да! шашки лезвіемъ крутымъ
Не разсѣкалъ я воздухъ даромъ.

*
* *

Земли не задѣвалъ свинцомъ,
На вѣтеръ пороху не тратилъ,
Не мчался робкимъ бѣглецомъ:
Лишь смертью съ недругами ладилъ.

*
* *

И вотъ задумалъ бросить я
Приволье жизни одинокой,
Моихъ наѣздничествъ края
И все забыть для черноокой.

*
* *

Но сакли гордая краса
Не поняла любви свободной
И, пламенный какъ небеса,
Я презрѣнъ дѣвою холодной.

*
* *

Пускай изнѣженный уздень
Ея любовь подкупитъ златомъ;
Мнѣ дѣвы жаль: настанетъ день,
Сгруснется ей во снѣ богатомъ.

*
* *

Наскуча роскошью парчей,
Душа прямой любви запроситъ.
Слухъ дивныхъ дѣлъ дойдетъ до ней,
И дѣва взоръ съ уныньемъ броситъ

*
* *

На хладный панцырь узденя,
На шашку сжатую ножнами;
И поздно, жребій свой кляня,
Зальется горькими слезами.

*
* *

О дѣва, вспомнишь обо мнѣ,
Но я умчусь въ странахъ далекихъ
На богатырскомъ летунѣ,
Въ волненьи думъ моихъ глубокихъ.

*
* *

Отвага закипитъ въ крови,
Меня богъ брани не покинетъ, —
И жаръ обиженной любви
Подъ хладнымъ панцыремъ остынетъ.

Извѣстно было мнѣ о таинственной красавицѣ только слѣдующее: въ извѣстные дни и часы никто не могъ войти не только въ ея залъ, но даже въ переднюю, никто, кромѣ одного, тоже какого-то таинственнаго лица. И я строго соблюдалъ этотъ зарокъ, и даже мимо ея оконъ не проходилъ тогда. Въ 1858 году я перемѣнилъ квартиру, незнакомка тоже, и мы болѣе уже не встрѣчались.

Необъяснимо, загадочно сердце человѣческое вообще, а женское въ особенности. Полюбитъ страстно, беззавѣтно кто либо и какую нибудь женщину, и не то что красавицу, а такъ себѣ, и будь онъ не старикъ и не уродъ, а въ порѣ и недуренъ собою, и не дурной, а хорошій человѣкъ; принеси онъ ей въ жертву все, свое богатство, почести, славу, если такая имѣется; предлагай ей сдѣлаться ея покорнымъ рабомъ, лишь бы пользоваться ея благосклонностью. Но если онъ чѣмъ нибудь ей не понравился, часто изъ каприза, изъ за прихоти, — она оттолкнетъ и его, и все, что онъ положитъ къ ея ногамъ. Но иногда вдругъ кто нибудь ей понравится, ни съ кожи, ни съ рожи; плѣнитъ ее не умомъ, не талантами, не подвигами, а пустяками, хорошо повязаннымъ галстукомъ; и она полюбитъ его и, очертя голову, бросится въ его объятія. C'est terrible, mais c'est vrai. Такова ужъ нелогическая натура еввиныхъ правнучекъ.

Чѣмъ же я, 47-ми лѣтній вдовецъ, могъ плѣнить молодую, умную, образованную красавицу, плѣнить и увлечь?.. Игрою на гитарѣ и декламаціею. Правда, игра моя далеко выходила изъ ряда обыкновенныхъ, а декламировалъ я съ глубокимъ чувствомъ, какъ русскіе, такъ и французскіе стихи, въ особенности нѣкоторые монологи, какъ напримѣръ, изъ Гораціевъ Корнеля:

«Rome, l'unique objet de mon ressentiment!
Rome, à qui vient ton bras d'immoler mon amant».

Или изъ Ореста Детуша:

«Effroyable ascendant d'un pouvoir ennemi!
J'ai donc assassiné ma mère et mon ami!»

Но вѣдь это—все вещи обиходныя, заурядныя. Да и самыя-то отношенія между Элеонорою и мною были болѣе или менѣе эфемерны и не имѣли характера глубокаго, сильнаго чувства. Впрочемъ, въ этомъ эпизодѣ много помогло мнѣ глубокое знаніе науки любви, полный курсъ которой прошелъ я въ Варшавѣ между двумя красавицами, №№ 5 и 6; помните, читатель! Это глубокое знаніе помогало мнѣ во многихъ другихъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, любовныхъ эпизодахъ, съ красавицами, тоже не заурядными, какъ, наприм , «Іогася, Лидія Александровна, Елизавета Карловна».

Между тѣмъ любовь моя къ Аннетѣ Гесслингъ была страсть истинная, глубокая, безпредѣльная. И мнѣ было не 47, а 23 года, когда я былъ увлеченъ бурнымъ потокомъ молодой страсти въ какія-то отдаленныя и невѣдомыя страны новыхъ боговъ, новыхъ вѣрованій, богослуженій, боготвореній. И мнѣ можно было примѣнить къ себѣ вполнѣ и по всей справедливости стихи В. Гюго, помѣщенные въ «Библ. для Чт.», въ переводѣ Деларю:

Когда бъ я Богомъ былъ, селеньями святыми
Клянусь! я отдалъ бы прохладу райскихъ струй,
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй *).

---

*) Въ 1847 году, подъ вліяніемъ любви къ моей невѣстѣ, я написалъ, въ подобномъ родѣ, нѣсколько строфъ, и нисколько не гиперболичнѣе строфъ В. Гюго, но только прозою, и послалъ тогда изъ Москвы въ Петербургъ къ моему псевдо-другу. И что-жъ? Онъ наругался надъ моею поэтическою прозою,

Да! и я отдалъ бы тогда весь земной шаръ, всю солнечную систему, всю вселенную за взглядъ, за поцѣлуй Аннеты. Обнять, поцѣловать, получить взаимный поцѣлуй любви, зарыдать отъ восторга и.... пасть подъ развалины вселенной... А потомъ, когда эта всепоборающая страсть проснулась послѣ 13-ти-лѣтняго сна и была, такъ сказать, освящена болѣе, нежели десятилѣтнею давностію, то мнѣ было все таки не болѣе 37-ми лѣтъ, а не 47, какъ въ домѣ Шляндера. И что жъ? Лавровый вѣнокъ 47-ми-лѣтнему селадону за эфемерное чувство, и вѣнокъ терновый 23 лѣтнему юношѣ и затѣмъ 37-ми лѣтнему, полному силъ человѣку за его глубокую, пламенную, испытанную любовь.

При семъ удобномъ случаѣ приведу нѣсколько афоризмовъ, вѣрно опредѣляющихъ подругу нашей жизни.

«Всегда найдется сказать о женщинахъ что нибудь новое, пока хоть одна останется на земномъ шарѣ» *(De Boufflers)*.

«Женщина!.. Только одинъ Богъ можетъ знать ее» *(S. Dubay)*.

«Не такъ трудно побѣдить добродѣтель женщины, какъ ея отвращеніе *(Beauchêne)*».

«Женщина можетъ скорѣе полюбить человѣка, котораго она ненавидитъ, нежели того, котораго она видитъ, не обращая на него вниманія *(Chabañon)*».

«Женщины всего менѣе жалѣютъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя претерпѣваютъ для нихъ *(Id.)*».

«Женщины походятъ на государей: часто путемъ докучливости получаютъ отъ нихъ то, что не получили бы путемъ благосклонности *(Lévis)*».

«Женщины не прочь, чтобы ихъ нѣжно любили, но онѣ хотятъ, чтобы ихъ забавляли; и кто дѣлаетъ одно безъ другаго, тотъ ничего не дѣлаетъ» *(Fontenelle)*.

«Женщины предпочитаютъ даже то, чтобы ихъ забавляли не любя, тому, чтобы ихъ любили не забавляя» *(Id.)*.

вмѣнилъ мнѣ ее въ преступленіе и за это порвалъ дружескія со мною связи, сказавъ въ концѣ своего *обвинительнаго по пунктамъ* письма: «хороню на всегда слово ты». Каково кабацкое пониманіе поэтическаго восторга (см. Задушевную Исповѣдь, гл. VI). Счастье В. Гюго, что онъ никогда не былъ въ Петербургѣ. Не сдобровать бы ему. Вѣроятно, что за вышеприведенную строфу тогда бы всенепремѣнно:

Его кабацкій нашъ Зоилъ
Позорной смертію казнилъ.

«Красивыя женщины часто походятъ на большіе города, которыми легко овладѣть, но которые трудно сохранить» *(Boiste)*.

«Въ любви женщины заходятъ далѣе мущинъ, но въ дружбѣ мущины берутъ надъ ними верхъ» *(La Bruyère)*.

«Женщины даютъ дружбѣ лишь то, что онѣ занимаютъ у любви» *(Chamfort)*.

«Женщины всегда постояннѣе въ ненависти, чѣмъ въ любви *(Goldoni)*.

«Нельзя быть другомъ женщины, когда можно быть ея любовникомъ *(Mainard)*.

«Женщины дѣлаютъ изъ своихъ любовниковъ лишь холодныхъ друзей, или враговъ» (***).

«Когда хочешь писать о женщинѣ, надо обмакнуть перо въ радугу и стряхнуть пыль съ крыльевъ бабочки» *(Diderot)*.

«Женщина, это — кушанье, достойное боговъ, если только чортъ не приправитъ его» *(Caldéron)*.

«Не ставьте женщину между ея долгомъ и нарядомъ» *(Pythagore)*.

«Кто умѣетъ укротить женщину, тотъ не будетъ бояться непріятельскихъ выстрѣловъ» *(Flacher)*.

«Женщины бываютъ кокетками, когда онѣ хороши собою, и брюзгами, когда онѣ благонравны» *(Boiste)*.

«Не ждите хорошаго пріема отъ женщины, недовольной своимъ туалетомъ» *(Id.)*.

«Хорошенькія женщины умираютъ дважды» *(Id.)*.

«Нѣтъ существа несноснѣе бывшей хорошенькой женщины» *(Id.)*.

«Сила женщинъ состоитъ въ ихъ безсиліи» *(Id.)*.

«У многихъ женщинъ честность есть не иное что, какъ лѣность, или недостатокъ темперамента» (***).

«Женщины могутъ превозмочь свои страсти скорѣе, чѣмъ свое кокетство» *(La Rochefoucauld)*.

«Женщины слишкомъ хитры для того, чтобы быть откровенными» (***).

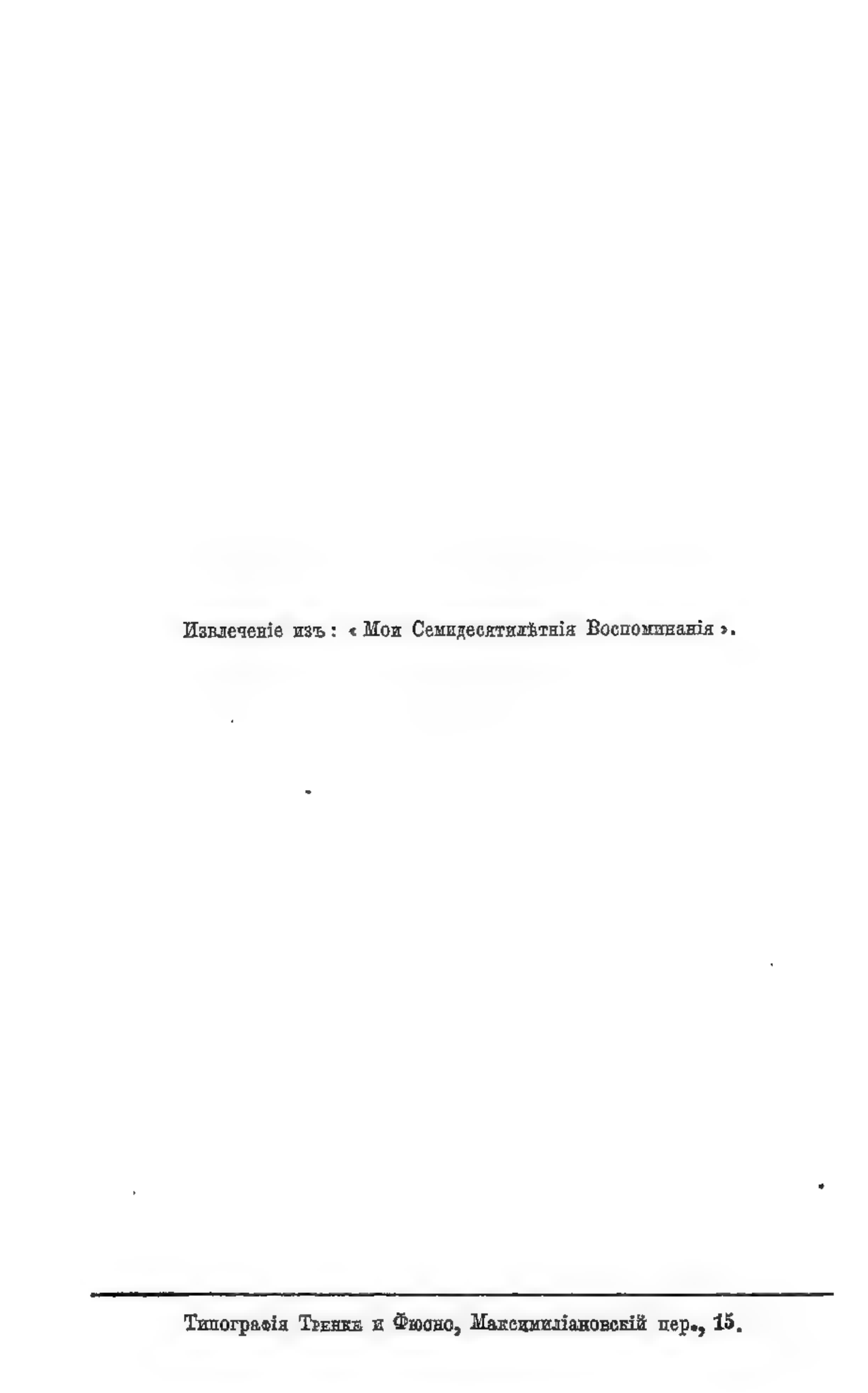
О память, моя память! Какая же стала ты упрямая и скупая! Бывало, по первому призыву, ты воскрешаешь и возвращаешь все, что было положено въ тебя на храненіе. А теперь? Какъ старый скряга, только послѣ величайшихъ усилій и просьбъ, рѣшаешься ты выдавать изъ своего хранилища, да и то скупо, по мелочамъ, не торопясь, фактъ за фактомъ. И вотъ сейчасъ вспомнилъ я еще объ одномъ эпизодѣ 1834 и 1835 годовъ, эпизодѣ вполнѣ достойномъ быть внесеннымъ въ эту «Хро-

нику». Живу я у дяди, близъ Солигалича. А въ Солигаличѣ живетъ Ирина, жена одного мѣщанина, жившаго постоянно въ Петербургѣ на заработкахъ и кажется гуляки, бросившаго свою жену на произволъ судьбы и добрыхъ людей. Это была молодая женщина, высокая, стройная, дивно сложенная, съ густою, длинною темнорусою косою, съ выразительными, или какъ говорятъ, маслеными карими глазами съ поволокою, чрезвычайно красивая и чрезвычайно возбудительная; при людяхъ апатичная, застѣнчивая, робкая какъ дѣвочка, съ опущенными долу очами; а самъ-другъ—смѣлая, страстная, съ глазами широко раскрывшимися, вызывающими, загорающимися огнемъ долго сдерживаемой страсти и обѣщающими цѣлый міръ упоеній и восторговъ тому счастливцу, который съумѣлъ бы растопить, не природную, а напускную ледяную кору, облекавшую сердце солигаличской красавицы. Но эта мѣщанская краса была холодна, какъ ледъ, неумолимо сурова и недоступна для всѣхъ солигаличскихъ вздыхателей и обожателей: въ чуйкахъ, сюртукахъ и даже во фракахъ (мѣстной постройки) и въ перчаткахъ (фильдекосовыхъ, разумѣется); обожателей плейбейскихъ, гильдейскихъ и дворянскихъ, напрашивавшихся въ утѣшители покинутой, заброшенной красавицы, и обѣщавшихъ услаждать ея одиночество. И повторила эта заброшенная Ирина въ Солигаличѣ игру Даши въ Варшавѣ, игру въ щелчки. Но тамъ щелчки давались въ носъ одному только юношѣ, а здѣсь—всѣмъ соискателямъ, всѣмъ, кромѣ одного... съумѣвшаго растопить ледяную кору и разбудить спящее сердце красавицы. И то лишь послѣ долгой и упорной борьбы. За то же и побѣда была полная, блистательная. И трофеи солигаличскаго тріумфатора были несравненно обаятельнѣе, заставляли биться его сердце отъ несравненно большихъ гордости и счастія, нежели трофеи тріумфаторовъ римскихъ.

Итакъ, къ 27-ми медалямъ слѣдуетъ прибавить еще одну. Спрашиваю: найдется ли между служителями Марса и Беллоны хоть одинъ такой герой, который былъ бы украшенъ 28-ю медалями? А между служителями Купидона нашелся: это—вашъ покорнѣйшій слуга. Чѣмъ же я не герой? Двадцать восемь кампаній!!!... Хоть куда герой! Вѣдь и самъ Александръ Македонскій, этотъ яко бы «великій человѣкъ» по мнѣнію одного изъ лицъ «Мертвыхъ душъ»; и Юлій Кесарь — великій ли это человѣкъ, не могу вамъ доложить, «поэлику» въ «Мертвыхъ душахъ» объ немъ ничего не сказано, — итакъ, ни одинъ изъ этихъ «ироевъ» сѣдой древности (препочтенная дама) не дѣлалъ, сколько мнѣ это извѣстно (съ Квинтъ Курціемъ и Гиббономъ не справлялся,—некогда) по двадцати восьми кампаній. А вашъ покорнѣйшій слуга сдѣлалъ. Неу-

жели не поставятъ мнѣ монумента, сирѣчь памятника? Это будетъ очень не любезно, какъ со стороны потомковъ, такъ и современниковъ. Поэтому я хочу, я требую себѣ памятника еще при жизни. Чѣмъ же я хуже Виктора Гюго! А вѣдь ему собираются же поставить памятникъ. Завтра же подаю прошеніе съ требованіемъ себѣ монумента, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Даю на это сроку полгода. «Больно мало», кричитъ г. Микѣшинъ съ братіей. Эдакъ и одну смѣту не успѣешь сочинить. А вѣдь «смѣта—всему дѣлу голова». Ну годъ и ни дня болѣе. А не то—жалоба. Да кому? Прошеніе о монументѣ хоть одному изъ тульскихъ мировыхъ. Но разумѣется не къ тому, что обозвалъ меня скандалистомъ. Ну а жалобу-то кому? Это похитрѣе; необходимо подумать... Ахъ, кабы процвѣталъ еще и нынѣ на Васильевскомъ Острову тотъ мировой, что разбиралъ когда-то сперва собаку съ двумя прохожими, а на самомъ концѣ засѣданія—меня съ кронштатскимъ мѣщаниномъ Филоновымъ (помните, читатель, въ *Mea Culpa?*). Ахъ, что это былъ за мировой! Прелесть! Краса природы и юриспруденціи! Собаку съѣлъ по части разбираній, въ особенности собакъ съ прохожими.

Но кончаю эту хронику, эту такъ сказать портретную галлерею съ 28-ю женскими головками, и заключу утвержденіемъ, что большая часть этихъ головокъ достойна кисти Грёза или карандаша Греведона. Но повторю: всѣ эти сердечныя кампаніи начинались и кончались весьма мирно, безъ всякихъ бурныхъ сценъ, безъ жалобъ, безъ упрековъ и безъ раскаянія. А о какихъ нибудь проклятіяхъ, о воплях, убиваніяхъ или просто побиваніяхъ не было и помину. Одно только было исключеніе «Лидія Звольская» (см. «Зловѣщая Комета»). Но иногда не обходилось безъ слезъ, и порою обоюдныхъ и горькихъ. Но вѣдь слезы—вода, потекутъ и высохнутъ, не оставя послѣ себя слѣдовъ, кромѣ сладкихъ или горькихъ воспоминаній и сожалѣній о непрочности земнаго счастія. Прибавлю: не смотря на мои 28 сердечныхъ кампаній, салонныхъ донъ-жуановскихъ успѣховъ я не имѣлъ и не искалъ, кромѣ одного (опять зри «Зловѣщую Комету»). Но если не въ салонахъ, то въ сферахъ болѣе скромныхъ мнѣ не разъ посчастливилось. А въ этомъ скромномъ мірѣ несравненно болѣе неподдѣльнаго, натуральнаго, молодаго и свѣжаго, искренняго и правдиваго, чѣмъ въ бельэтажахъ, гдѣ наполовину, если не болѣе, все—поддѣлка, фальшъ, косметики и вата, а затѣмъ—разсчетъ, притворство, лицемѣріе и ложь, а порою и постыднѣйшая разнузданность современныхъ Мессалинъ, или — преданіе себя au plus offrant.

Извлеченіе изъ: «Мои Семидесятилѣтнія Воспоминанія».

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., 15.

ТРИ МАЯКА.

Къ зловѣщей кометѣ и къ Потерянному раю.

Да! Три маяка, три женщины возникали на распутіяхъ моей жизни: Александра, Софія и Ольга. Одна — когда я былъ еще въ цвѣтѣ лѣтъ; другая — когда я перевалился далеко за полдень; третья—когда начался уже мой закатъ. Была еще одна, тоже Софія, — моя вторая жена. Но это былъ уже не маякъ, а скорѣе погребальный факелъ, потому что, послѣ двухъ прелестныхъ, блаженныхъ медовыхъ мѣсяцевъ казавшагося счастливаго брака, она заболѣла и уже болѣе не выздоравливала. Въ продолженіи шести лѣтъ таяла, какъ свѣча, на моихъ глазахъ. Въ продолженіи шести лѣтъ я долженъ былъ быть зрителемъ продолжительной агоніи, долженъ былъ смотрѣть, какъ медленно погасала молодая жизнь, пока не погасла и не улеглась на вѣчный покой подъ огромнымъ чернымъ распятіемъ въ Москвѣ, среди ограды Алексѣевскаго монастыря. Объ этой страдалицѣ говорится подробно въ *Задушевной Исповѣди*. Тамъ же говорится *многого* (и еще въ *Поддѣлыщикахъ*, «Иллюстр. Вѣст.» 1881 года, №№ 2, 3, 4, 5 и 6) и объ индивидуумѣ, который разъ разъигрывалъ (въ 1847—1854 гг.) почетную, гуманную роль злаго рока и, съ тѣмъ вмѣстѣ, палача моего, а равно и страдалицы моей жены. Была и еще одна, но уже не маякъ и не факелъ, а *Зловѣщая комета*. Это—Лидія Александровна Звольская (псевдонимъ), которая сперва вознесла было меня высоко, унесла далеко, въ страну огненныхъ восторговъ и наслажденій, недоступныхъ рядовымъ человѣчества, но, въ то же время, и въ страну бурь и ураогановъ; опоила меня до экстаза, до головокруженія, неизвѣданнымъ, неизрѣченнымъ блаженствомъ; и все это для того только, чтобы не давъ остынуть огню поцѣлуевъ на моихъ устахъ; не давъ высохнуть въ моихъ очахъ слезамъ страстной любви и благодарности за минуты счастія,—сейчасъ же вызвать потоки разъѣдающихъ слезъ неизбывнаго горя и, прямо съ неба, низринуть въ пропасть безвыходнаго отчаянія!.. О, женщины, дщери грѣха и тщеславія; неисправимыя бун-

товщицы противъ святыхъ обязанностей жены и дочери; вѣчно покорныя рабыни послѣдней моды и щеголянья блестящими уборами, которые наичаще красятъ однѣ лишь сомнительныя, поддѣльныя прелести, а портятъ, уродуютъ настоящую молодость и красоту! Поумнѣете ли вы когда нибудь? Спадетъ ли когда либо съ вашихъ прекрасныхъ (только не у всѣхъ) очей густая повязка, сотканная изъ минутныхъ прихотей и наущеній блуждающаго, хаотическаго воображенія, или изъ возбужденій и алканій ненасытнаго лимфатическаго темперамента, по милости которыхъ зачастую выбираете вы то, что діаметрально-противоположно истинному вашему счастію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. А въ настоящемъ такъ легкомысленно, такъ близоруко порываете прочныя узы преданнаго вамъ сердца, которое такъ безжалостно, такъ зазорно промѣниваете на пышную обстановку перваго попавшагося вамъ на встрѣчу бездушнаго, лишь бы позолоченнаго болвана.

И всю эту эпопею изжитыхъ мною радостей и невзгодъ, восторговъ и страданій пряталъ я подъ вымысломъ, подъ иллюзіями и псевдонимами; а *Лебединую пѣснь* глубоко хоронилъ въ моемъ сердцѣ, и ревниво оберегалъ отъ чужихъ и нескромныхъ взоровъ... А теперь? Скоро насыплется толстый слой земли надъ моимъ прахомъ и отдѣлитъ *жившаго* отъ *живущихъ*.... Такъ и быть, подѣлюсь всѣмъ этимъ изжитымъ съ моими читателями передъ моимъ отъѣздомъ Туда, передъ моимъ послѣднимъ *прости*. Оставлю за собою, за верхнею стѣною моего тѣснаго будущаго жилища часть изъ гнета мрачныхъ моихъ воспоминаній, и частицу изъ сокровища воспоминаній свѣтлыхъ. Но къ дѣлу, къ тремъ маякамъ моей жизни, къ тремъ женщинамъ.

Во всѣхъ трехъ были черты поразительнаго сходства, это — живой, острый и быстрый умъ и необыкновенныя безкорыстіе и честность, и затѣмъ черты поразительнаго несходства, какое находится между поэзіей и прозой и еще—между характерами: идеально-прекраснымъ, совершеннымъ, и приближающимся къ совершенству, а наконецъ—далекимъ отъ совершенства.

Начну со второй, съ Софи Гемаръ. Это былъ настоящій, безъ всякой посторонней примѣси, ангелъ красоты, ангелъ ума, ангелъ доброты, ангелъ непорочности, ангелъ характеромъ. Вѣдь и называлась-то она, въ переложеніи на русскій обычай,—*Софья Ангеловна* (sic), да! Крестное имя ея отца было Ангелъ. Само собою разумѣется, что у Ангела и родиться долженъ былъ ангелъ. Вспоминаю малѣйшія о ней подробности; выхватываю и перечитываю ея письма изъ огромной переписки съ нею за три года. Самое маленькое письмо, прекраснаго, правильнаго мелкаго

почерка, имѣетъ 4 страницы. А большая ихъ часть въ 6, 8 и 12 стр. Въ первый годъ разлуки переписывались мы акуратно разъ въ недѣлю. Однажды, по случаю поѣздки моей на заводъ, я опоздалъ. Боже, какое тревожное письмо пришло отъ нее, съ мольбами, чтобы не повторялась болѣе такая неакуратность. Hé bien? Эти письма и то, что я слышалъ, чего я заслушивался изъ вдохновенныхъ, влюбленныхъ, страстныхъ устъ этой небожительницы, мимолетной гостьи земли (а частицу этихъ вдохновеній послушаютъ и мои читатели *Лебединой пѣсни о потерянномъ раѣ*, основанной не на фикціи, а на подлинномъ моемъ дневникѣ двадцатипятилѣтней давности); все что я читалъ въ ея чудныхъ глазахъ, угадывалъ изъ ея движеній, помимо ея пламенныхъ рѣчей: все это ясно, неопровержимо доказывало, что это была совершеннѣйшая изъ совершеннѣйшихъ женщинъ. Тщательно копался я въ воспоминаніяхъ, искалъ, шарилъ и все перешарилъ въ нихъ: не нашелъ ни малѣйшаго недостатка ни въ физической, ни въ умственной, ни въ нравственной ея красотѣ: совершенство, какъ есть совершенство. Какже помирить это съ извѣстнымъ афоризмомъ, сдѣлавшимся аксіомою: «нѣтъ и быть не можетъ совершенства на землѣ», оно — такъ. Какже быть? Вѣдь съ аксіомами не шутятъ: это—барыни презлющія, преехидныя; тотчасъ разозлятся и, если не откусятъ вамъ носъ, то поподчуютъ васъ страшнѣйшею пощечиной, а, не равенъ часъ, расцарапаютъ въ кровь всю физіономію. Ну, Богъ съ вами! успокойтесь, не злитесь на меня, мадамъ аксіомы; сдаюсь, покорнюсь вашему вердикту: Софи Гемаръ не была совершенство, и у ней нашелся недостатокъ, отыскалось *но:* она, какъ выражаются французы — *laissait beaucoup à désirer sous le rapport de la santé*. Да! здоровье ея прихрамывало. Но, вѣроятно, это входило въ планъ, въ расчетъ при созданіи Творцемъ этой физической, умственной и нравственной красоты: чтобы любимица его не загостилась на землѣ, въ юдоли плача, а поскорѣе возвращалась бы Туда, на родину, къ Творцу и Вседержителю: Онъ скучалъ, тосковалъ безъ нее и по ней. Да! При созданіи Вселенной, по Шопенгауеру, вкралась масса недостатковъ, масса громадныхъ міровыхъ НО; при созданіи же Софи, помоему, вкралось только одно, малехонькое *но*. Ergo: Софи Гемаръ была совершеннѣе самой Вселенной, и это въ силу Шопенгауеровской, и въ силу моей, Макаровской, системъ... Это вѣрно... Не вѣрите, Ѳомы невѣрные? Ладно. А когда прочтете *Лебединую пѣснъ о потерянномъ раѣ*, тогда, быть можетъ, и повѣрите.

Теперь о другомъ маякѣ моей жизни, объ Александринѣ Болтиной. Умомъ, сердцемъ и характеромъ вся въ Софи. Симпатическою красотою—

очаровательна, но далеко, далеко не идеалъ красоты, какъ Софи, съ которой только одному талантливому живописцу въ Лондонѣ удалось снять портретъ, вполнѣ схожій съ своимъ оригиналомъ. Затѣмъ всѣ остальные портреты и фотографіи, какъ работы ея брата, первокласнаго портретиста и фотографа, такъ и многихъ другихъ талантливыхъ художниковъ; всѣ фотографіи и портреты ея, помѣщаемые на разныхъ картинныхъ выставкахъ, далеко, далеко были ниже оригинала. Это было признано тогда въ Брюсселѣ всѣми, знавшими Софи Гемаръ, и склонявшимися передъ этой неземной, такъ сказать, геніальной красотой. Но чѣмъ совершенно разнились между собою эти двѣ женщины, такъ это складкою ума. Софи—воплощенная поэзія, которая ярко просвѣчивалась въ умѣ, въ чувствахъ, въ воображеніи, въ мысляхъ, во взорѣ, въ улыбкѣ, въ голосѣ, въ малѣйшемъ ея движеніи; отъ макушки до кончика носка, это была высокая поэзія, соединеніе поэзій Байрона, Пушкина и Мицкевича. И, въ этомъ я твердо увѣренъ, c'est un des articles de ma foi: женщины, подобной Софи, нѣтъ и не будетъ, обойди и перешарь хоть весь земной шаръ. Не спорю! найдете, какъ не найти въ миліардѣ земножителей, и не одну, а сотни, тысячи красавицъ, ухъ какихъ, забористыхъ, первый сортъ; да только не найдете ни одной, у которой было бы лишь одно *но*, малехонькое, какъ у моей дивной Софи. Поразсмотрите-ко хорошенько, построже любую изъ нихъ, хоть самую отборную изъ перлъ созданія, изъ подругъ, а чаще изъ игрушекъ, изъ куколокъ нашей жизни; поразглядите-ко попристальнѣе, такъ откроете не одно, а съ полдюжины, а часто и цѣлыхъ двѣ дюжины и хорошо если бы еще малехонькихъ *но*, а то часто пребольшущихъ НО. Слыхали мы про нѣкоторыхъ, а иногда и сами видѣли этихъ разныхъ *ангеловъ благодатныхъ* съ одной стороны, а съ другой... какъ бишь?.. Спросите у покойнаго Александра Сергѣича, автора Онѣгина, это—по его части.

Итакъ Софи, сверхъ красоты и ума, была высокая поэзія, воплощенная въ женщинѣ. Безпрестанно улетала она отъ земли куда-то, въ выси; улетала и уносила меня съ собою въ недосягаемыя пространства, въ безконечность. Александрина была проза, но звучная, гармоническая, проза Шатобріана, Пушкина и Тургенева. Гордо, благородно, величественною поступью ходила она по землѣ. Не любила она мечтать и восторгаться. Всегда ровная, благоразумная, осторожная и сдержанная, не только на седьмое, но и на первое небо никогда не заносилась она. — Зачѣмъ летать куда бы то ни было, когда наши крылья такія хрупкія, непрочныя: какъ разъ свалишься съ облаковъ и разобьешься въ пухъ и прахъ?—говаривалъ мой первый ангелъ хранитель. Еще: хотя была она

и сущій ангелъ доброты, кротости и, въ особенности, преданности, но, хотя и рѣдко, а проявлялись у нее вспышки, знаки нетерпѣнія, тогда какъ у Софи, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ самаго короткаго, близкаго съ нею общенія, я ни разу не замѣтилъ, не уловилъ у ней не только ни одной вспышки, но даже ни единаго знака нетерпѣнія; это было воплощеніе ангельскихъ кротости и незлобія, при блестящемъ, живомъ умѣ. Напротивъ, она постоянно сдерживила мою пылкую, вспыльчивую, почти нервную натуру, употребляла всю силу своего обаянія и вліянія на меня, чтобы исправлять, улучшать и мое внутреннее и внѣшнее *я;* закруглять мои манеры и движенія. При малѣйшемъ рѣзкомъ, желчномъ моемъ словѣ, или слишкомъ сильномъ сарказмѣ и отзывѣ о комъ нибудь, даже заслужившимъ это, Софи взглянетъ на меня такимъ внушительно-ласковымъ взглядомъ, покачаетъ своею прелестною головкою, быстро наложитъ на мой ротъ свою маленькую, бѣлорозовую ручку, а пальчикомъ другой погрозитъ на меня, но такъ мило, такъ любовно и промолвитъ своимъ мелодическимъ голосомъ:

— Tout doux, tout doux, cher ami (потише, потише, дружокъ), умѣрь свой пылъ, побереги его для поцѣлуевъ, которыми поишь ты меня, и которыми упиваюсь я такъ беззавѣтно.

Все это строго-исторически вѣрно. Клянусь въ томъ будущимъ моимъ свиданіемъ съ Софи Тамъ!

— A bas, ma plume! tu ne peux pas aller plus loin, — такъ говорилъ я въ моей *Poëme d'amour*, такъ скажу и теперь. Но нѣтъ! Еще нѣсколько словъ.

Вѣроятно найдутся философы и моралисты, по весьма удобной системѣ на чужой счетъ, которые скажутъ мнѣ: «счастливецъ! стыдись роптать на свою судьбу; напротивъ: благодари ее за то, что она позволила тебѣ полною чашею испить счастіе быть страстно, беззавѣтно любимымъ прекраснѣйшею, совершеннѣйшею изъ женщинъ. Благодари и благословляй ее за тѣ четыре мѣсяца неописуемаго, нечеловѣческаго блаженства, блаженства безплотныхъ духовъ на Небѣ. Стыдись, стыдись роптать и убиваться воспоминаніями объ утраченномъ счастьи, объ отлетѣвшемъ ангелѣ, и постарайся сдѣлаться достойнымъ соединиться съ нимъ Тамъ, у подножія трона Вседержителя, чтобы вмѣстѣ съ безплотными духами пѣть хваленія премудрости, всемогуществу и благости Предвѣчнаго».—А я отвѣчу вамъ, философамъ и моралистамъ: — Можно ли назвать счастливымъ того усталаго путника, изнемогающаго въ знойной и безводной пустынѣ, томимаго смертельною жаждою; назвать счастливымъ за то, что поднесутъ къ его воспаленнымъ, запекшимся губамъ

кубокъ освѣжительнаго нектара; дадутъ ему отпить глотокъ и, вырвавъ у него изъ рукъ этотъ кубокъ, выльютъ на распаленную землю божественное питье, позволивъ ему не утолить, а только пуще разжечь пожирающую его жажду? Можно ли назвать его счастливымъ?

Что до третьяго маяка, до Ольги, то объ этомъ — въ послѣдней книгѣ.

Скажу теперь лишь одно: очень, очень умна, природнаго ума—палата. Очень добра, до экзажераціи честна и безкорыстна, собою очень красива—была; но... laisse beaucoup à désirer sous le rapport de l'éducation et de l'instruction. Потомъ, вслѣдствіе тяжелыхъ, постоянно гнетущихъ, порою страшныхъ обстоятельствъ, она перестала быть маякомъ. А въ настоящую минуту я уже и не знаю, кто она?... Отъ міра, или не отъ міра сегоо?.. Вотъ уже 22 мѣсяца, какъ занемогла она раздраженіемъ нервовъ... Болѣзнь мучительная, страшная, неподдающаяся леченію ни тульскихъ, ни московскихъ, ни петербургскихъ врачей... Но довольно... Ни полслова болѣе... Мнѣ и такъ не въ моготу. Крѣплюсь, мужаюсь, но боюсь, чтобы не упасть...

Извлеченіе изъ: «Мои Семидесятилѣтнія Воспоминанія».

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., 15.

ИСТОРІЯ СОЗДАНІЯ СЛОВАРЕЙ

Н. МАКАРОВА.

Приложеніе къ „Моимъ семидесятилѣтнимъ воспоминаніямъ“.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

Когда я началъ приготовлять къ печати эти Воспоминанія, т. е. дѣлать многочисленныя прибавленія, цѣлыя главы и книги къ тому, что было написано мною 20 лѣтъ тому назадъ, я сейчасъ же обратился къ издателю одного Московскаго журнала съ предложеніемъ моего труда, пославъ при этомъ и конспектъ всего сочиненія, изъ котораго можно было судить о достоинствѣ матеріяла моихъ записокъ. Прибавилъ еще въ письмѣ, что о какомъ либо гонорарѣ нѣтъ и помину: пусть самъ издатель разсудить, чего стоитъ мой трудъ, я на все согласенъ. Даже, если найдутъ, что онъ ничего не стоитъ, кромѣ чести напечатанія, я и на то согласенъ. Проходитъ двѣ недѣли, ни строчки отвѣта, хоть бы изъ вѣжливости. Пишу такое же письмо къ издателю одного изъ Петербургскихъ журналовъ, — такой же результатъ. Не унываю и, по моему правилу — пробовать счастье до трехъ разъ, пишу въ Петербургъ къ издателю одного научнаго журнала. Черезъ нѣсколько дней получаю отъ него прелюбезное письмо, съ изъявленіемъ полной готовности помѣстить мой трудъ въ своемъ органѣ. Это былъ экс-военный человѣкъ, и потому привыкъ быть всегда и со всѣми вѣжливымъ и, ни въ какомъ случаѣ, не отвѣчать на вѣжливость невѣжливостью. Въ своемъ письмѣ, между прочимъ, съ военною откровенностью высказалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Долгомъ считаю предупредить, что страницы, не имѣющія ни историческаго, ни бытоописательнаго значенія, я выпущу». Тутъ я понялъ, что «Мои Воспоминанія» нисколько не подходятъ къ его научному органу, и потому рѣшился издавать на свой счетъ, о чемъ сейчасъ же извѣстилъ любезно-вѣжливаго издателя и поблагодарилъ его за любезный отвѣтъ и за откровенность. Еще въ письмѣ издателя находилось слѣдующее заявленіе: «Понадобится сказать въ предисловіи отъ

третьяго лица о личности автора и о его лексикографической дѣятельности».

Вполнѣ вѣрное и справедливое заявленіе: до сихъ поръ знаютъ, что я составилъ и издалъ недурные словари, а какъ они издавались и чего мнѣ это стоило, это неизвѣстно. Для пополненія этого пробѣла я перепечатываю брошюру: *Исповѣдь, но уже не предсмертная*, изданную въ 1867 году, и еще статью: *Путешествіе по дебрямъ славянской апатичности, дряблости и псевдомеценатства*, помѣщенную въ 131 номерѣ С.-Петербург. Вѣд. за 1880 годъ. Въ этихъ двухъ статьяхъ изложено рельефно и вѣрно исторія созданія раціональной лексикографіи, въ чемъ убѣдятся мои читатели, прочитавъ эту брошюру.

Помѣщаю еще здѣсь двѣ мои кореспонденціи въ голосѣ, благодаря которымъ удалось мнѣ избавить въ 1863 году 1-й мировой участокъ тульскаго уѣзда отъ окончательнаго ограбленія его хищнымъ письмоводителемъ мироваго посредника.

ИСПОВѢДЬ
НО УЖЕ НЕ ПРЕДСМЕРТНАЯ.

СОВРЕМЕННАЯ

ГРУСТНАЯ ПОВѢСТЬ *).

Недавно вышелъ въ свѣтъ «Полный Русско-Французскій Словарь» Н. П. Макарова. Появленіе этого учебнаго труда встрѣчено было весьма лестными отзывами въ петербургской журналистикѣ. Самое же имя издателя пробуждаетъ нѣкоторыя воспоминанія о давно-прошедшихъ событіяхъ, не имѣющихъ впрочемъ ничего общаго съ настоящею учебно-литературною дѣятельностью автора Словаря.

Лѣтъ 11 тому назадъ была напечатана въ «Спб. Вѣдом.» одна музыкальная программа, изъ которой явствовало, что нѣкто Н. Макаровъ, страстный любитель музыки вообще, а гитары въ особенности, желая поднять свой любимый, но упавшій инструментъ и вдохнуть въ него новую жизнь и силу, вознамѣрился устроить музыкальный конкурсъ и назначилъ изъ своего кошелька слѣдующія преміи: двѣ (въ 800 и 500 франковъ)—для композиторовъ за лучшія сочиненія для гитары, и двѣ такія же для гитарныхъ мастеровъ за наилучше-сдѣланныя гитары. Потомъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ той же газетѣ появились статьи Дамке о пребываніи г. Макарова заграницею, именно въ Брюсселѣ, о данномъ имъ тамъ концертѣ, о его конкурсѣ и вообще о его музыкальныхъ успѣхахъ заграницею. Затѣмъ, по возвращеніи г. Макарова въ С.-Петербургъ, имя его, какъ любителя-виртуоза, встрѣчалось на афишахъ нѣкоторыхъ благотворительныхъ концертовъ. Далѣе, въ концѣ 1859 года помѣщено было въ покойномъ «Современникѣ» довольно большое

---

*) Печатана отдѣльной брошюрой въ 1867 г.

беллетристическое произведеніе, подписанное именемъ г. Макарова, надѣлавшее тогда много шума и навлекшее на автора множество самыхъ злыхъ нападокъ и насмѣшекъ. Наконецъ, на рубежѣ 1861 и 1862 годовъ появилось въ печати еще нѣсколько романовъ (*Банкъ Тщеславія, Побѣда надъ Самодурами и Двѣ Сестрички*) все того же г. Макарова, изъ которыхъ второй вызвалъ, тоже въ одномъ покойномъ журналѣ, самыя злыя и грубыя нападки или, вѣрнѣе, ругательства, въ родѣ слѣдующихъ: «Авторъ заслуживаетъ медицинское пособіе.—Авторъ напалъ на насъ съ пѣною у рта»... и множество подобныхъ любезностей и обращиковъ вѣжливости. Потомъ смолкъ и этотъ гулъ, и за повтореніемъ имени г. Макарова послѣдовало глубокое пятилѣтнее молчаніе: нигдѣ не говорилось объ немъ ни слова, ни полслова, ни четверть слова: точно онъ въ воду канулъ. И вдругъ это имя является снова и заставляетъ говорить о себѣ. Изъ всего того, что до сихъ поръ было объ немъ писано другими и что онъ самъ написалъ, явствуетъ, что это неутомимый дѣятель на самыхъ разнообразныхъ и разнородныхъ поприщахъ, а именно: военномъ, откупномъ, музыкально-артистическомъ, заводскомъ, коммерческомъ (онъ былъ впродолженіи нѣскольнихъ лѣтъ СПб. купцомъ), беллетристическомъ, журнально-кореспондентномъ (онъ былъ нѣкоторое время кореспондентомъ «Голоса») и наконецъ учебно-литературномъ.

Зная хорошо автора недавно изданнаго Словаря, я считаю своимъ долгомъ сообщить объ немъ слѣдующія любопытныя и исторически вѣрныя подробности. По переселеніи своемъ изъ деревни, съ 1855 и по 1860 годъ г. Макаровъ жилъ въ С.-Петербургѣ по своимъ заводскимъ и коммерческимъ дѣламъ и для воспитанія своихъ дѣтей. Жилъ онъ не очень открыто, скромно, но съ комфортомъ: имѣлъ хорошую квартиру, свой экипажъ, ложу въ Итальянской оперѣ и одинъ вечеръ въ недѣлю, на который собирались его многочисленные и хорошіе знакомые. Но съ 1859 года жизнь его совершенно измѣнилась: ни вечеровъ, ни своего экипажа, ни ложи въ Итальянской оперѣ. Самъ онъ сталъ рѣдко показываться въ обществѣ, а наконецъ и совсѣмъ пересталъ бывать даже у своихъ короткихъ знакомыхъ. А если кто и встрѣчалъ его случайно, то онъ видимо тяготился этими встрѣчами, былъ молчаливъ, озабоченъ и печаленъ до угрюмости: видно было, что его снѣдала какая-то тайная скорбь. Наконецъ въ концѣ 1860 г. онъ вдругъ исчезъ изъ С.-Петербурга: никто не зналъ куда, зачѣмъ, надолго ли уѣхалъ онъ, потому что онъ ни съ кѣмъ не простился и потомъ ни къ кому не писалъ ни слова. Такъ прошло шесть лѣтъ. Наконецъ весною 1866 года, кто-то изъ его

знакомыхъ неожиданно встрѣтилъ его въ С.-Петербургѣ на улицѣ; начались объятія, лобызанія, распросы. Вѣсть эта скоро разнеслась между его знакомыми и нѣсколько дней послѣ этой встрѣчи нѣкоторые изъ нихъ собрались у него въ номерѣ гостинницы. Но Боже! какую страшную перемѣну нашли въ немъ: постарѣлъ, похудѣлъ, съ болѣзненнымъ, изнуреннымъ и убитымъ лицомъ, на которомъ лежала печать глубокихъ, невыразимыхъ душевныхъ страданій и безнадежнаго, безвыходнаго горя и отчаянія. Онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы послѣдовательно и ясно отвѣчать на наши вопросы, горе душило его и онъ сказалъ слѣдующее:

— Для чего я оставилъ Петербургъ, гдѣ я былъ, что дѣлалъ, отчего не писалъ никому, разсказать вамъ все это у меня не достанетъ ни силы, ни твердости. Но все это я изложу на бумагѣ, дамъ переписать съ этого нѣсколько экземпляровъ и разошлю къ вамъ; а вы дадите прочитать это другимъ моимъ знакомымъ.

И онъ сдержалъ свое обѣщаніе: многіе изъ его пріятелей получили отъ него исторію послѣднихъ лѣтъ его страшно испытуемой жизни, и при этомъ онъ приложилъ главу изъ неизданнаго своего романа «*Поддѣльщики*», которая очень вѣрно и ярко изображала одинъ эпизодъ изъ его недавно прошедшей жизни. Духъ захватывало, сердце надрывалось отъ болѣзненнаго чувства состраданія у каждаго, читавшаго эту грустную повѣсть, пропитанную кровавыми слезами невыразимыхъ душевныхъ мукъ и безутѣшнаго горя. Нѣкоторые изъ его пріятелей предложили ему напечатать эту, какъ онъ озаглавилъ, «*Предсмертную Исповѣдь*».

— Да сохранитъ меня Богъ отъ этого! Меня терзали, мучили, казнили. Осмѣяли даже мою никому не вредящую страсть къ музыкѣ, глумились надъ моимъ безкорыстнымъ служеніемъ искусству, сравнивая меня съ Ванькою (въ № 272 «Сѣверной Пчелы», 1859 г.), съ Абиссинскимъ маэстро (въ № 15, «Искры» 1860 г.), гдѣ помѣстили меня между мѣднымъ носорогомъ и оловяннымъ осломъ; и Богъ знаетъ еще съ кѣмъ. Да видно я живущъ: всячески убивали меня, но не убили; я все еще живу, тружусь, работаю безъ отдыха и безъ устали и не теряю надежды сдѣлать что нибудь полезное для общества. Но если теперь напечатать мою *Предсмертную Исповѣдь*, то меня навѣрное убьютъ; никто не повѣритъ моей искренности и всѣ закричатъ: «реклама, реклама, шарлатанство»... и добьютъ меня окончательно. Не *réhabilitation*, а *coup de grâce* можетъ вызвать моя Предсмертная Исповѣдь. Смерть для меня не страшна, напротивъ... Жаль только одного: она помѣшаетъ мнѣ приложить пріобрѣтенную уже мною лексикографическую опытность къ со-

вершенію другаго важнаго и обширнаго труда: «Полнаго Французско-Русскаго Словаря», который, во многихъ отношеніяхъ, далеко превзошелъ бы мой теперешній трудъ, надъ которымъ я только учился и, подъ конецъ, вполнѣ изучилъ дѣло лексикографіи.

Мы не настаивали. Вскорѣ послѣ того началось печатаніе словаря; потомъ въ февралѣ сего 1867 г. вышла изъ печати первая часть его и объявлена была подписка. Подписчиковъ явилось мало: не довѣряли и думали, что надуваютъ, дали 1 часть, а вторая не выйдетъ, какъ это дѣлали уже съ публикою многіе издатели. Наконецъ, въ іюлѣ вышла и вторая часть. Всѣ мы, знакомые автора Словаря, со страхомъ и трепетомъ ожидали, какой пріемъ сдѣлаетъ его труду наша періодическая пресса и публика. Мы знали, какой высоко-гуманный и нравственный и, съ тѣмъ вмѣстѣ, какой грозный вопросъ соединенъ былъ съ успѣхомъ этого громаднаго труда, задуманнаго и оконченнаго въ три года и однимъ лицомъ. Что же касается самого автора, онъ былъ покоенъ; все уже въ немъ перекипѣло, застыло и замерло, и онъ съ непоколебимою твердостью и непреклонною рѣшимостью ждалъ послѣдняго рѣшенія—*быть или не быть*... Наконецъ судьба улыбнулась многолѣтнему страдальцу и отвела мечъ Дамокла, висѣвшій впродолженіи семи лѣтъ надъ его головою. Нѣкоторыя газеты отозвались о немъ весьма одобрительно. А въ іюньской книжкѣ «Журнала Мин. Нар. Просв.» была посвящена большая статья подробному разбору этого капитальнаго труда. Въ этой дѣльной статьѣ, написанной спеціалистомъ, отдавалась полная справедливость заслугѣ лексикографа. Затѣмъ въ № 188 «Journal de St-Pétersbourg», помѣщена была превосходная статья, отличающаяся безпристрастнымъ и благороднымъ тономъ и заключающая самыя лестныя похвалы обширному труду и той огромной пользѣ, какую этотъ трудъ долженъ принести образованной публикѣ.

По мѣрѣ появленія этихъ благосклонныхъ отзывовъ мы оживали, дышали свободнѣе и съ радостью замѣчали, какъ разъяснялось мало по малу и чело нашего пріятеля и сбѣгали съ него мрачныя тучи хронической печали. И онъ оживалъ подъ благотворнымъ, живительнымъ вліяніемъ отдаваемой ему справедливости.

Въ настоящее время Словарь одобренъ ученымъ комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія.

Все это вмѣстѣ обезпечило вполнѣ успѣхъ Словаря и отвело ему почетное мѣсто между учебными книгами. И потому знакомые г. Макарова снова обратились къ нему съ просьбою — разрѣшить напечатаніе

присланныхъ имъ статей: *Предсмертная Исповѣдь* и *Глава изъ ненапечатаннаго романа*, предпославъ имъ краткое изложеніе предшествующихъ событій. Долго колебался онъ, не рѣшался и все еще боялся чего нибудь недобраго со стороны нѣкоторыхъ безпардонныхъ борзописцевъ, для которыхъ нѣтъ ничего святаго, почетнаго и неприкосновеннаго; боялся какихъ нибудь новыхъ обвиненій, насмѣшекъ и оскорбленій, которыхъ и такъ уже не мало перенесъ онъ. Просьбы эти возобновлялись нѣсколько разъ; и наконецъ удалось побѣдить его нерѣшительность и получить давно желаемое рѣшеніе—напечатать то, что прислалъ онъ намъ весною 1866 г. Изъ этихъ двухъ статей видно, до чего можетъ довести фанатизмъ честности и какую несокрушимую волю и настойчивость способенъ вдохнуть онъ. Только этимъ и можно объяснить возможность сдѣлать одному въ три года то, что другіе и вдвоемъ не успѣли бы сдѣлать въ шесть лѣтъ. Намъ остается только пожелать отъ всей души, чтобы не заподозрили святую истину нашихъ словъ и чистоту нашихъ намѣреній, и чтобы разсказъ этотъ получилъ характеръ не *coup de grâce*, а *réhabilation* въ полномъ смыслѣ этого французскаго слова. Будемъ ожидать и надѣяться... Какъ ни тонетъ иногда правда въ омутѣ пристрастія и несправедливости, но рано ли, поздно ли, она всплываетъ на верхъ. Иначе справедливость была бы однимъ пустымъ звукомъ, ложнымъ миражемъ.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ИСПОВѢДЬ.

КОНФИДЕНЦІАЛЬНО (для не многихъ).

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ былъ затѣянъ одинъ уголовный процессъ, долженствовавшій кончиться или оправданіемъ, или смертнымъ приговоромъ. Процессъ этотъ былъ затѣянъ Макарову его злою судьбою, въ лицѣ одного недобраго человѣка, отравившаго половину его жизни. Ходъ этого процесса былъ изложенъ имъ и напечатанъ въ ноябрьской книжкѣ *Современника* за 1859 годъ, подъ заглавіемъ *Задушевная Исповѣдь*. Это была, такъ сказать, его жалоба въ судъ общественнаго мнѣнія; жалоба, которая встрѣтила въ нѣкоторой части публики полное сочувствіе, выразившееся во множествѣ писемъ, полученныхъ имъ съ разныхъ концовъ Россіи. Но не то встрѣтилъ онъ у нѣкоторыхъ другихъ лицъ: вмѣсто сочувствія къ его несчастіямъ и страданіямъ, на

него посыпались насмѣшки, обвиненія, оскорбленія. И при этомъ было забыто и попрано самое первое правило гуманности и великодушія, такъ хорошо выраженное французскимъ стихомъ: *Respecte le malheur, si tu ne le plains pas* (уважай несчастіе, если не сожалѣешь о немъ), и еще русскою пословицею: *Лежачаго не бьютъ*. Такое жестокосердіе въ отношеніи его можно объяснить развѣ только тѣмъ, что гораздо удобнѣе принять сторону сильнаго противъ слабаго, чѣмъ наоборотъ. Между тѣмъ сбылись съ ужасающею точностію пророческія опасенія, высказанныя въ слѣдующихъ строкахъ *Задушевной Исповѣди:*

«Передо мною — перспектива разоренія и нищенства съ двумя малолѣтними дѣтьми» (стр. 206).

Въ 1860 году, вслѣдствіе денежнаго кризиса, онъ долженъ былъ ликвидировать свои дѣла и продать свой заводъ за 4000 р., тогда какъ онъ стоилъ ему 40,000 р., и когда еще въ 1859 году онъ могъ взять за него 20,000 р. Макаровъ былъ въ конецъ разоренъ. Отдавъ своимъ кредиторамъ эти деньги и свое костромское имѣніе (120 душъ), онъ затѣмъ остался, на старости лѣтъ, безъ состоянія и безъ куска собственнаго хлѣба. Мало того: на немъ оказался еще значительный долгъ.

Итакъ, процессъ Макарова съ судьбою былъ рѣшенъ противъ него, и грозный приговоръ произнесенъ передъ судомъ его собственной и неумолимой совѣсти, приговоръ заранѣе формулированный въ слѣдующихъ строкахъ *Задушевной Исповѣди:*

«Разореніе я перенесъ бы съ твердостію и терпѣніемъ; но несостоятельность — никогда. Поэтому одна мысль о банкрутствѣ леденила мнѣ кровь и вѣяла на меня холодомъ могилы» (стр. 202). Оставалось исполнить этотъ приговоръ, къ чему все уже было готово. Но, вслѣдствіе посѣщенія его тогда однимъ изъ его старыхъ товарищей и пріятелей, и длиннаго, откровеннаго съ нимъ разговора, онъ согласился пріостановить исполненіе приговора, и пріостановить не изъ малодушнаго желанія выторговать себѣ нѣсколько лѣтъ разбитой и опозоренной банкротствомъ жизни, а для того, чтобы *взять апелляцію на приговоръ судьбы, въ надеждѣ выиграть дѣло въ высшей инстанціи,* т. е. изыскать средства заработывать деньги на уплату своего долга и на свое прожитье. Съ этою цѣлію въ ноябрѣ 1860 года онъ уѣхалъ въ небольшое тульское имѣніе его дѣтей (124 души). Отдохнувъ и собравшись съ силами отъ потрясенія, произведеннаго страшнымъ переворотомъ въ его жизни, онъ взялся за перо и въ короткое время написалъ нѣсколько романовъ и еще заготовилъ планы для многихъ другихъ, надѣясь, что они будутъ помѣщены въ журналахъ. Съ этою надеждою пріѣхалъ онъ

въ Петербургъ въ сентябрѣ 1861 года и обратился къ покойному Добролюбову, который принялъ его съ своею обычною привѣтливостію, и съ полнымъ сочувствіемъ взялъ у него одну изъ его рукописей и просилъ придти черезъ недѣлю за отвѣтомъ. Но черезъ недѣлю Добролюбовъ лежалъ уже въ постелѣ, а еще черезъ недѣлю его не стало на свѣтѣ. Со смертію этого прекраснаго молодаго человѣка умерли и всѣ тогдашнія надежды Макарова: ни одинъ изъ его романовъ нетолько не былъ напечатанъ, но даже не былъ принятъ къ разсмотрѣнію. Незнакомый съ условіями литературныхъ успѣховъ, онъ рѣшился издать на свой счетъ, и три изъ своихъ романовъ напечаталъ на свои послѣднія средства. Одинъ изъ этихъ романовъ былъ не разобранъ, а разруганъ. Другіе же два не удостоились и этой чести: объ нихъ ни слова не говорилось въ журналахъ; даже не было упомянуто о ихъ выходѣ. И потому романы его были убиты при ихъ рожденіи и погребены въ книжн. магазинѣ Овсянникова, безъ малѣйшей надежды на воскресеніе, т. е. на продажу.

Итакъ, *апелляціонное дѣло Макарова было проиграно во второй инстанціи*, и смертный приговоръ остался во всей своей силѣ. Убитый, уничтоженный, въ страшномъ состояніи духа возвратился онъ въ деревню, гдѣ болѣе года походилъ на живаго мертвеца и ни за что не могъ приняться. Но онъ рѣшился еще разъ отсрочить исполненіе грознаго приговора: его ужасала не смерть, которая, напротивъ, была бы для него благодѣяніемъ и успокоеніемъ отъ ужасныхъ потерь и душевныхъ страданій, громоздившихся и позади, и впереди его, и сдѣлавшихся наконецъ безотвязными спутниками, назойливыми гостями его измученной жизни. Ужасала же его мысль, что на его честное имя, на его окровавленныя кости ляжетъ позоръ несостоятельности, съ которою не могъ онъ ни примириться, ни свыкнуться. Уже давно созналъ онъ необходимость полнаго русско-французскаго словаря, и въ немъ зрѣла мысль составленія такого словаря. Черезъ полтора года послѣ несчастной своей поѣздки въ Петербургъ, онъ приступилъ къ осуществленію этой мысли: это была *его апелляція въ высшую и послѣднюю инстанцію*.

И вотъ онъ засѣлъ за громадный, головоломный трудъ и тѣмъ болѣе тяжелый, что работая въ деревнѣ, ему не съ кѣмъ было посовѣтоваться, кромѣ груды разныхъ словарей, которыми онъ былъ обложенъ. Вставалъ онъ въ 6 часовъ утра, ложился въ 11 вечера. Изъ этихъ 17 часовъ только два съ половиною употреблялись на отдыхъ, который состоялъ въ получасовомъ упражненіи музыкою, и въ двухчасовомъ чтеніи газеты. Но и это чтеніе состояло въ связи съ его лексикографическими занятіями. Нарочно для этого выписывалъ онъ *Journal de St-Pétersbourg*,

который читалъ съ напряженнымъ вниманіемъ въ отношеніи французской терминологіи и фразеологіи, и почти ежедневно вписывалъ въ свой словарь по нѣскольку французскихъ переводныхъ словъ, или по нѣскольку оборотовъ и фразъ. Другаго отдыха онъ не допускалъ и не понималъ. Онъ считалъ, что онъ не долженъ имѣть никакой собственности, ничего своего: его время, труды, голова, руки, ноги, тѣло, вся его кровь принадлежитъ его кредиторамъ, въ рабствѣ у которыхъ долженъ онъ находиться до тѣхъ поръ, пока не уплатитъ имъ послѣдней копѣйки своего долга. Внѣ этой уплаты одна только смерть могла бы прекратить это рабство. Для него, каторжника своихъ правилъ, убѣжденій, обязательствъ и своей неумолимой совѣсти, не было даже праздниковъ, какъ для обыкновенныхъ каторжниковъ: и въ Рождество, и въ Новый годъ, и въ Свѣтлое Воскресенье онъ все такъ же работалъ отъ 6 часовъ утра и до 11 вечера.

Съ одной стороны, такая усиленная работа была для него вродѣ хлороформа, или, вѣрнѣе, опіума: поглощая все его существо, она отвлекала его мысли отъ его жизненной обстановки, которая съ каждымъ мѣсяцемъ ухудшалась и становилась мрачнѣе, тошнительнѣе вслѣдствіе переворота въ жизни русскихъ дворянъ землевладѣльцевъ. Съ 1861 г. доходы съ имѣній стали уменьшаться и упали наконецъ до одной трети прежняго дохода. Но при его умѣньи отказывать себѣ во всемъ и переносить величайшія лишенія, онъ могъ бы еще существовать и съ третью прежняго дохода. Но онъ долженъ былъ посылать бо̀льшую часть его въ Петербургъ на содержаніе сына студента. И затѣмъ на его собственное прожитье оставались самыя скудныя крохи. Сперва отпустилъ онъ человѣка, потомъ повара, такъ что въ домѣ у него осталась одна женщина, исправлявшая должность и лакея, и кухарки, и прачки. Однимъ словомъ, содержаніе его сдѣлалось хуже, чѣмъ было содержаніе его прежнихъ слугъ: и ѣлъ онъ, и одѣтъ онъ былъ хуже ихъ... Съ другой стороны, необычайно усиленныя его занятія и сидячая жизнь начали гибельно отражаться на его здоровьѣ. Сперва появились болѣзненныя схватки въ поясницѣ, потомъ сильнѣйшія головныя боли; но онъ не обращалъ на это вниманія, побѣждалъ въ себѣ чувство физической боли и продолжалъ работать попрежнему. Наконецъ, черезъ полтора года такой каторги произошелъ взрывъ болѣзни. Онъ поспѣшилъ въ Тулу: оказалось сильнѣйшее воспаленіе; поставили множество піявокъ. Это облегчило его и остановило дальнѣйшее развитіе болѣзни. Отдохнувъ въ Тулѣ одинъ день, онъ возвратился въ деревню, гдѣ отдохнулъ еще часа три въ постелѣ и потомъ, сгорбленный, сморщенный, снова за геркулесовскій трудъ. Но

что всего болѣе ужасало его, такъ это возможность потерять зрѣніе, которое ослабѣло такъ, что однихъ очковъ было мало: онъ употреблялъ еще лорнетку. Потомъ и этого было недостаточно для разобранія мелкаго шрифта нѣкоторыхъ словарей: онъ прибѣгнулъ къ большому увеличительному стеклу.

И такая жизнь продолжалась около трехъ лѣтъ. Правда, онъ могъ бы кончить свой трудъ гораздо ранѣе, еслибы онъ работалъ не такъ добросовѣстно и довольствовался тѣмъ, чѣмъ довольствуется большая часть различныхъ дѣятелей, а именно: работать по крайнему уразумѣнію и не убиваться судорожно-напряженнымъ вниманіемъ о томъ, чтобы сдѣлать сколь возможно лучше. Медленно подвигаясь впередъ по алфавитному лексикографическому пути, онъ безпрестанно возвращался назадъ, исправлялъ или пополнялъ то, что было сдѣлано. Есть множество словъ, какъ напр. *Время, Выходить, Взять, Дѣло, Мѣсто* и мн. другихъ, къ которымъ возвращался онъ болѣе двадцати разъ, наполнялъ запасные столбы и потомъ дѣлалъ еще приклейки снизу, сверху и съ боковъ. Сколько разъ случалось, что ночью, въ просонкахъ, ему приходило на мысль слово, оборотъ или фраза. Онъ сейчасъ же зажигалъ свѣчу, вставалъ, справлялся съ написаннымъ и вписывалъ эти слова, если они не были вписаны.

Наконецъ трудъ его конченъ. Онъ сдѣлалъ новый долгъ, чтобы издать его и, сверхъ того, разстроилъ свое здоровье и нажилъ нѣсколько хроническихъ недуговъ. И теперь настала для него минута грозная, торжественная, минута *окончательнаго суда его апелляціоннаго дѣла и произнесенія окончательнаго надъ нимъ приговора: быть или не быть*. Судъ присяжныхъ, это — вся русская читающая и въ особенности учащаяся публика. Прокуроръ-обвинитель — его собственная совѣсть, не допускающая никакихъ облегчительныхъ обстоятельствъ, кромѣ одного: всецѣлой уплаты его долга. Постановители и произносители приговора, это — русская періодическая пресса, у которой онъ проситъ не похвалъ, нѣтъ! а суда, хотя бы и строгаго, но справедливаго. Пусть удостоятъ его трудъ разбора, но да не убиваютъ его безусловнымъ порицаніемъ и голословною бранью или, что еще хуже, гробовымъ молчаніемъ, какъ это дѣлали съ его прежними литературными произведеніями, написанными и изданными не изъ спекуляціи и не изъ тщеславія, а для избѣжанія несостоятельности, т. е. для спасенія своей чести и жизни. Страшное, ожесточенное гоненіе выдержалъ онъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Все было въ союзѣ съ его злою судьбою и противъ него. Печатнымъ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ не было конца.

Его ставили на одну доску съ самыми осмѣянными, ошиканными и непочетными именами, съ героями наглаго шарлатанства, жалкой бездарности и самыхъ постыдныхъ продѣлокъ. А за что?.. Никому не сдѣлалъ онъ умышленно зла; никому ни въ чемъ не мѣшалъ; ни у кого не перебивалъ дороги. Совѣсть его чиста и не упрекнетъ его ни въ одномъ дурномъ дѣлѣ, ни въ одной неблагородной мысли, отъ которой бы онъ могъ покраснѣть; не упрекнетъ ни въ чемъ, кромѣ невольной, независившей отъ него несостоятельности, для которой эта совѣсть неумолима и безпощадна. Если же и можно за что упрекнуть его, то развѣ за то, что онъ не всегда умѣлъ быть хладнокровнымъ, за то, что не могъ переносить равнодушно незаслуженныхъ оскорбленій, за то, что слишкомъ строго понималъ законы чести, и наконецъ за то, что слишкомъ страстно любилъ правду, поклонялся ей и высказывалъ ее всегда и всѣмъ, и даже печаталъ, не щадя самого себя и сознаваясь откровенно въ своихъ прошедшихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ. Но развѣ это такіе пороки, развѣ это преступленія, за которыя слѣдуетъ лишить честнаго человѣка права на всякое снисхожденіе, права на безпристрастный судъ, на заявленіе своей дѣятельности, на честный трудъ; право, такъ сказать, *дышать воздухомъ и пользоваться свѣтомъ и тепломъ*, которые должны быть достояніемъ всего живущаго. Но у него именно оспаривали и отнимали всѣ эти права, лишая его малѣйшаго поощренія, убивая въ немъ всякую надежду на успѣхъ, всякую охоту трудиться и ставя его, такъ сказать, внѣ закона, внѣ всякаго суда и разбора. Его только обвиняли и оскорбляли, но ни одного голоса не раздалось въ его защиту. Никто не подумалъ о томъ, что ничего нѣтъ легче, какъ быть обвинителемъ и хулителемъ, и что, съ другой стороны, если и труднѣе, то гораздо почетнѣе роль защитника или безпристрастнаго судьи. Неужели и въ этомъ торжественномъ случаѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи чести и жизни гражданина и семьянина, и когда для этого спасенія требуются не подписки, не пожертвованія, не благотворительные спектакли, а только добросовѣстная оцѣнка добросовѣстнаго труда, въ которомъ нуждается вся Россія; неужели и теперь ему тоже будетъ отказано въ судѣ и въ правдѣ? Неужели придется допустить грустную мысль, что у насъ въ Россіи съ честнымъ человѣкомъ поступаютъ иногда гораздо хуже, чѣмъ поступаютъ съ величайшимъ преступникомъ и злодѣемъ на западѣ, гдѣ не отказываютъ ему ни въ судѣ, ни въ правдѣ, ни въ защитникѣ, ни въ снисхожденіи къ облегчительнымъ обстоятельствамъ? О, да минуетъ его эта горькая чаша, которыхъ и такъ уже много испилъ онъ до дна.

Слишкомъ шесть лѣтъ прошло со времени его разоренія и нищеты. Молча страдалъ онъ и несъ тяжелый крестъ, который нѣсколько разъ грозилъ раздавить его. И во время этого длиннаго, мученическаго пути ни отъ кого ни одного утѣшительнаго слова, а напротивъ: потѣшались бросаніемъ въ него грязью и камнями, и увеличивали до-нельзя тяжесть и безъ того тяжелаго креста, и трудность тернистаго пути, а въ особенности *трудность борьбы съ усталостію и съ отвращеніемъ къ жизни.* Но наконецъ пробилъ урочный часъ, когда дальнѣйшее молчаніе сдѣлалось для него невозможнымъ, и онъ рѣшается прервать его отчаяннымъ воплемъ погибающаго, который взываетъ о помощи и спасеніи не отъ смерти, которой онъ не боится, а отъ пытки несостоятельнаго должника. Изданіемъ своего лексикографическаго труда онъ взываетъ къ русской публикѣ: пусть рѣшитъ она, чего онъ стоитъ и чѣмъ должно быть это воззваніе — *его спасительною или предсмертною исповѣдью*.

ГЛАВА XIV. (изъ неизданнаго романа).

На дорогѣ въ вѣчность.

Мы оставили Дебрина въ безвыходномъ положеніи, которое не улучшилось. Сверхъ разоренія, ему угрожалъ позоръ несостоятельности. Вотъ чего не могла вынести его честная душа, и что терзало и жгло огнемъ пытки его умъ и душу. Мысль о неизбѣжномъ банкротствѣ парализировала всѣ его способности, убивала въ немъ всякую дѣятельность. Онъ не могъ ни за что приняться, потому что ему повсюду чудились страшныя слова: банкротство, банкрутъ. Раскроетъ книгу: буквы прыгаютъ въ его глазахъ и образуютъ изъ себя все одни и тѣ же слова: банкротство, банкрутъ. Примется за музыку — и струны, казалось, звучатъ словами: банкрутъ. Вздумаетъ писать — и перо, словно околдованное, пишетъ: банкрутъ.

Голова его пылаетъ, а по тѣлу пробѣгаетъ дрожь...

Онъ выйдетъ на улицу, пойдетъ скорыми шагами по тротуару, доберется до Невскаго Проспекта, надѣясь освѣжиться и забыться въ толпѣ пѣшеходовъ. Но и тамъ ему мнится, что каждый прохожій, при встрѣчѣ съ нимъ, говоритъ: банкрутъ... И онъ еще скорѣе возвращается домой, и потомъ цѣлую недѣлю никуда ни шагу. Ляжетъ на диванъ и лежитъ по цѣлымъ часамъ въ лихорадочномъ забытьи. А въ головѣ его, точно

удары молота, раздаются слова: банкрутъ, банкрутъ. Потерялъ онъ и сонъ, и аппетитъ и сдѣлался скелетомъ. Смертельная тоска впилась ему въ сердце, и день и ночь грызла его безъ перемежки. Наконецъ нравственныя страданія его достигли той степени, изъ которой только два исхода — помѣшательство или самоубійство.

Въ эти грозныя минуты онъ вспомнилъ о подрядчикѣ, застрѣлившемся за годъ передъ тѣмъ. Это былъ нѣкто Леденевъ, когда-то артиллерійскій офицеръ и порядочный человѣкъ. Дебрину казалось, что онъ протягивалъ къ нему изъ вѣчности свои окровавленныя руки: одною подавалъ ему заряженный пистолетъ, а другою манилъ его къ себѣ, говоря: «банкрутъ къ банкруту». И Дебринъ повторялъ: «банкрутъ къ банкруту, пора, пора, туда, къ Леденеву, въ вѣчность»... И наконецъ рѣшился покончить съ пасквилью жизни.

Вслѣдъ за этимъ рѣшеніемъ почувствовалъ онъ большое облегченіе въ своей груди, и нравственная пытка его почти прекратилась. Онъ былъ мраченъ, но спокоенъ и холоденъ. Рѣшимость самоубійства, это — хлороформъ для страданій души, это — канунъ освобожденія для крѣпостнаго арестанта. Даже сонъ и аппетитъ возвратились къ нему. Совершенно въ нормальномъ состояніи духа отправился онъ въ оружейный магазинъ, выбралъ пару небольшихъ и недорогихъ пистолетовъ, и покупая торговался и выторговалъ нѣсколько рублей. Затѣмъ досталъ пороху и пуль.

Не задолго передъ тѣмъ онъ прочиталъ въ газетахъ извѣстіе о самоубійствѣ одного парижскаго доктора Оссандона. Это былъ очень умный и веселый человѣкъ, любимый и уважаемый всѣми. Съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго, однакожъ, онъ оправился и выздоровѣлъ. Но, какъ опытный медикъ, онъ зналъ, что ударъ повторится, и сильнѣе прежняго. Безпрестанныя опасенія и ожиданія этого непріятнаго событія смертельно ему надоѣли, и онъ рѣшился предупредить его. Однажды заходитъ къ нему одинъ изъ его пріятелей и говоритъ:

— Что это, другъ мой, васъ нигдѣ теперь не видать? А если кто и встрѣтитъ васъ, то не узнаетъ, такъ вы перемѣнились; изъ веселаго сдѣлались задумчивы и мрачны.

— Знаете ли что мнѣ сейчасъ пришло въ голову? спросилъ докторъ пріятеля, вмѣсто того, чтобы самому отвѣчать на его вопросъ.

— Что такое?

— А вотъ что: если вы вздумаете когда-нибудь лишить себя жизни, то, чтобы сдѣлать это безъ малѣйшихъ страданій, распорядитесь такъ:

возьмите небольшой пистолетъ, зарядите его и ощупайте на лѣвой сторонѣ груди то мѣсто, гдѣ бьется сердце, а именно вотъ здѣсь.

Тутъ докторъ ощупалъ у пріятеля то мѣсто, гдѣ кончается послѣднее лѣвое ребро, и продолжалъ:

— Послѣ этого возьмите въ правую руку пистолетъ, взведите курокъ, оборотите дуло къ груди, а лѣвую наставьте его на то мѣсто, которое сейчасъ указалъ я вамъ, и смѣло спускайте курокъ. Ручаюсь честію, что смерть будетъ мгновенна, безъ малѣйшаго страданія.

— Что за странная идея пришла вамъ въ голову, любезный другъ? отвѣчалъ пріятель доктору.

— Это совѣтъ знатока, который, можетъ быть, и пригодится кому нибудь.

— Только ужъ не мнѣ.

— Не вамъ, такъ другому.

Пріятель ушелъ. А на другой день, къ крайнему своему огорченію, прочелъ въ парижскихъ газетахъ извѣстіе, что «всѣми уважаемый докторъ Оссандонъ застрѣлился въ своемъ кабинетѣ. Пуля попала прямо въ сердце и смерть была мгновенна».

Это газетное извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на Дебрина, и съ тѣхъ поръ не выходило у него изъ головы. Въ особенности поразила его противоположность, какая находилась между искуснымъ самоубійствомъ доктора и неловкостію подрядчика, который тоже выстрѣлилъ себѣ въ грудь, но только немного ниже послѣдняго ребра, такъ что пуля прошла между сердцемъ и легкимъ, ударилась въ правое ребро и, отскочивъ отъ него, засѣла въ спинномъ хребтѣ. И вмѣсто мгновенной смерти, бывшій артиллеристъ прожилъ и прострадалъ еще три недѣли.

Дебринъ сравнилъ оба эти случая и, принявъ къ свѣдѣнію совѣтъ Оссандона, заранѣе изучилъ роковое мѣсто на своей груди, сдѣлалъ нѣсколько репетицій съ незаряженымъ еще пистолетомъ и былъ увѣренъ, что избѣгнетъ неловкости Леденева.

Итакъ всѣ приготовленія къ отъѣзду въ вѣчность были окончены, и мѣсто въ замогильный мальпостъ было взято; оставалось сѣсть и поѣхать. Дебринъ рѣшительно повеселѣлъ и вздохнулъ свободно какъ человѣкъ, который могъ наконецъ раздѣлаться съ своими кредиторами и уплатить имъ своею кровью. Оставалось еще одно, послѣднее дѣло въ его земной жизни: благословить дочь Лидію и въ послѣдній разъ прижать ее къ своему сердцу, біенія котораго были уже сочтены. О, что это было за свиданіе и какіе контрасты представляло оно!

Невинное и кроткое дитя, ничего не подозрѣвая, весело улыбалось при видѣ отца и радовалось конфектамъ и фруктамъ, которыхъ привезъ онъ ей. Но что еслибы оно знало о томъ, что готовилось ей въ скорой будущности?... Круглое и бездомное сиротство и нищенскій кусокъ хлѣба, брошенный со стола зажиточныхъ и кичливыхъ родственниковъ, и, быть можетъ, отравленный попрекомъ. И Дебринъ тоже улыбался, глядя на милаго ребенка. Но какихъ усилій стоила ему эта вымученная улыбка и что скрывалось за нею! Затаенныя рыданія, которыя разрывали грудь, душили его; проглоченныя слезы, прожигавшія всѣ внутренности отца, разлучившагося навѣки съ любимою дочерью, которой оставлялъ послѣ себя въ наслѣдіе—безпріютность и нищенство...

Дебринъ не могъ долго выдержать пытки этого свиданія и поспѣшилъ оставить Институтъ. Сейчасъ по возвращеніи домой онъ долженъ былъ подписать послѣдній счетъ своей жизни, подписать не чернилами, а кровью... Но мысль о сиротствѣ дочери, о ея бездомности, о горечи нищенскаго хлѣба, о безпрестанныхъ лишеніяхъ, униженіяхъ и слезахъ оскорбленнаго самолюбія налегла на него свинцовою горою и придавила его. Рука, взявшаяся за пистолетъ, онѣмѣла, замерла, словно разбитая параличемъ. Но движеніе тѣла замѣнилось движеніемъ мыслей, которыя быстро смѣнялись одна другою. Въ сердце Дебрина возникла ожесточенная борьба между двумя разнородными чувствами.

Съ одной стороны—непреодолимое отвращеніе къ жизни, разбитой и опозоренной банкрутствомъ, этимъ нравственнымъ разложеніемъ человѣческаго бытія; съ другой—смертельная тоска и невыразимое сожалѣніе о малолѣтней дочери, которую бросалъ онъ одинокою, безъ путеводителя и безъ средствъ въ безплодной пустынѣ сирой жизни. Это былъ настоящій апеляціонный процесъ, въ которомъ малолѣтняя сирота умоляла строгаго судію объ отмѣнѣ смертнаго приговора, произнесеннаго противъ ея отца.

«Быть или не быть», говорилъ себѣ Дебринъ. И вдругъ, въ минуту этого грознаго раздумья, зазвенѣлъ колокольчикъ въ его передней и потомъ раздались слова: — Дома ли Сергѣй Павлычъ? — Застигнутый врасплохъ, Дебринъ выпустилъ пистолетъ изъ рукъ и въ изнеможеніи опустился на кресло. Въ кабинетъ къ нему вошли двѣ Сестрички.

ЭПИЛОГЪ.

Кончимъ нашу статью повтореніемъ выраженнаго нами выше желанія: *чтобы не заподозрили святую истину нашихъ словъ и чи-*

стоту нашихъ намѣреній, и чтобы разсказъ этотъ получилъ характеръ не coup de grâce, а réhabilitation въ полномъ смыслѣ этого французскаго слова.

Возстановленіе это необходимо для того, чтобы г. Макаровъ могъ продолжать и довести до конца новый начатый имъ учебно-литературный трудъ, который, согласно составленному обширному плану, будетъ объемистѣе 66 печ. листовъ) его «Русско-Французскаго Словаря». Трудясь надъ послѣднимъ усиленно одинъ, безъ сотрудниковъ, онъ уже сильно пошатнулъ свое здоровье. Новый и обширнѣйшій трудъ можетъ доконать его; но это его ничуть не пугаетъ и онъ не будетъ торговаться изъ-за нѣсколькихъ лишнихъ лѣтъ жизни и охотно, весело понесетъ новый тяжелый, но уже добровольный крестъ, лишь бы принести сколь возможно болѣе пользы обществу. Но чтобы не пасть подъ тяжестью этого новаго креста и донести его до конца опредѣленнаго пути, необходимо сосредоточить и сохранить всецѣло свои душевныя и умственныя силы, для восполненія ими силъ физическихъ. А это сосредоточеніе и сохраненіе возможны только при полномъ возстановленіи его добраго имени, надъ которымъ глумились впродолженіи многихъ лѣтъ и которое забросали грязью. Мы могли бы привести много печатныхъ тому доказательствъ, но не дѣлаемъ это, слѣдуя французской пословицѣ: *Il ne faut pas éveiller le chat qui dort* (кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ). Выпишемъ только въ заключеніи слѣдующія строки изъ посвященія другу одного изъ романовъ г. Макарова (*Побѣда надъ Самодурами*):

«Меня хотѣли уничтожить, забросать грязью мое честное, незапятнанное имя. Не хотѣли даже выслушать моихъ оправданій и осудили меня безъ апеляціи. Я падалъ духомъ и тѣломъ и готовъ былъ предаться губительному, безвыходному отчаянію. Но Провидѣніе, твоими устами, спасло меня; слѣдуя твоему дружескому совѣту, я оставилъ Петербургъ, удалился въ деревню и проведя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ совершенномъ уединеніи, на лонѣ природы, тишины и спокойствія, вздохнулъ свободно и—ожилъ».

Но и это посвященіе когда-то вызвало тоже насмѣшки, оскорбленія и *швыряніе грязью*. Будемъ же надѣяться, что по напечатаніи этого правдиваго разсказа, уже не повторится больше подобный грустный, безчеловѣчный фактъ; не повторится изъ уваженія къ гуманности, выраженной въ приведенномъ выше французскомъ стихѣ:

«Respecte le malheur, si tu ne le plains pas».

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ДЕБРЯМЪ СЛАВЯНСКОЙ АПАТИЧНОСТИ, ДРЯБЛОСТИ И ПСЕВДОМЕЦЕНАТСТВА *).

Въ февралѣ была помѣщена, въ «Новомъ Времени», статья, подъ заглавіемъ къ «Царскому Юбилею». Въ дополненіе къ многочисленнымъ актамъ милосердія и великодушія, ознаменовавшимъ великое 25-тилѣтнее царствованіе, позволю себѣ разсказать еще о нѣсколькихъ проявленіяхъ Царскаго великодушія, которыя неизвѣстны автору вышеупомянутой статьи, но о которыхъ не слѣдуетъ молчать, и безъ которыхъ огромный трудъ,—снабженія Россіи хорошими двуязычными словарями,—не былъ бы доведенъ мною до конца. При этомъ, чтобы показать во всемъ блескѣ и величіи неисчерпаемую благотворность Высокаго Поощрителя благихъ начинаній въ Россіи, я долженъ поставить въ параллель ледяное, мертвящее равнодушіе публики, которымъ былъ встрѣченъ мой первый трудъ (полный русско-французскій словарь), и которое едва не убило мою дальнѣйшую лексикографическую дѣятельность. Разсказъ этотъ весьма назидателенъ и... весьма печаленъ по отношенію къ публикѣ, но весьма утѣшителенъ по отношенію къ Царской власти.

Давно созналъ я необходимость «Полнаго русско-французскаго словаря», безъ котораго немыслимы хорошіе переводы съ русскаго на французскій, и вообще весьма трудно основательное изученіе французскаго языка, въ особенности разговорнаго. Полные французско-русскіе, хотя и устарѣлые, но были: Ив. Татищева, Эртеля. Но русско-французскаго истинно полнаго, т. е. съ обширною, всеобъемлющею фразеологіей—ни одного, потому что нельзя же назвать полнымъ «Этимологическій лексиконъ русскаго языка Рейфа», съ чахоточною, неуклюжею и неумѣлою фразеологіей. Въ половинѣ 1863 года я приступилъ къ осуществленію моего намѣренія и ровно черезъ три года, въ половинѣ 1866 года, окончилъ мой «Полный русско-французскій словарь». Только необычайно усидчивая работа, по 15 часовъ въ сутки безъ малѣйшаго отдыха, даже и въ самые большіе праздники, дала мнѣ возможность начать и окон-

*) Статья эта была напечатана въ № 131-мъ «Спб. Вѣдом.» 1880 года.

чить этотъ огромный трудъ (съ 32 тысячами примѣровъ) въ такой короткій срокъ. Правда, я перенесъ нѣсколько болѣзней и разстроилъ здоровье. Оставалось напечатать. Это потребовало большихъ денежныхъ средствъ, какихъ у меня не имѣлось. Обратился было я къ одному изъ петербургскихъ книгопродавческихъ тузовъ, предлагая ему издать мой трудъ на самыхъ выгодныхъ для него условіяхъ. Пролежавъ у него, туза, съ недѣлю, огромная рукопись была возвращена мнѣ «безъ послѣдствій» и, кажется, даже безъ прочтенія предисловія. Толкнулся было я еще къ нѣкоторымъ издателямъ, да къ лицамъ «якобы» меценатствующимъ. Увы! ни тѣни сочувствія, ни даже обнадеженія, а напротивъ: сомнѣнія, предсказанія вѣрнаго фіаско и равнодушіе на 30 градусовъ ниже точки замерзанія. Я падалъ духомъ, приходилъ въ отчаяніе. Наконецъ кто-то надоумилъ меня обратиться въ типографію, бывшую Тиблена и перешедшую во владѣніе Н. А. Неклюдова, которому и снесъ я мою рукопись. Когда, черезъ нѣсколько дней, явился я къ нему, онъ сказалъ мнѣ:

— Я прочиталъ ваше предисловіе и просмотрѣлъ вашъ словарь: онъ такъ хорошъ, что не можетъ не пойти, и потому я печатаю вамъ его въ долгъ, который уплатите вы мнѣ изъ выручекъ.

И такъ, благодаря сочувствію умнаго и просвѣщеннаго человѣка, трудъ мой былъ спасенъ отъ забвенія, а я—отъ отчаянія и отъ прекращенія дальнѣйшей дѣятельности по изданію словарей. Когда вышла 1-я часть, я было попробовалъ объявить о подпискѣ, разумѣется, съ уступкою 20%. Менѣе ста человѣкъ отозвалось на мой призывъ!... Поддержка едва-ли могущая поддержать что-либо. Наконецъ, въ 1867 г. словарь вышелъ изъ печати и удостоился высокой чести посвященія Цесаревнѣ, соизволившей принять это посвященіе въ самыхъ сочувственныхъ и лестно-поощрительныхъ для меня выраженіяхъ. Потомъ въ трехъ журналахъ: «Инвалидѣ», «Journal de St-Pétersbourg» и въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» сочувственно и съ похвалами отозвались о моемъ трудѣ, особенно въ послѣднемъ, гдѣ была помѣщена большая статья, разобравшая словарь съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и совершеннымъ знаніемъ дѣла. Затѣмъ вездѣ царило полнѣйшее равнодушіе, даже самое художественное игнорированіе и самое гробовое молчаніе. Правда, фельетонистъ одной большой газеты вздумалъ было разбирать, или вѣрнѣе, *протащить* мой словарь, но сдѣлалъ это такъ неумѣло и не умно, что ему въ сорикахъ же отвѣтили въ вышеупомянутой статьѣ журнала «Министерства Народнаго Просвѣщенія» и доказали полнѣйшее его невѣжество въ дѣлѣ лексикографіи. Вотъ еще

образчикъ апатичности, узкости взглядовъ, меркантильности и непониманія дѣла даже у многихъ нашихъ книжныхъ спеціалистовъ.

Секретарь, и еще весьма ученый, одного книгоиздательскаго общества, которому предлагалъ я издать мой словарь, возвратилъ мнѣ рукопись при письмѣ, гдѣ значилось, что «Общество не можетъ принять на себя изданіе труда, *обѣщающаго выгоды лишь въ отдаленномъ будущемъ*»... По счастью неодобрительное пророчество не сбылось: какъ ни туго шла продажа моего перваго труда, всетаки черезъ четыре года пришлось приступить ко второму изданію и, стало быть, «Общество изданія полезныхъ книгъ» получило бы далеко не *въ отдаленномъ будущемъ* огромные барыши.

«Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!»

Да! у насъ не то, что, напримѣръ, во Франціи, гдѣ банкиръ Агуадо, просмотрѣвъ программу словаря Литтре, далъ ему, безъ малѣйшаго колебанія, средства издать его монументальный трудъ. А эти средства состояли въ нѣсколькихъ милліонахъ франковъ. Теперь à propos de барыши. Пожалуй и у насъ возъимѣютъ иногда сочувствіе къ предпріятію, да только тогда, когда заранѣе будутъ обезпечены наискорѣйшіе и наикрупнѣйшіе барыши, которые для нашихъ денежныхъ тузовъ «выглядятъ» гораздо привлекательнѣе, соблазнительнѣе всякихъ наиполезнѣйшихъ изданій и книгъ. У насъ и самъ Викторъ Гюго, помноженный на Зола, не продалъ бы въ два года и сотой части своихъ романовъ сравнительно съ тѣмъ, сколько продается ихъ во Франціи въ одинъ годъ... Итакъ, слѣдовало покинуть всякую надежду возбудить въ публикѣ какое-либо живое, теплое чувство, или хотя бы одно простое любопытство, за отсутствіемъ высшихъ мотивовъ и пожеланій. Но за то я встрѣтилъ самую справедливую оцѣнку и самое горячее сочувствіе въ «Мужахъ науки», въ членахъ академіи наукъ и ученаго комитета; сочувствіе, выразившееся не въ однихъ словахъ, а на дѣлѣ, какъ увидимъ далѣе. Въ то же время мой словарь получилъ самыя лестныя одобренія ученаго и всѣхъ учебныхъ комитетовъ, а равно и академіи наукъ и былъ принятъ во всѣ учебныя заведенія. Чтобы показать воочію громадную разницу въ умѣньи понимать и цѣнить по достоинству полезные труды и заслуги, разницу между публикою и «Мужами науки», я разскажу одинъ многознаменательный эпизодъ.

Вскорѣ по напечатаніи моего перваго труда сидѣлъ я въ раздумьи въ своей квартирѣ на Васильевскомъ острову. Вдругъ входитъ ко мнѣ пожилой господинъ, съ почтенною, симпатичною наружностью и съ Владиміромъ на шеѣ и спрашиваетъ:

— Здѣсь живетъ г. Макаровъ?

— Здѣсь и къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ я.

— Я пришелъ познакомиться съ авторомъ такого превосходнаго словаря, какъ изданный вами полный русско-французскій словарь.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить,—спросилъ я?

— Я — Буняковскій.

Послѣ нѣсколькихъ любезныхъ и весьма лестныхъ для меня фразъ, почтенный и симпатичный посѣтитель удалился. Я сейчасъ за адресъ-календарь, гдѣ и отыскиваю: «В. Я. Буняковскій, вице-президентъ императорской академіи наукъ». На другой день собрался я отдать визитъ, но не успѣлъ: почтенный вице-президентъ, не дожидаясь отданія ему визита, снова пришелъ ко мнѣ и поднесъ мнѣ свой «Астрономическій и математическій словарь», котораго издана была когда-то одна только часть. Глубоко тронули меня такое вниманіе, такая оцѣнка моего труда со стороны столь заслуженнаго и всѣми высоко-чтимаго ученаго и прекраснѣйшаго человѣка. И съ тѣхъ поръ, постоянно, при каждомъ случаѣ выказывалъ онъ мнѣ самое искреннее участіе и уваженіе... А покойный И. И. Срезневскій передалъ мнѣ черезъ В. Я. Буняковскаго, свое искреннее желаніе познакомиться со мною, и потомъ выказывалъ самое теплое сочувствіе и уваженіе къ моимъ трудамъ и ко мнѣ... А. Н. М. Благовѣщенскій, который сдѣлалъ такую блестящую оцѣнку моихъ полныхъ словарей и сильно содѣйствовалъ выдачѣ мнѣ первой субсидіи, и потомъ всегда относился ко мнѣ съ участіемъ и уваженіемъ.

Вслѣдъ за напечатаніемъ словаря появились въ газетахъ заявленія отъ разныхъ лицъ, что «необходимо довершить мой трудъ изданіемъ «Полнаго французско-русскаго словаря», *который даже необходимѣе русско-французскаго* (съ чѣмъ я не согласенъ, потому что, какъ говорилъ я выше, полные французско-русскіе уже существовали, а полнаго русско-французскаго не было ни одного)...» Поразмыслилъ я объ этомъ заявленіи, и хотя здоровье мое было сильно потрясено, а поощренія и поддержки отъ публики ни на волосъ, я рискнулъ и рѣшился на поднятіе новаго огромнаго труда, но на этотъ разъ уже не одинъ, а въ сотрудничествѣ съ моимъ единственнымъ сыномъ. Уѣхалъ я съ нимъ въ тульскую деревню и тамъ засѣлъ снова за головоломный, тяжелый трудъ, съ прежнею неутомимою усидчивостью. Прошло съ полгода. Новый трудъ быстро подвигался впередъ, какъ вдругъ на мой лексикографическій пылъ вылилось нѣсколько ушатовъ воды со льдомъ, чуть не заморозившихъ мою энергическую дѣятельность: меня увѣдомили изъ Петербурга, что въ полгода продано моего словаря 60 экзем-

пляровъ, и что публика вообще, а въ особенности преподаватели учебныхъ заведеній и сами учащіеся, относятся къ моему словарю съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, съ недовѣріемъ, съ сомнѣніемъ, а книгопродавцы держатъ его подъ спудомъ, рекомендуя Рейфа или Шмита, которые и продолжаютъ царить попрежнему; и что, наконецъ, нѣтъ никакой возможности уплатить мой долгъ типографіи иначе, какъ «въ самомъ отдаленномъ будущемъ».

Ошеломило меня такое извѣстіе, равносильное командѣ: *«стопъ машина!...»* И машина остановилась. Я поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ самую великодушную поддержку въ высшихъ сферахъ. По ходатайству Цесаревны 500 экземпляровъ моего словаря было пріобрѣтено для женскихъ учебныхъ заведеній. По предложенію г. оберъ-прокурора св. синода, 100 экземпляровъ куплено для духовныхъ учебныхъ заведеній. А сверхъ того, всѣ служащіе въ IV отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи поспѣшили составить подписной листъ на пріобрѣтеніе отъ меня около ста экземпляровъ. Все это воскресило, подняло меня и придало мнѣ новыя силы, новую энергію. Тогда пришла мнѣ еще слѣдующая идея, удачный результатъ которой могъ бы еще болѣе укрѣпить и вдохновить меня къ еще болѣе добросовѣстному и совершенному выполненію моего новаго труда. Я обратился въ одной изъ газетъ ко всей русской интеллигенціи съ слѣдующимъ предложеніемъ, перепечатаннымъ и во многихъ другихъ газетахъ.

«Вслѣдствіе сдѣланныхъ мнѣ печатныхъ заявленій о необходимости «Полнаго французско-русскаго словаря», я приступилъ къ составленію этого труда. Но такъ какъ мой русско-французскій словарь до сихъ поръ не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сочувствія со стороны публики и почти не продается, то во мнѣ родилось сомнѣніе: точно ли нуженъ хорошій, полный французско-русскій словарь? Поэтому, чтобы не потерять даромъ времени, тяжелаго труда и большихъ денегъ на изданіе, быть можетъ, ненужной книги, я рѣшился сейчасъ же открыть не подписку, а только *провѣрку надежды на будущую подписку*. Съ этою цѣлію обращаюсь къ образованнымъ людямъ всей Россіи съ просьбою увѣдомить меня нѣсколькими строками о томъ, что, по выходѣ изъ печати первой части словаря, они захотятъ подписаться на него, если только они нуждаются въ хорошемъ полномъ французско-русскомъ словарѣ».

Послѣ такой публикаціи я крѣпко надѣялся на поддержку, которая благодѣтельно повліяла бы на меня, и которая, къ тому же, стоила бы весьма небольшой жертвы: написанія нѣсколькихъ строкъ и гривенника на отправку ко мнѣ письма по почтѣ. Будь это въ Англіи, Франціи,

Германіи, даже въ Польшѣ, подобное заявленіе о необходимой полезной книгѣ вызвало бы многія тысячи писемъ. И я точно сталъ получать тогда со всѣхъ концовъ Россіи письма съ самыми горячими сочувствіями. Но только, если не качество, то количество этихъ заявленій сильно захромало: въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я получилъ всего-на-все 44 письма!!!.. И это — въ цивилизованномъ государствѣ, съ 80-милліоннымъ народонаселеніемъ!!! Тогда только я прозрѣлъ и уразумѣлъ во всемъ ея блескѣ и величіи апатичность и дряблость славянской натуры у большей части нашей интеллигенціи, въ особенности у «элегантной», со стеклышкомъ въ глазу и безъ онаго, которая, какъ я убѣдился многими опытами, интересуется гораздо менѣе новыми умственными произведеніями книжныхъ магазиновъ, нежели новыми гастрономическими произведеніями обжорныхъ магазиновъ Елисѣева, Смурова et consorts... Но просвѣщенная поддержка Цесаревны, принца Ольденбургскаго и правительственныхъ лицъ спасла меня и мой трудъ.

Въ концѣ 1869 года, я приступилъ къ печатанію новаго труда. Но тутъ предсталъ передо мною грозный подводный камень: огромная издержка на изданіе труда, который на 10 печатныхъ листовъ былъ объемистѣе предыдущаго словаря. Изъ горькаго опыта я зналъ, что ни отъ публики, ни отъ издателей, ни отъ книгопродавческихъ тузовъ, ни отъ якобы меценатовъ, мнѣ нельзя было ожидать ни малѣйшей поддержки, ни тѣни сочувствія. Но благодареніе нашимъ мужамъ науки! Они, съ полнымъ участіемъ и готовностью, отозвались и явились ко мнѣ на выручку: академія наукъ, въ полномъ составѣ, и ученый комитетъ сдѣлали представленіе г. министру народнаго просвѣщенія, гдѣ, между прочимъ, было сказано:

«Ходатайствовать объ оказаніи г. Макарову возможнаго вспомоществованія для напечатанія его замѣчательнаго труда, такъ какъ непоявленіе онаго въ печати, вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ автора, было бы утратою для отечественной литературы, достойною полнаго сожалѣнія».

И г. министръ народнаго просвѣщенія, сейчасъ же, сдѣлалъ обо мнѣ представленіе г. министру финансовъ, который, въ свою очередь, понявъ и оцѣнивъ важность моего труда и избѣгая длиннаго пути черезъ государственный совѣтъ, съ перспективою отказа, сейчасъ же доложилъ Императору. И черезъ нѣсколько дней я получилъ субсидію въ 4,000 руб. Когда я представлялся г. статсъ-секретарю Рейтерну, для принесенія ему благодарности за содѣйствіе, онъ сказалъ:

— Императоръ съ особеннымъ удовольствіемъ соизволилъ на выдачу вамъ субсидіи для вашего полезнаго труда.

И теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, я не могу вспомнить безъ слезъ безпредѣльной благодарности къ Державному покровителю всего полезнаго въ Россіи и къ просвѣщеннымъ сановникамъ, не отказавшимся содѣйствовать безвѣстному труженику въ довершеніи его общеполезнаго труда. Для контраста, и въ назиданіе вѣрующимъ въ «рассейское» меценатство, я разскажу курьезный эпизодъ, которымъ заключилось печатаніе новаго словаря. Подъ конецъ мнѣ недоставало 500 р. на бумагу. Я туда, сюда, чтобы изъ-за ничтожной суммы не остановить печатаніе. Въ проѣздъ чрезъ Москву, и зная изъ печатныхъ и словесныхъ разсказовъ о существованіи въ ней одного богатѣйшаго и якобы просвѣщеннѣйшаго и великодушнѣйшаго мецената-издателя, я и толкнулся было къ нему на Мясницкую. Увы! меня не допустили до его лицезрѣнія подъ предлогомъ, что «изволятъ кушать чай и еще не одѣвались». Возвратясь въ гостинницу «съ носомъ», я поспѣшилъ написать московскому якобы меценату письмо, въ которомъ, объяснивъ исторію моихъ изданій, просилъ его дать мнѣ средство окончить изданіе моего новаго труда, ссудивъ мнѣ заимообразно 500 р. подъ вѣрное обезпеченіе этого долга двумя стами экземпляровъ моего словаря, продажная цѣна которымъ 1,000 р., такъ что 500 р. ни въ какомъ случаѣ пропасть не могли бы. Въ концѣ я прибавилъ:

«Во всякомъ случаѣ, если вы не найдете возможнымъ выручить меня, я надѣюсь, что вы не захотите оскорбить мое авторское самолюбіе непринятіемъ подносимаго мною вамъ словаря».

И письмо, и словарь отправилъ я съ разсыльнымъ. Черезъ часъ онъ вернулся и принесъ мнѣ отъ московскаго якобы мецената «новый и огромнѣйшій носъ», т. е. мой словарь и при немъ не письмо, а его визитную карточку, и не новую, а уже довольно затасканную, на оборотѣ которой было написано, или вѣрнѣе нацарапано слѣдующее:

«Г. Н. Макарову.

«Прошу меня извинить, что я не могу исполнить вашего желанія и при семъ возвращаю экземпляръ вашего словаря».

Коротко и ясно. Эта сальная карточка у меня сохранилась, какъ образчикъ московскаго меценатства и его утонченной вѣжливости, т. е. зазорнаго швырянья подносимымъ въ подносящаго. Но главное, но вся суть вотъ въ чемъ: подносилъ я мой словарь Императору, Императрицѣ и всѣмъ членамъ Царскаго Дома. И всѣ удостоили принять мой трудъ, съ выраженіемъ сочувствій и благодарности. А г. московскій меценатъ не удостоилъ, счелъ меня и мой трудъ гораздо ниже себя.... Знай нашихъ!.. Но меня выручилъ одинъ изъ «нашихъ» петербургскихъ книго-

продавцевъ, купивъ у меня 200 экземпляровъ словаря; правда, съ весьма умѣренною уступкою въ... 50%!!.. Сверхъ того, я страшно дорого поплатился за новый трудъ: сотрудникъ мой и единственный сынъ не вынесъ тяжелой работы, хотя трудился далеко не такъ усидчиво, какъ я. Его молодой мозгъ не выдержалъ: на половинѣ труда онъ помѣшался и, послѣ двухнедѣльныхъ страданій, умеръ въ домѣ умалишенныхъ. Новый трудъ мой удостоился высокой чести посвященію Цесаревичу. Разскажу еще объ одномъ курьезномъ эпизодѣ этого изданія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ послѣ неудачнаго моего толканья въ двери московскаго якобы мецената, я обратился къ одному изъ главныхъ бумагофабрикантовъ, въ роскошномъ домѣ котораго «ковры, сударь ты мой, Персія, ногами капиталы попираешь», и просилъ его отпустить мнѣ въ долгъ на 500 р. бумаги съ обезпеченіемъ 200 экземпляровъ словаря, т. е. цѣнностью въ 1,000 р. Бумагофабричный тузъ отказалъ мнѣ на отрѣзъ; а передъ тѣмъ отпустилъ бумаги въ долгъ тысячъ на 30-ть одному типографщику-мазурику, объявившему потомъ себя несостоятельнымъ на бездѣлицу, на... 800,000 р.!

— Грустно, сказалъ я бумажному тузу;—такая полезная книга ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія, даже самаго безубыточнаго, безъ малѣйшаго риска.

— Какая же это полезная книга? Вотъ если бы вы издавали житіе св. Епистиміи, или какого другаго святаго, то это была бы полезная книга. А то какой-то словарь, да еще французскій (sic).

Послѣ такого премудраго изреченія, я скорѣе «въ охапку кушакъ да шапку», и давай богъ ноги отъ бумажнаго туза. Но это были только цвѣточки, а ягодки ждали меня впереди.

По приглашенію ученаго комитета, я составилъ и издалъ въ 1874 г. спеціально для учебныхъ заведеній «Международные словари» (части франц.-русск. и русско-франц.), снабдивъ ихъ довольно полною фразеологіею до 20,000 примѣровъ въ каждой части. Это первое и стереотипное изданіе стоило чрезвычайно дорого, и потому, если бы я назначилъ за него ту же цѣну, что и Рейфъ (2 р. 50 к.), то вмѣсто пользы, все бы еще имѣлъ небольшой убытокъ отъ перваго изданія. Но мнѣ хотѣлось сдѣлать мой словарь сколь возможно дешевле для небогатаго большинства учащихся, не дороже 2 р., съ уступкою еще 20% для учебныхъ заведеній. Но въ этомъ случаѣ первое изданіе дало бы мнѣ огромный убытокъ. И на этотъ разъ я снова нашелъ поддержку, не въ публикѣ и не въ меценатахъ, разумѣется, а въ правительственныхъ лицахъ. Г. министръ народнаго просвѣщенія, безъ малѣйшаго надумыванія, представилъ

меня къ пособію. И черезъ нѣсколько дней получилъ я вторую субсидію въ 4,000 р. на международные словари. И снова благословилъ я Высокаго Покровителя, который удостоилъ принять посвященіе моего труда Его Августѣйшему имени, и, сверхъ того, наградилъ меня орденомъ св. Станислава 2-й степени. Въ то же время, по ходатайству Цесаревича, 500 экз. моего полнаго французско-русскаго словаря было тоже пріобрѣтено для женскихъ учебныхъ заведеній, да еще 300 экз. для военныхъ и духовныхъ учебныхъ заведеній. Что же до публики, въ особенности до учащихся, для которыхъ спеціально были изданы международные словари, то они отнеслись и къ нимъ также равнодушно и продолжали брать Рейфа, несмотря на болѣе дешевую цѣну моего словаря, на его полноту и на двукратные циркуляры министра народнаго просвѣщенія, энергически рекомендовавшаго попечителямъ учебныхъ округовъ мои словари для «предпочтительнаго употребленія».

Желая довершить зданіе раціональной двуязычной лексикографіи, я приступилъ къ изданію русско-нѣмецкой и нѣмецко-русской частей Международнаго словаря, и еще «Полнаго нѣмецко-русскаго». Изданія эти стоили громадныхъ издержекъ, потому что, вслѣдствіе сильнаго разстройства моего здоровья, необходимо было взять сотрудниковъ и платить имъ высокіе гонорары. И вотъ, въ началѣ 1877 года изсякли у меня всѣ источники, тѣмъ болѣе, что съ нѣмецкими частями совпало 2-е изданіе Полнаго франц.-русск. словаря. Печатаніе должно было остановиться, и я — пасть, не дойдя до намѣченной цѣли, не довершивъ начатаго зданія. Тщетно обращался я ко всѣмъ земнымъ и небеснымъ силамъ, тщетно взывалъ о помощи къ разнымъ Крезамъ, предлагалъ разнымъ книгопродавческимъ тузамъ Петербурга и Москвы купить у меня за полцѣны второе изданіе Полнаго рус.-фр. словаря, который шелъ превосходно и далъ бы имъ громадные барыши: ни откуда, ни отъ кого ни тѣни желанія помочь мнѣ, ни звука, ни взгляда сочувствія; повсюду всемертвящее ледяное равнодушіе, позорнѣйшая апатія и какое-то болѣзненное отвращеніе къ малѣйшему усилію нарушить свой эгоистическій кейфъ, выйти хоть на минуту изъ своего окаменѣлаго покоя, изъ улиточной неподвижности. Разумѣется, у меня оставалось еще средство выхода изъ безвыходнаго положенія: это — снова обратиться къ поддержкѣ правительственныхъ лицъ, къ великодушію Державнаго мецената. Но мнѣ было совѣстно въ третій разъ утруждать моею просьбою; меня смущала, страшила мысль — показаться назойливымъ, злоупотреблять Царскую милость и щедроту. Поэтому я думалъ, думалъ и придумалъ вотъ что:

Былъ и есть въ Петербургѣ одинъ наибогатѣйшій Крезъ съ громадными доходами и съ ореоломъ меценатства, обаяніе котораго, посредствомъ стоустой молвы, коснулось и моего слуха. Обаяніе это было чистѣйшее марево, но принятое мною за дѣйствительность, и потому, въ полной надеждѣ на просвѣщенное сочувствіе и поддержку, устремился я въ чертоги Креза съ ореоломъ меценатства, взявъ съ собою четыре моихъ словаря и приготовивъ, на всякій случай, письмо, въ которомъ, во-первыхъ, изложивъ цѣль и ходъ моихъ трудовъ, я просилъ дать мнѣ средства окончить печатаніе нѣмецкихъ словарей, предлагая въ самое вѣрное и двойное обезпеченіе долга 4,000 экз. только что вышедшаго вторымъ изданіемъ Полнаго франц.-русскаго словаря.

Во вторыхъ, просилъ не отказать мнѣ въ чести посвятить его имени полный нѣмецко-русскій словарь и еще принять изданные уже мною словари. И такъ, полный надеждъ и вѣрованія въ просвѣщенные и широкіе взгляды мецената, я очутился у параднаго крыльца его чертога. Вхожу въ сѣни, но... тутъ-то и совершилось самое неожиданное и постыдное крушеніе издательскаго корабля, съ его свѣтлыми надеждами и вѣрованіями и у самаго входа въ безопасную пристань... Тутъ совершилось нѣчто, несравненно печальнѣйшее и позорнѣйшее, чѣмъ то, что совершилось во время путешествія моего къ московскому, яко бы, меценату, у котораго, по крайней мѣрѣ, допустили меня хоть въ прихожую. Едва вступилъ я въ сѣни Креза и прежде, нежели подошелъ къ парадной и высокой лѣстницѣ, ведущей на верхнюю площадку сѣней передъ прихожей, меня поразилъ весьма непривѣтливый и quasi-невѣжливый окликъ дюжаго швейцара, съ недружелюбнымъ, подозрительнымъ взглядомъ.

— Кого вамъ надо?

— Я желаю представиться г. NN.

— Г. NN никого не принимаетъ, — отвѣчалъ швейцаръ, еще болѣе рѣзкимъ тономъ и становясь на стражѣ между мною и первою ступенью лѣстницы, словно какъ бы я былъ выходецъ изъ какой-нибудь зачумленной мѣстности, въ родѣ Ветлянки; во время недавной чумной паники.

— Въ такомъ случаѣ прошу васъ передать г-ну NN это письмо и книги.

Швейцаръ недоумѣвалъ, брать ли отъ меня конвертъ и книги. Наконецъ, послѣ раздумья, рѣшился принять и сталъ взбираться по лѣстницѣ, бросивъ на меня внушительный и безпокойный взглядъ, какъ бы предупреждая, чтобы я не дерзнулъ тоже взбираться на верхнюю пло-

щадку. Вскорѣ онъ вернулся, и вслѣдъ за нимъ вынырнулъ изъ прихожей на площадку какой-то пожилой и юркій господинъ и, не удостоивъ сойти ко мнѣ внизъ, провозвѣстилъ скороговоркою, но торжественнымъ тономъ, съ высоты площадки:

— Г. NN. никогда, ни отъ кого и никакихъ посвященій не принимаетъ.

И затѣмъ быстро юркнулъ въ прихожую, пославъ, по уходѣ, лакея съ моими словарями и оставя меня въ неописуемомъ состояніи духа. Изумленіе, стыдъ, негодованіе потрясли все мое нравственное существо и, подобно циклопу, окружили, охватили меня со всѣхъ сторонъ и завертѣли въ своемъ нравственномъ вихрѣ. Все было во мнѣ осмѣяно, оскорблено, унижено, поругано, затоптано въ грязь; и достоинство честнаго человѣка и полезнаго дѣятеля; и труды, поддержанные и поощренные сановниками и мужами науки; и заслуги, признанныя правительствомъ и награжденныя Державнымъ Покровителемъ и единственнымъ истиннымъ меценатомъ въ Россіи, который удостоилъ меня высокой чести, принявъ и поднесеніе, и посвященіе Ему моихъ трудовъ.... А этотъ?... Не счелъ меня достойнымъ и, отвергнувъ самымъ возмутительно-оскорбительнымъ образомъ мои поднесенія и посвященіе, не допустилъ меня нетолько до себя, или хотя до своей пріемной, но даже и до прихожей!... И какой контрастъ между величіемъ истинной щедрости и мелкотою мишурнаго псевдомеценатства!... Но довольно.

Придя въ себя отъ нравственнаго потрясенія, поспѣшилъ я оставить сѣни негостепріимнаго чертога. Долго мучило и тошнило меня. Долго не утихала острая, жгучая боль отъ ранъ, нанесенныхъ моему самолюбію. Наконецъ, все улеглось и стихло. Я принялся обдумывать мое положеніе и не нашелъ другаго исхода, какъ снова обратиться къ главному источнику свѣта и тепла въ Россіи, къ Державному Меценату. Предварительно написалъ я министру народнаго просвѣщенія письмо, гдѣ очертилъ мое безвыходное положеніе и разсказалъ о неудачной попыткѣ — найти поддержку у частнаго мецената. Потомъ, спустя нѣсколько дней, я самъ явился къ министру, графу Д. А. Толстому, который изъявилъ мнѣ самое благосклонное и горячее сочувствіе.

— Кто этотъ меценатъ, къ которому обращались вы, — спросилъ меня графъ.

Я сказалъ его имя. Графъ пожалъ плечами, грустно улыбнулся и заговорилъ самымъ ласковымъ голосомъ.

— Успокойтесь, г. Макаровъ, и не унывайте: мы васъ поддержимъ и выручимъ.

И точно: поддержалъ и выручилъ.

Въ началѣ страстной недѣли 1876 года, графъ сдѣлалъ представленіе обо мнѣ министру финансовъ. Во вторникъ, на страстной, являлся я къ Михаилу Христофоровичу Рейтерну, который сказалъ мнѣ, сажая меня въ кресло, въ своемъ кабинетѣ:

— Будьте спокойны: все, что возможно сдѣлать, будетъ для васъ сдѣлано.

Въ страстную пятницу, министръ финансовъ докладывалъ Императору, а въ субботу, въ 11 часовъ вечера, за часъ до заутрени Свѣтлаго праздника, ко мнѣ явился курьеръ, прямо отъ министра народнаго просвѣщенія, съ письмомъ. Вотъ что писалъ мнѣ графъ:

«*3 апрѣля 1876 года.*

«Вслѣдствіе писемъ вашихъ, отъ 15 и 17 минувшаго марта, и сношенія моего съ г. министромъ финансовъ, я получилъ нынѣ увѣдомленіе статсъ-секретаря Рейтерна, что, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго во 2-й день текущаго апрѣля, предложено главному казначейству открыть въ смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія сверхсмѣтный дополнительный кредитъ въ 6,000 руб., для отпуска денегъ вамъ, милостивый государь, на изданіе международныхъ словарей, русско-нѣмецкаго и нѣмецко-русскаго.

Поспѣшая сообщить вамъ о такой Монаршей милости, считаю нужнымъ присовокупить, что департаментомъ народнаго просвѣщенія, по порученію моему, будетъ на-дняхъ сдѣлано распоряженіе о выдачѣ вамъ означенныхъ денегъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

«Графъ Дмитрій *Толстой*».

Это было «красное яичко къ Христову дню». Какая любезная внимательность высокаго сановника видна въ этой поспѣшности сообщить мнѣ пріятную новость, *чтобы я весело встрѣтилъ свѣтлый праздникъ* (слова сказанныя мнѣ графомъ, когда я благодарилъ его).

Вотъ исторически-вѣрный разсказъ о благодѣтельныхъ подвигахъ великодушія и щедрости Державнаго Мецената. Такіе подвиги не требуютъ комментарій; но не подобаетъ и умалчивать о нихъ по наступленіи 25-лѣтняго юбилея славнаго царствованія. Нужно-ли говорить еще о той глубокой, безпредѣльной благодарности къ моему Царственному благодѣтелю и къ тѣмъ просвѣщеннымъ сановникамъ, которые такъ со-

чувственно отнеслись къ безвѣстному труженику и не отказались помочь ему довершить начатый имъ трудъ на пользу общественнаго образованія. И благодарность эта никогда не умретъ, не ослабѣетъ въ моемъ сердцѣ, въ особенности, когда я припомню и подумаю о томъ, что я встрѣтилъ у публики и у псевдо-меценатовъ. Кто же послѣ этого осмѣлится отрицать, или даже сомнѣваться въ томъ, что если кто-либо поддерживаетъ въ Россіи полезныя предпріятія, поощряетъ полезныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей, то это правительство, одно только правительство, да сановники, да мужи науки, а ужъ никакъ не публика, никакъ не эти, якобы, меценаты; не эти денежные, коммерческіе или промышленные тузы, способные переваривать не плодотворныя идеи, а плотоугодные обѣды, да крупные барыши... Съ одной стороны — поддержка въ 14,000 руб., съ другой—поддержка въ 44 гривенника на отправку 44 писемъ!!.. Только 44 сочувственныхъ отголосковъ изъ среды всей интеллигенціи обширнаго царства!.. Повторю : какой поразительный контрастъ между величіемъ и мелкотою, между свѣтомъ и тьмой, между живительнымъ тепломъ и мертвящимъ холодомъ!

Тула, 1880 года,
25 февраля.

ДВѢ КОРЕСПОНДЕНЦІИ ИЗЪ ГОЛОСА.

Первая кореспонденція *).

Мѣсяца за три до обнародованія «Положенія 19-го февраля», переѣхалъ я на житье изъ Петербурга въ деревню Тульскаго уѣзда, вслѣдствіе моего разоренія и еще для того, чтобы самому, а не черезъ наемника, перестроить въ имѣніи старый порядокъ на новый ладъ. Понятно, что открытіе мировыхъ учрежденій сильно занимало меня. Въ особенности интересовала личность посредника 1-го участка, въ которомъ находится имѣніе моихъ дѣтей, взятое мною, изъ рукъ прикащика, въ мое личное управленіе. Посредникомъ былъ назначенъ нѣкто г. Б., о которомъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и даже не слыхалъ о немъ ничего. Разумѣется, я сейчасъ же съ распросами, что за человѣкъ этотъ г. Б. Свѣдѣнія, собранныя мною отъ разныхъ лицъ, оказались самыми утѣшительными. Лѣтомъ 1861 года я нѣсколько разъ собиралъ крестьянъ и, объяснивъ имъ значеніе уставной граматы, предлагалъ имъ на выборъ три вещи: перейти на оброкъ и затѣмъ на выкупъ, или перейти просто на оброкъ, или остаться на барщинѣ. Разумѣется, я доказывалъ имъ все преимущество первой сдѣлки, т. е. перехода на выкупъ. Но вся моя логика, все краснорѣчіе расходовались даромъ: крестьяне почесывали у себя въ затылкахъ, переминались съ ноги на ногу и на всѣ мои убѣжденія и вопросы отвѣчали:

— А вотъ подумаемъ, да посовѣтуемся, да посмотримъ, какъ у другихъ это дѣлается.

Напрасно дѣлалъ я имъ большія уступки, давалъ льготы и лишнюю противъ высшаго надѣла землю. Всегда былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «подумаемъ да посмотримъ».

Въ сентябрѣ я уѣхалъ, по дѣламъ, въ Петербургъ, откуда возвратился въ деревню въ февралѣ 1862 года, и тотчасъ же отправился къ мировому посреднику, чтобы познакомиться съ нимъ и просить его о повѣркѣ и введеніи уставной граматы, которую составилъ я уже помимо крестьянъ. Г. Б. успокоилъ обѣщаніемъ все сдѣлать и уладить въ наи-

*) 1863 года, № 36.

скорѣйшемъ времени. И точно: въ началѣ марта я получаю повѣстку, извѣщающую меня, что г. посредникъ прибудетъ ко мнѣ на 7-е марта, для повѣрки уставной граматы. 6-го же числа такая повѣрка производилась имъ въ двухъ верстахъ отъ меня, въ имѣнiи тульскаго исправника. На этотъ первый разъ г. посредникъ 1-го участка былъ очень акуратенъ: вечеромъ 6-го марта онъ прибылъ ко мнѣ, въ сопровожденiи своего письмоводителя, служившаго передъ тѣмъ гдѣ-то квартальнымъ надзирателемъ.

На слѣдующее утро, т. е. 7-го марта, крестьяне были собраны у меня въ прихожей и, послѣ получасовыхъ переговоровъ, согласились перейти съ барщины на оброкъ и на выкупъ, и тутъ же подписали уставную грамату. Этотъ важный, счастливый результатъ былъ достигнутъ такъ скоро вслѣдствiе того, что, во-первыхъ, сосѣднiе крестьяне исправника, за день передъ тѣмъ, перешли на выкупъ, т. е. вслѣдствiе примѣра, который во всѣхъ случаяхъ бываетъ самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ соглашенiю крестьянъ на какую нибудь сдѣлку; во-вторыхъ, переходъ на выкупъ былъ предложенъ крестьянамъ не помѣщикомъ, словамъ котораго они рѣдко вѣрятъ, а посредникомъ, т. е. властiю, поставленною надъ ними свыше. Кстати, я позволяю себѣ небольшое отступленiе, чтобы доказать, въ какой степени крестьяне питаютъ недовѣрiе къ самымъ разумнымъ и благонамѣреннымъ словамъ и дѣйствiямъ бывшихъ своихъ владѣльцевъ.

Вскорѣ по открытiи мировыхъ учрежденiй, владѣлецъ одного большаго тульскаго имѣнiя предложилъ своимъ крестьянамъ освобожденiе отъ барщины, безъ всякаго выкупа, и дарилъ имъ по двѣ десятины земли на душу, т. е. немного менѣе высшаго надѣла. Выгоды для крестьянъ этой сдѣлки, или, вѣрнѣе, этого благодѣянiя, были очевидны. Но крестьяне и тутъ не рѣшились согласиться на такое предложенiе—не подписывали уставной граматы и отправились къ посреднику просить совѣта, что имъ дѣлать въ «эвтомъ разѣ».

— Сейчасъ же согласиться на предложенiе вашего помѣщика и подписать уставную грамату — сказалъ посредникъ крестьянамъ.

— Да какъ же согласиться-то, кормилецъ! Дѣло, можетъ быть, «не тово»...

— Какъ не тово? Да чего же вамъ желать лучшаго? Васъ освобождаютъ отъ барщины и еще дарятъ вамъ по двѣ десятины на душу изъ той самой земли, которою вы, до сего времени, пользовались неиначе, какъ отбывая за то барщину, или платя оброкъ вашему помѣщику.

— Да нѣтъ ли тутъ какого обмана? Вѣдь мы, люди темные — и обмануть насъ нетрудно.

— Какой же тутъ обманъ, когда васъ дѣлаютъ вольными и еще дарятъ вамъ землю?

— Да, можетъ, намъ слѣдуетъ больше, чѣмъ по двѣ десятины.

— А вы знаете пословицу: даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Крестьяне согласились, наконецъ, послѣ этого довода. Но только впослѣдствіи и крестьяне, и *многіе прочіе* сильно стали смотрѣть въ зубы даровому коню, такъ что вчужѣ было жаль великодушнаго дарителя, который не обобрался хлопотъ и непріятностей, вслѣдствіе своего даренія. Но это уже другая статья. Теперь возвращусь къ своему разсказу.

Посредникъ уѣхалъ отъ меня, и 21-го марта уставная грамата была утверждена мировымъ съѣздомъ. Главное и самое трудное, казалось, было сдѣлано. Оставалось ввести въ дѣйствіе уставную грамату, на что требовался вторичный пріѣздъ посредника въ имѣніе и часа три времени на вторичное прочтеніе крестьянамъ уставной граматы и на показаніе имъ границъ ихъ земли. Впрочемъ, это была уже самая легкая процедура, въ сравненіи съ соглашеніемъ ихъ на подписаніе уставной граматы. Но, хотя и легкая, а все таки формальность эта была необходима, потому что она указана статьями 68, 69 и 70 «Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ». Безъ этой формальности уставная грамата считается недѣйствительною. Поэтому, уѣзжая отъ меня, посредникъ обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ, для введенія въ дѣйствіе уставной граматы, тотчасъ же по просухѣ. Въ ожиданіи этого событія, я приступилъ къ выполненію послѣдняго акта, необходимаго для завершенія сдѣлки моей съ крестьянами, а именно: составилъ выкупное условіе, на основаніи уставной граматы. Но, увы! И на этотъ разъ повторилась прежняя исторія съ граматою: крестьяне ни за что не хотѣли подписывать условія, говоря по прежнему: «посмотримъ да подумаемъ». Хроническое недовѣріе къ словамъ помѣщика, также какъ и перемежающаяся лихорадка, имѣетъ свои рецидивы. Тогда я отложилъ окончаніе этого акта до пріѣзда ко мнѣ посредника, который одинъ только могъ согласить крестьянъ на подписаніе условія.

Прошелъ апрѣль. Всѣ дороги просохли, но посредника нѣтъ. Насталъ май, а г. Б. все таки не ѣдетъ. Наконецъ, я получаю отъ него приглашеніе «пожаловать къ нему, 21-го мая, откушать хлѣба-соли» по случаю его тезоименитства. Ѣду. Гостей много. День ясный и жаркій. Садимся за столъ въ тѣнистой аллеѣ сада. Обѣдъ прекрасный. Питія заморскія, превосходныя: и клодъ-вужо, и дюфуръ-дюбаръ, и шато-икемъ,

и портеръ, и эль—чего хочешь, того просишь. О вдовушкѣ клико и говорить нечего: лилась рѣкою. Г. Б., самый радушный и любезный хлѣбосолъ, подчивалъ всѣхъ и каждаго съ неутомимымъ усердіемъ, былъ необыкновенно внимателенъ къ своимъ гостямъ и предупреждалъ, угадывалъ ихъ желанія и вкусы. Послѣ обѣда я уловилъ удобную минуту и, отведя въ сторону радушнаго амфитріона, предъявилъ ему убѣдительнѣйшую просьбу — пріѣхать ко мнѣ для завершенія извѣстнаго ему дѣла, объяснивъ притомъ, что безъ его личнаго вмѣшательства, крестьяне ни за что не согласятся подписать выкупное условіе. Г. Б. выслушалъ меня съ необыкновеннымъ благодушіемъ, и съ таковымъ же обѣщалъ исполнить мою просьбу въ самоскорѣйшемъ времени, тѣмъ болѣе, что онъ скоро поѣдетъ вводить уставную грамату въ имѣніе исправника, откуда до меня рукой подать. Уѣхалъ я отъ благодушнаго г. Б., полный надеждъ на скорое окончаніе моихъ землевладѣльческихъ сомнѣній и треволненій. Но, увы! Между способностями угощать и дѣло дѣлать находится необъятная разница. Проходитъ май, іюнь, а посредникъ — ко мнѣ ни ногой. Между тѣмъ слышу, послышу, что онъ уже пріѣзжалъ въ имѣніе исправника, ввелъ тамъ уставную грамату, и что крестьяне того имѣнія тотчасъ же подписали выкупное свидѣтельство. Счастливый исправникъ!.. Бѣдный я!.. Хоть до меня и «рукой подать».

Насталъ іюль. Уставная грамата все еще у меня не введена. Дѣло плохо... Вижусь я съ посредникомъ разъ, прошу, умоляю его и получаю обѣщаніе «скоро пріѣхать». Но кейфъ по прежнему царитъ въ 1-мъ участкѣ. Вижусь съ благодушнымъ г. Б. еще разъ, и всякій разъ слышу: «Буду къ вамъ, непремѣнно буду, очень скоро буду». Но на посулѣ, какъ на стулѣ. Между тѣмъ, я снова собираю крестьянъ и пытаюсь уговорить ихъ подписать условіе, обѣщая, сверхъ подаренной имъ уже мною лишней, еще нѣсколько десятинъ лишней земли. Куда! крестьяне и слышать не хотятъ о подписаніи условія. «Самъ посредникъ не ѣдетъ къ намъ, стало быть, дѣло не тово»... толкуютъ они между собою.

Такимъ образомъ насталъ уже сентябрь. Наконецъ, видя, что дѣло мое погибаетъ жертвою славянской способности считать себя ко всему способнымъ, сверхъ кейфа и угощенія, я схватился за слѣдующее средство спасенія: пріѣхалъ въ Тулу ко времени мироваго съѣзда и, отыскавъ тамъ кандидата посредника 1-го участка, обратился къ нему съ просьбою принять на себя введеніе у меня уставной граматы. Кандидатъ съ полною готовностью согласился на мою просьбу, и для этого предложилъ мнѣ явиться въ часъ пополудни на мировой съѣздъ и лично просить тамъ г. Б. о формальной передачѣ моего дѣла его кандидату.

Сдѣлано, обѣщано. Не довольствуясь обѣщаніями благодушнѣйшаго г. Б., я, на другое утро, съѣздилъ еще къ нему въ нумеръ и просилъ его письмоводителя, экс-квартальнаго, о поспѣшеніи передачи моей уставной граматы кандидату г. Б. И съ этой стороны было обѣщано немедленное исполненіе моей просьбы, что, впрочемъ, было и нетрудно, и легко для самаго страстнаго поклонника кейфа. Ѣду я къ себѣ въ деревню, на этотъ разъ уже безъ малѣйшаго скептицизма, потому что кандидатъ посредника любитъ исполнять свои обѣщанія. Однакожъ, черезъ недѣльку времени я навѣстилъ его.

— Сейчасъ же поѣхалъ бы къ вамъ — сказалъ онъ мнѣ. Да вотъ, видите ли: добрѣйшій г. Б. прислалъ мнѣ вашу уставную грамату и съ копіями, да не приложилъ къ нимъ своей печати, а безъ этого я не могу приступить къ дѣлу. Вѣроятно онъ позабылъ это сдѣлать. Теперь жду отъ него печати, о чемъ я письменно просилъ его. Какъ только получу, сейчасъ же къ вамъ.

— Ну—думаю себѣ, возвращаясь домой отъ кандидата. Теперь дѣло мое въ шляпѣ: одна присылка печати уже не можетъ затруднить самаго отчаяннаго кейфиста. Но, видно, я тогда невполнѣ еще понималъ всю несокрушимую силу того апатичнаго славянскаго кейфа, по милости котораго потребовалось цѣлое тысячелѣтіе для заведенія у себя порядка...

Цѣлый мѣсяцъ провелъ я въ сладкой надеждѣ, что вотъ-вотъ дѣло мое окончится надняхъ. Трудно ли прислать на день печать къ своему кандидату? Неужели труднѣе именинныхъ и разныхъ прочихъ угощеній, на которыя былъ и не скупъ, и большой мастеръ благодушнѣйшій г. Б.? Но, по истеченіи мѣсяца, сперва сладкаго, а потомъ томительнаго ожиданія, вмѣсто кандидата посредника, ко мнѣ являются волостные старшина и писарь, и подаютъ мнѣ мою уставную грамату.

— Что это значитъ?—спросилъ я пришедшихъ ко мнѣ quasi-властей.

— Уставная грамата, отвѣчали въ одно время обѣ quasi-власти.

— А когда же она будетъ введена въ дѣйствіе? переспросилъ я.

— Да она ужъ введена.

— Какъ введена? Да вѣдь для этого необходимо было пріѣхать въ имѣніе самому г. посреднику, или его кандидату, потому что старшинѣ не предоставлено ни малѣйшаго права введенія уставныхъ граматъ.

— Я этого не знаю, отвѣчалъ старшина.—Но только г. Б. приказалъ мнѣ передать вамъ эту грамату и объявить, что она уже введена, что означено и въ самой граматѣ, гдѣ и печать приложена.

Взялъ я грамату и заглянулъ въ нее. И печать, и подпись посредника въ ней находятся. Но сверхъ этого находится въ ней и еще кой-

что весьма курьезное, чтобы не сказать скандалезное, а что именно находится, о томъ слѣдуютъ пункты:

1) Написано на предпослѣдней страницѣ такъ: *1862 года 23 марта уставная грамата прочтена на сходкѣ при такихъ-то* (слѣдуютъ имена крестьянъ выборныхъ) и затѣмъ: *введена въ дѣйствіе мировымъ посредникомъ 1-го участка.*

2) Написано еще: *21-го марта утверждена мировымъ съѣздомъ.* — Что же это такое? подумалъ я. Въ важный офиціальный актъ *вписано то, чего никогда не было, а невписано того, что было,* а именно: *грамата введена 23-го марта — этого не было, а что грамата предварительно повѣрена 7-го марта — это было; но этого не вписано...* Что же это такое?.. Какъ бы сказать помягче? Не придумаю, и потому скажу прямо: это — *офиціальная общественная ложь,* затесавшаяся въ офиціальный общественный актъ и порожденная или славянскимъ кейфомъ весьма честнаго и благодушнаго г. Б., или художественностію его письмоводителя, экс-квартальнаго, о которомъ ходятъ, по всѣмъ тульскимъ мировымъ участкамъ, громкіе слухи, какъ о страстномъ любителѣ и великомъ виртуозѣ всякихъ этакихъ посильныхъ и насильныхъ жертвоприношеній, и умѣвшаго превратиться изъ письмоводителя въ руководителя благодушнѣйшаго г. Б. Но только это паралитическое благодушіе ультра-амфитріона, въ соединеніи съ ястребиною художественностью экс-квартальнаго, и увѣнчанное офиціальною ложью, приготовило для меня чашу, полную самого что ни есть горчайшаго питья, особенно по контрасту его съ клодъ-вужо и шато-икемъ именинного обѣда. Вотъ какой вкусъ имѣетъ это офиціальное питіе:

1. Срокъ платежа оброковъ насталъ у меня еще 1-го октября. Но крестьяне и не думали платить ихъ. «Посредственникъ не пріѣзжалъ, стало быть, можно и не платить», бормочутъ они про себя.

2. Выкупнаго условія не подписываютъ и даже ненамѣрены подписать, и все потому, что «посредственникъ не пріѣзжалъ».

3. Я далъ крестьянамъ льготу мѣсяцъ, потомъ другой, третій. Но и послѣ этого они нетолько не уплатили оброка, но даже и не начинаютъ уплачивать, не платятъ ни копѣйки, потому что «посредственникъ не пріѣзжалъ; ну и можно не платить».

А тутъ давно уже насталъ срокъ платежа процентовъ въ опекунскій совѣтъ, да еще нужны деньги на вольнонаемный трудъ, начавшійся въ имѣніи съ прекращеніемъ барщины. Какъ тутъ быть? что дѣлать? А между тѣмъ у моего сосѣда, исправника, и выкупное условіе крестьяне подписали давнымъ давно, и оброкъ ему платятъ исправно, потому что

пріѣзжалъ туда самъ «посредственникъ», т. е. *тамъ было дѣйствительное, а не облыжное введеніе въ дѣйствіе уставной граматы.*

Жутко пришлось мнѣ!

Въ первыя недѣли послѣ визита ко мнѣ старшины и писаря я было собирался поѣхать къ «благодушнѣйшему» и слезно умолять его помочь моей бѣдѣ и поправить своимъ ко мнѣ пріѣздомъ испорченное дѣло. Но разныя лица стали мнѣ говорить, въ видѣ утѣшенія, что не я одинъ пью такую чашу, но что весьма и весьма многіе землевладѣльцы 1-го участка терпятъ то же самое, и что поэтому даже создалась поговорка: «въ 1-мъ участкѣ уставныхъ граматъ введено нуль». Разумѣется, несовсѣмъ нуль, а очень мало.

Вторая кореспонденція *).

Въ № 36 «Голоса» я описывалъ подвиги служебной дѣятельности г. Б., мироваго посредника 1-го участка тульскаго уѣзда. Хотя послѣ написанія мною той статьи прошло немного времени, но много утекло воды, много измѣнилось и совершилось новаго въ той средѣ, въ которой г. Б. упражнялся въ славянскомъ кейфѣ. Въ послѣднее время упражненія эти приняли самые громадные размѣры, т. е. полнѣйшая бездѣйственность г. посредника вызвала всеобщій ропотъ. Почти всѣ прошенія, даже самыя законныя и серьезныя, подаваемыя ему разными землевладѣльцами, а въ томъ числѣ и мною, оставлялись безъ малѣйшаго вниманія, неисполненными и даже безъ отвѣта. А между тѣмъ, чѣмъ болѣе сибаритничалъ г. Б., тѣмъ наглѣе становилась ястребиная художественность его письмоводителя, который все расширялъ и усиливалъ систему таинственныхъ и беззаконныхъ поборовъ съ крестьянъ 1-го участка. Вначалѣ тихіе, робкіе и сдержанные, стоны обираемыхъ и высасываемыхъ жертвъ раздались, впослѣдствіи, громче и, наконецъ, дошли до тѣхъ, кому подобало это знать. Г. посреднику сдѣланы были замѣчанія насчетъ этихъ слуховъ о его письмоводителѣ. Но г. Б. стоялъ за него горою.

Въ началѣ февраля сего 1863 года, одинъ дворовый человѣкъ, у меня въ имѣніи, и его жена были обвинены въ уголовномъ преступленіи. Дѣло это, какъ о дворовомъ человѣкѣ, подлежало первоначально обсужденію мироваго посредника, но не дошло до него, а было передано старшиною прямо становому приставу, вслѣдствіе того, что г. Б. не изволитъ самъ заниматься большею частію дѣлъ своего участка, а пе-

---

*) 1863 года, № 69.

редалъ ихъ на руки волостныхъ старшинъ, на подобіе того, какъ онъ передалъ старшинѣ дѣло о введеніи у меня уставной граматы.

Наконецъ, мѣра неправдъ и беззаконій переполнилась, и я рѣшился дѣйствовать во имя правды и справедливости, и въ защиту правъ и самыхъ кровныхъ интересовъ обитателей 1-го участка, правъ и интересовъ, попранныхъ апатіею и бездѣйствіемъ посредника и дѣйствіями его письмоводителя. Февраля 14-го я подалъ тульскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію жалобу на посредника 1-го участка. Въ первой части этого, довольно пространнаго документа я излагалъ исторію *облыжнаго введенія у меня уставной граматы*, т. е. помѣстилъ въ жалобѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, сокращеніями и пропусками, статью мою, помѣщенную въ № 36-мъ «Голоса». Во второй части изложилъ я нѣсколько фактовъ самаго вопіющаго служебнаго бездѣйствія г. посредника, имѣвшихъ чрезвычайно вредныя послѣдствія для землевладѣльцевъ перваго участка. Для лучшаго уразумѣнія дальнѣйшихъ фазисовъ и перепитій этой, такъ сказать, юридической драмы, излагаемой мною передъ судомъ общественнаго мнѣнія, я нахожу необходимымъ привести здѣсь вступленіе и заключеніе моей жалобы. Вотъ они:

«Вынужденный жаловаться на незаконныя дѣйствія мироваго посредника 1-го участка, г. Б., считаю необходимымъ войти въ разныя подробности для того, чтобы вполнѣ и ясно изобразить всѣ тѣ многочисленныя непріятности, оскорбленія, нравственныя и матеріальныя потери и страданія, которыя переносилъ я въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ, и переносилъ вслѣдствіе полнаго невниманія къ своимъ обязанностямъ, совершеннаго равнодушія къ интересамъ землевладѣльцевъ 1-го участка и образцовой недѣятельности г. Б.

И затѣмъ:

«Заключаю мою жалобу на г. посредника Б. обвиненіемъ, что вслѣдстіе его постояннаго и долговременнаго бездѣйствія, въ первомъ участкѣ господствуетъ полнѣйшая анархія, совершенный хаосъ, такъ что если это продолжится еще нѣсколько времени, то слѣдуетъ ожидать величайшихъ безпорядковъ и неурядицы въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и бывшими ихъ крестьянами, о чемъ имѣя честь донести тульскому губернскому присутствію, прошу у него защиты и правосудія, противъ нарушенія правъ, даруемыхъ землевладѣльцамъ «Положеніемъ 19-го февраля».

Наканунѣ подачи этой жалобы пришелъ въ Тулу 36-й нумеръ «Голоса». Это была бомба, упавшая среди большаго города (въ 58 тысячъ населенія). Разрывъ этой бомбы, т. е. чтеніе кореспонденціи «Голоса» про-

извело различныя дѣйствія: нѣкоторые были поражены изумленіемъ, смущеніемъ и страхомъ, но большинство отъ души смѣялось, и многое множество веселились и радовались смѣлой правдѣ и спасительной гласности. Въ тульскомъ клубѣ нумеръ 36-й «Голоса» переходилъ изъ рукъ въ руки, читался съ жадностью, и на другой день пошелъ обходить весь городъ. Въ этотъ же день былъ и мировой съѣздъ, на которомъ кто-то сказалъ собравшимся тульскимъ посредникамъ (кромѣ г. Б., котораго тамъ не было; онъ оставался въ своей деревнѣ):

— Господа! вамъ слѣдуетъ отвѣчать на статью «Голоса».

— Вовсе не слѣдуетъ, отвѣчали посредники: потому что, вопервыхъ, статья эта относится къ г. Б., такъ пусть онъ и отвѣчаетъ самъ за себя; во вторыхъ, отвѣчать трудно, потому что въ статьѣ, отъ начала до конца, все правда; наконецъ, въ третьихъ, это дѣло литературное, а мы литературою не занимаемся.

На другой день послѣ подачи мною жалобы, являлось ко мнѣ нѣсколько землевладѣльцевъ (одинъ тверской), съ изъявленіемъ живѣйшей благодарности за мою статью, которая, по ихъ словамъ, должна имѣть самыя благодѣтельныя послѣдствія, нарушивъ безмятежный, но для общества весьма вредный, сонъ тѣхъ, къ несчастію, многихъ посредниковъ, которые слишкомъ рано вздумали опочить на скороспѣлыхъ лаврахъ, или поколебавъ самоувѣренность и фетишизмъ тѣхъ другихъ, и тоже многихъ, посредниковъ, которые иногда позволяютъ себѣ большой произволъ, вообразивъ себя непогрѣшимыми, какъ римскіе папы, и неприкосновенными, какъ испанскіе гранды.

Господину Б. предъявили мою жалобу и потребовали отъ него объясненія. Между тѣмъ, недѣли черезъ двѣ, я пріѣхалъ въ Тулу навѣдаться о послѣдствіяхъ моей жалобы. И каково было мое изумленіе, когда одинъ изъ моихъ знакомыхъ сообщилъ мнѣ, что «я проиграю свое дѣло, что я неправъ, потому что г. Б. дѣйствительно пріѣзжалъ ко мнѣ въ имѣніе и лично ввелъ тамъ уставную грамату, и что этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ моею собственноручною подписью».

«Какъ это?» возразилъ я съ изумленіемъ: «вѣдь всей деревнѣ извѣстно, что г. Б. только одинъ разъ, 7-го марта, пріѣзжалъ въ имѣніе, для повѣрки уставной граматы, и съ тѣхъ поръ не былъ тамъ ни ногой. Это доказывается еще слѣдующими важными обстоятельствами: вопервыхъ, въ находящейся у меня копіи съ уставной граматы значится, что г. посредникъ вводилъ грамату 23-го марта, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что еще за недѣлю до этого числа началась распутица, продолжавшаяся болѣе мѣсяца, такъ что 23-го марта не было никакой воз-

можности, въ какомъ бы то ни было экипажѣ, добраться до меня за 15 верстъ; вовторыхъ, у моихъ крестьянъ отрѣзывалось болѣе 40 десятинъ лишней земли, и сверхъ того, по случаю разверстанія къ однимъ мѣстамъ, отходило отъ нихъ одно пахатное поле, взамѣнъ котораго отводилось имъ поле въ другомъ мѣстѣ. Такія важныя перемѣны требовали непремѣнно, чтобы посредникъ, при введеніи уставной граматы, указалъ имъ новую ихъ землю и при этомъ объяснилъ, для чего сдѣланъ этотъ обмѣнъ, а равно и отрѣзка отъ нихъ сорока-четырехъ десятинъ земли. Безъ такого указанія уставная грамата теряетъ большую часть своего значенія и силы. Вслѣдствіе-то этого непріѣзда ко мнѣ посредника и неуказанія имъ, крестьянамъ, границъ ихъ земли, они и упорствуютъ въ нежеланіи подписать выкупное условіе».

— Все это такъ, сказалъ мой знакомецъ. Но только не знаю, какъ это случилось, а вы подписали уставную грамату. Съѣздите къ кому слѣдуетъ и посмотрите.

Поѣхалъ я къ кому слѣдуетъ, взглянулъ на уставную грамату и, къ величайшему моему изумленію, прочиталъ въ концѣ этой граматы, на одной страницѣ, протоколъ введенія ея въ дѣйствіе 23-го марта, а на другой — мою подпись, за которою слѣдовали подписи тѣхъ же самыхъ выборныхъ крестьянъ, которые прежде подписали повѣрку граматы. Но только меня поразилъ странный почеркъ этой подписи: рука похожа на мою, но несовсѣмъ; слова̀: *къ сей уставной граматѣ отставной маіоръ Н. П. М. руку приложилъ* были начертаны самою нетвердою, дрожащею рукою, крупными буквами, почти каракульками, и представляли кривую, ломанную линію, тогда какъ моя обыкновенная подпись бываетъ пряма и мелка. Но все таки подпись эта напоминала мой почеркъ. Что̀ бы это значило?... Или у меня память отшибло? Наконецъ, эта память ожила, воскресила одно страшное событіе моей жизни, и при этомъ озарило свѣтомъ соображенія самую недостойную со мною продѣлку, которую опишу я во всей ея наготѣ.

10-го іюля 1862 года, въ теплый лѣтній вечеръ, возвращался я, на пролеткѣ, съ покоса домой. Когда я въѣзжалъ въ деревню, лошадь взбѣсилась и понесла меня прямо въ оврагъ. Кучеръ повернулъ ее назадъ, но слишкомъ круто, такъ что она взвилась на дыбы и, затѣмъ, брякнулась со всѣхъ ногъ на землю, а пролетка перевернулась кверху колесами и изломалась въ дребезги. Я же отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ влѣво и ударился лѣвымъ бокомъ о землю. Какъ и отчего я не былъ убитъ тогда на мѣстѣ, это — такое чудо, котораго и по сію пору объяснить себѣ я не съумѣю. Крестьяне подняли меня, походившаго на

трупъ, положили на разостланный холстъ и, принеся въ мой домъ, сложили на диванъ. Нѣсколько недѣль пролежалъ я, и не могъ пошевелиться, не ощущая сильнѣйшей боли въ лѣвомъ плечѣ, рукѣ и ногѣ.

Дней черезъ шесть или семь послѣ этой катастрофы, лежалъ я въ своемъ кабинетѣ, на диванѣ, неподвижный, и могъ владѣть, и то съ трудомъ, только одною правою рукою. Я видѣлъ, какъ докторъ сомнительно покачивалъ головою, а домашніе ходили вокругъ меня на цыпочкахъ и съ заплаканными глазами, и потому я готовился уже къ вѣчности. Въ самыя эти грозныя минуты явился ко мнѣ въ прихожую волостной писарь и объявилъ, что онъ присланъ ко мнѣ отъ мироваго посредника, для того, чтобы я подписалъ уставную грамату. Въ отвѣтъ ему повторяли нѣсколько разъ, что я нахожусь при смерти, и что теперь не время безпокоить меня. Но писарь не удалялся и объявилъ рѣшительно, что онъ не уйдетъ, пока я не подпишу уставную грамату, и что онъ получилъ такой строгій приказъ отъ самого г. посредника. Нечего было дѣлать противъ такого наглаго вторженія въ мой домъ, и потому мнѣ доложили о приходѣ писаря. Я велѣлъ позвать его къ себѣ въ кабинетъ.

«Что вамъ надо?» спросилъ я слабымъ голосомъ.

— М. Ив. Б. приказалъ сказать вамъ, чтобы непремѣнно подписали эту грамату, безъ чего она не можетъ быть введена въ дѣйствіе.

Я не спорилъ, а приказалъ подать себѣ перо и тетрадь нотъ въ переплетѣ, которую приставили къ моей груди, наподобіе пюпитра, положили на него уставную грамату, и затѣмъ, подъ диктовку писаря, я подписалъ или, вѣрнѣе, нацарапалъ дрожащею рукою и съ величайшимъ усиліемъ подпись, о которой говорилось выше. По совершеніи этого я совершенно обезсилѣлъ и впалъ въ изнеможеніе. Писарь ушелъ. Недѣли черезъ три я всталъ съ постели и хоть съ большимъ трудомъ, опираясь на палку и поддерживаемый подъ руку, могъ уже перейти черезъ комнату и сидѣть въ креслѣ. Въ концѣ августа я уже могъ выѣхать къ ближайшему сосѣду, у котораго видѣлся съ посредникомъ, и все безуспѣшно просилъ его пріѣхать ко мнѣ, для введенія уставной граматы.

Между тѣмъ, одолѣваемый славянскимъ кейфомъ, т. е. непомѣрною лѣнью, г. Б. рѣшился на слѣдующую продѣлку: составилъ съ своимъ письмоводителемъ ложный протоколъ небывалаго введенія у меня уставной граматы и вписалъ эту ложь, заднимъ числомъ, въ уставную грамату; но только не знаю: до или послѣ моего подписанія каракульками. Затѣмъ, не останавливаясь на полудорогѣ къ подлогу, убѣжденіями, или

угрозами, заставили выборныхъ крестьянъ подписать этотъ подложный протоколъ и, такимъ образомъ, совершили *формальный подложный документъ*. Наконецъ, эта миѳическая уставная грамата впослѣдствіи была препровождена въ губернское присутствіе, гдѣ и хранится въ настоящее время. Но подъ конецъ Богъ попуталъ неразумныхъ и неосторожныхъ фабрикантовъ офиціальной лжи и подлога; они обличили въ этомъ сами себя, и вотъ какъ:

Когда вслѣдствіе моей жалобы, губернское присутствіе потребовало отъ посредника объясненія, то этотъ послѣдній совсѣмъ позабылъ о совершенномъ имъ подлогѣ, которымъ, иначе, легко могъ бы воспользоваться, отвѣчая, что онъ вводилъ лично у меня уставную грамату, что̀ засвидѣтельствовано моею подписью. Вмѣсто того, г. Б. отвѣчалъ такъ: «Я не считалъ нужнымъ пріѣзжать въ имѣніе для введенія тамъ уставной граматы». Истино институтская наивность! Не считалъ нужнымъ!!??... А зачѣмъ же г. Б. счелъ нужнымъ вписать въ уставную грамату ложь, заднимъ числомъ? И на что̀ же издано «Положеніе», въ которомъ именно сказано, что посредникъ обязанъ непремѣнно лично вводить уставную грамату и указать крестьянамъ границу ихъ земли, въ особенности тамъ, гдѣ есть отрѣзка земли отъ крестьянъ или перемѣна ихъ пашни на другую. А у меня было и то̀, и другое. Неменѣе наивно было объясненіе г. Б. насчетъ того, что онъ не озаботился согласить крестьянъ на подписаніе выкупнаго условія: «Я не обязанъ принуждать ихъ къ этому». А что̀ же означаетъ названіе *мировой посредникъ*, какъ не то̀, что онъ обязанъ соглашать и мирить между собою землевладѣльцевъ и крестьянъ.

Итакъ, г. Б. сознался офиціально и на бумагѣ, что онъ не пріѣзжалъ ко мнѣ въ имѣніе вторично, для введенія уставной граматы, т. е. сознался въ томъ, что *онъ совершилъ подложный документъ*. Отказываюсь отъ дальнѣйшихъ коментарій на этотъ поступокъ: факты говорятъ сами за себя. Теперь же подождемъ и посмотримъ, какъ и чѣмъ рѣшитъ губернское присутствіе это серьёзное дѣло, о чемъ не премину подѣлиться съ читателемъ «Голоса». Во всякомъ случаѣ, въ какой бы инстанціи ни рѣшилось окончательно это дѣло, изъ него вытекаютъ два неизбѣжные вывода: или *г. Б. долженъ быть судимъ за совершеніе имъ подлога*, если я докажу это — или, если я не успѣю доказать, то *я самъ долженъ быть судимъ за ложное обвиненіе*.

Подождемъ и посмотримъ.

Рожествино, 1863 года, 7 марта.

НОТАРІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

Вопросъ о старшихъ нотаріусахъ, это — вопросъ чрезвычайной важности. Учрежденіе этихъ нотаріусовъ, или вѣрнѣе, правила, которыми окружена дѣятельность этого учрежденія; правила донельзя придирчивыя и стѣснительныя, предоставляющія широкое поле для произвола и кривотолкованій, сдѣлали изъ старшаго нотаріуса учрежденіе неудавшееся, юридическое фіаско, отъ котораго постоянно и страшно страдаютъ интересы всего общества. Страданія эти порою невыносимы и возбуждаютъ повсемѣстныя жалобы и ропотъ, и вопіютъ о скорѣйшемъ преобразованіи неудавшагося учрежденія. Но увы! Часто самыя неотложныя преобразованія осуждаются на черепашье шествіе. Поэтому необходимо пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы напоминать кому слѣдуетъ о страданіяхъ общества отъ неудавшихся учрежденій и о необходимости скораго ихъ измѣненія. Поэтому же самому и я помѣщаю здѣсь мою статью о нотаріатѣ, которая была напечатана въ 287 номерѣ «Новаго времени» 1875 года.

Представьте себѣ какое нибудь промышленное заведеніе, заводъ, фабрику и т. п. Между разными машинами тамъ была одна, весьма несложная, съ однимъ колесомъ, которая въ день производила извѣстную сумму работы. И вдругъ нашли, что эта машина устарѣла, не соотвѣтствуетъ современному прогрессу. И вотъ какіе-то велемудро-хитрые механики придумали, взамѣнъ одноколесной, машину съ двумя колесами, которая, разумѣется, стоила вдвое дороже. Пустили ее въ ходъ. Оказалось, что эта двухколеска потребовала цѣлый мѣсяцъ для производства той работы, которую одноколеска производила въ одинъ день. Спрашивается: прогресъ это, или нѣтъ?

Точь въ точь такой же прогрессъ, относительно крѣпостныхъ актовъ, представляетъ собою учрежденіе нотаріата, въ особенности старшихъ

нотаріусовъ, этого второго колеса нотаріальной махины, замѣнившей гражданскія палаты. Вѣроятно, девять десятыхъ изъ тѣхъ, которымъ приходилось совершать крѣпостные акты, испытали, что новый нотаріальный порядокъ страшно затормозилъ это дѣло, такъ что на самую чистую, безспорную продажу и покупку совершеніе купчей крѣпости, производившееся бывало въ гражданскихъ палатахъ въ день и много въ два, требуетъ теперь по меньшей мѣрѣ мѣсяцъ и болѣе. Часто многіе мѣсяцы тянется это совершеніе, по милости гг. старшихъ нотаріусовъ, измышляющихъ непрерывную, безконечную цѣпь препятствій, задержекъ, придирокъ, притязаній, подозрѣній, сомнѣній, фантастическихъ, небывалыхъ запрещеній и пр. Нѣкоторые умозрители говорятъ: осторожность требуетъ такой медлительности отъ нотаріальныхъ Фабіевъ для того, чтобы не могло произойти подлоговъ и обманныхъ продажъ и покупокъ. Такъ ли это? Смѣло отвѣчаю: не такъ. Стѣснительныя мѣры и притязанія при совершеніи крѣпостныхъ актовъ не приносятъ никому ни малѣйшей пользы, не предупреждаютъ ни малѣйшаго зла, потому что хитрый, ловкій и опытный плутъ съумѣетъ обойдти всякій законъ, проскользнуть съ обманомъ или подлогомъ мимо носа самаго придирчиваго старшаго нотаріуса. Стѣсняютъ же эти придирки однихъ только честныхъ людей и причиняютъ огромный вредъ и ущербъ частнымъ сдѣлкамъ, продажамъ и покупкамъ. Я приведу неопровержимые и краснорѣчивые факты для доказательства моихъ утвержденій, и факты не единственные, а взятые изъ тысячи подобныхъ фактовъ.

Въ 1838 году г-жа Б. отдала въ приданое за своей дочерью имѣніе, въ Тульскомъ уѣздѣ, и дала своему - зятю г-ну М., въ ожиданіи крѣпостнаго акта, полную довѣренность на управленіе тѣмъ имѣніемъ, съ правомъ заложить или продать его. Въ 1845 году г. М. овдовѣлъ и продолжалъ управлять имѣніемъ тещи. Въ 1861 году, вслѣдствіе прошенія его, моск. опекунскій совѣтъ перевелъ числящійся на имѣніи долгъ по займу на крестьянскій надѣлъ, снявъ запрещеніе съ земли залогодательницы г-жи Б., о чемъ тогда же и увѣдомилъ оффиціально г-на М. и тульскую гражданскую палату. Наконецъ, въ 1865 г. была совершена въ тульской гр. палатѣ дарственная запись, по которой г-жа Б. отдала свое тульское имѣніе своимъ внукамъ: сыну и дочери г-на М. И несмотря на то, что на имѣніи оказалось небольшое запрещеніе по иску въ 1836 году (искъ этотъ былъ уже давно прекращенъ, но запрещеніе еще не было снято), совершеніе дарственнаго акта потребовало не болѣе двухъ дней. Въ томъ же 1865 г. сынъ г-на М. про-

далъ отцу свою часть изъ материнскаго наслѣдія, и купчая эта совершена была въ палатѣ тоже въ два дня.

Въ 1868 г. г-нъ М. продалъ своей женѣ купленное у сына имѣніе, похлопотавъ прежде о снятіи лежавшаго на немъ запрещенія по прекращенному старому иску. Но не смотря на то, что имѣніе это сдѣлалось уже совершенно чистымъ и свободнымъ, т. е. было, какъ говорятъ, безъ сучка и задоринки, болѣе мѣсяца потребовалось на совершеніе купчей у г. старшаго тульскаго нотаріуса, который значительную часть дня и ночи проводилъ надъ измышленіемъ разныхъ препонъ и тормозилъ самымъ немилосерднымъ, свирѣпымъ образомъ дѣло всякой продажи и покупки. Вслѣдъ за совершеніемъ купчей, г-ну М. посчастливилось: былъ учиненъ вводъ во владѣніе его жены, хотя эта формальность и была упущена изъ виду при совершеніи дарственной записи и потомъ при покупкѣ имѣнія отцомъ у сына.

Мѣсяца два спустя послѣ этого, нѣкто Бу—въ купилъ имѣніе, сосѣднее съ имѣніемъ г-жи М. Продавецъ г. А., показывая землю покупщику г. Б., сказалъ, вѣроятно, въ шутку:

— Вотъ эту отхожую пустошь Дьяково, 100 десятинъ, я продаю вамъ. А этими прилегающими къ ней 18-ю десятинами владѣетъ г-жа М. Но *онѣ мои, и если вы сможете, то возьмите ихъ себѣ.*

Г. Бу—въ намоталъ себѣ на усъ эти шуточныя слова и, вскорѣ послѣ того, пригласилъ къ себѣ частнаго землемѣра, который, по его указанію, обмежевалъ всю землю, и купленную имъ у г-на А., и принадлежащую г-жѣ М., и положилъ ее на планъ, какъ собственность г-на Бу—ва. Затѣмъ, онъ не остановился на полдорогѣ, а пошелъ гораздо далѣе: взялъ да и заложилъ въ банкѣ и свою, и чужую землю, предварительно получивъ на это свидѣтельство отъ г. старшаго нотаріуса.

«L'appétit vient en mangeant», говоритъ французская пословица, а аппетитъ у г-на Бу—ва былъ волчій. Онъ взялъ да и продалъ и свои 100, и принадлежащія г-жѣ М. 18 десятинъ одному крестьянину, Пе—ву, грамотному, толковому и прослужившему года три членомъ тульской земской управы. И купчая была совершена.

При вводѣ во владѣніе бѣднаго покупщика Пе—ва продѣлки Бу—ва вышли наружу: понятые всѣ въ одинъ голосъ завопили, что облыжно проданныя 18 десятинъ никогда Бу—ву не принадлежали, а находились въ безспорномъ владѣніи г-на М. болѣе 30 лѣтъ. Зычно взвылъ бѣдный крестьянинъ Пе—въ, придавленный, такъ сказать, тяжестью нѣсколькихъ сотъ кровныхъ и трудовыхъ своихъ рублей, вытащенныхъ изъ его небогатаго кармана. Пошло дѣло, да, кажется и теперь оно

еще продолжается. Бѣдный крестьянинъ Пе—въ продолжаетъ зычно выть о покражѣ у него кровныхъ денежекъ; Бу—въ продолжаетъ преспокойно жить да поживать, да вѣроятно придумывать и обдумывать новыя козни и злоухищренія на чужую собственность; г-жа М. продолжаетъ крѣпко владѣть законно пріобрѣтенными 18-ю десятинами отхожей пустоши Дьяковой; а г. старшій тульскій нотаріусъ продолжаетъ денно и нощно корпѣть до истомленія надъ изобрѣтеніемъ тормазовъ и закорючекъ. А въ подтвержденіе этого приведу еще одинъ фактецъ, свѣженькій, горяченькій.

Въ іюлѣ сего 1875 года г-жѣ М. нужно было получить, для одного денежнаго оборота, свидѣтельство на свое имѣніе; и, по особой благости Провидѣнія, она весьма скоро получила его, что весьма естественно, потому что имѣніе ея было совершенно чисто и свободно. А въ октябрѣ того же 1875 г. потребовалось наконецъ ввести дочь г-на М. во владѣніе имѣніемъ, отданнымъ ей бабкою г-жею Б. На основаніи довѣренности отъ дѣтей, г. М. подалъ въ тульскій окружной судъ прошеніе объ этомъ вводѣ. Назначенъ былъ день къ слушанію этого дѣла. И.... о боги и богини древняго Олимпа!... О музы древняго Геликона!... О всѣ вы, миѳическія чада древней Эллады, измышленныя для представительства и покровительства всякихъ искусствъ, даже всякихъ страстей и страстишекъ... Который же или которая же изъ васъ покровительствуетъ нашимъ старшимъ нотаріусамъ и вдохновляетъ ихъ велемудрыя головы и пылкія, бурныя, неистощимыя воображенія, геніально измышляющія тьму тьмущую закорючекъ, заковычекъ, придирокъ для торможенія крѣпостныхъ актовъ? Не ты ли, о достопочтеннѣйшая госпожа Ѳемида, снабжаешь такимъ роковымъ вдохновеніемъ нашихъ старшихъ нотаріусовъ вообще, а тульскаго въ особенности? Какую же плохую, чтобы не сказать скверную, услугу оказываешь ты юридически или, вѣрнѣе, нотаріально-многострадальному россійскому обществу вообще и тульскому въ особенности!... Но возвращаюсь къ тульскому окружному суду.

Настала минута слушанія дѣла о вводѣ во владѣніе дочери г-на М., дѣла самаго простаго, нехитраго. Но увы! почтенный г. старшій тульскій нотаріусъ, вдохновенный почтенною г-жею Ѳемидою, а можетъ быть и другимъ какимъ либо древнимъ греческимъ, или египетскимъ, или халдейскимъ божествомъ, затормозилъ своею нотаріально-художественною дланію это нехитрое дѣло ввода во владѣніе. Онъ открылъ запрещеніе на этомъ имѣніи, столь же чистомъ и свободномъ, какъ и имѣніе г-жи М., на которое самъ же онъ, старшій тульскій нотаріусъ, три мѣсяца

тому назадъ, выдалъ свидѣтельство безъ всякихъ закорючекъ, а теперь онъ же, г. старшій тульскій нотаріусъ, открылъ запрещеніе, вѣроятно взглянувъ на это дѣло въ микроскопъ, а можетъ быть и въ телескопъ, а можетъ быть и въ калейдоскопъ.

И такъ, дѣло было заторможено. А г-ну М. до зарѣзу необходимо было спѣшить въ Петербургъ. Съ отчаяніемъ и негодованіемъ въ душѣ онъ принужденъ былъ отложить свой отъѣздъ, къ явному ущербу своихъ дѣлъ. По счастію, обошлось на этотъ разъ безъ примѣненія къ дѣлу пословицы о «бросаніи камня въ воду и доставаніи его оттуда десятью умниками». Сейчасъ же наведена была справка, по которой оказалось, что г. старшій тульскій нотаріусъ, по пословицѣ «слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ», заглянулъ только въ запретительныя статьи, въ одной изъ которыхъ видно было, что когда-то на имѣніи г-жи Б. лежалъ долгъ опек. совѣта. И затѣмъ не далъ себѣ труда заглянуть въ отмѣнительныя статьи, въ одной изъ которыхъ ясно виднѣлось, что уже болѣе 10 лѣтъ, какъ долгъ тотъ былъ переложенъ на крестьянскій надѣлъ съ имѣнія г-жи Б., которое, поэтому, было совершенно свободно. Это самое освобожденіе отъ запрещенія видно было даже изъ самой дарственной записи, представленной въ судъ г-мъ М. Но г. старшій нотаріусъ не соблаговолилъ этого усмотрѣть, а заблагоразсудилъ лучше затормозить самое легкое и нехитрое дѣло ввода во владѣніе, потому что такое торможенье посредствомъ самыхъ вопіющихъ придирокъ, крючковъ и притѣсненій составляло всю суть, постоянную и главную задачу его нотаріальной дѣятельности. Да еще вѣроятно на его тормозильной совѣсти камнемъ лежало и то, что онъ незадолго передъ тѣмъ такъ скоро выдалъ свидѣтельство г-жѣ М. Надо же было наверстать такой нотаріальный промахъ. Но тульскій окружной судъ поступилъ весьма справедливо и гуманно: назначилъ вторичное слушаніе этого дѣла на другой же день, чтобы не держать долго въ Тулѣ г-на М. Благодареніе, хвала и честь тульскому окружному суду!

ЕЩЕ КОЙ-ЧТО О МОЕЙ МСТИТЕЛЬНОСТИ.

Каясь въ моихъ грѣхахъ, въ 3-й главѣ второй книги я сознавался въ моей мстительности и называлъ ее оборотною стороною благодарности. Разскажу теперь объ одномъ случаѣ такой мстительности, о которомъ я забылъ сказать во второй книгѣ. Былъ у меня когда-то другъ, котораго горячо, преданно любилъ и въ дружбу котораго вѣровалъ я какъ въ Бога. Но увы! Другъ этотъ разыгралъ со мною роль Іуды Искаріотскаго, съ тою разницею, что Іуда продалъ и предалъ Христа за 30 сребрениковъ, которые, вѣроятно, по тогдашнему курсу, представляли значительную сумму; тогда какъ Іуда новыхъ временъ отрекся отъ друга только за то, что тотъ не льстилъ ему, а говорилъ правду. И мало того, что отрекся, но при этомъ жестоко, безжалостно оскорбилъ и его любящее сердце, и его самолюбіе, затоптавъ ихъ въ грязь насмѣшекъ и пренебреженія. Въ продолженіи 12-ти лѣтъ это кровавое оскорбленіе раскаленнымъ желѣзомъ лежало на днѣ моей души и причиняло мучительную боль, пока, наконецъ, не утолилось оно местію, излившеюся громкими жалобами на бумагѣ. Прошло послѣ того 15 лѣтъ. Я началъ уже седьмой десятокъ лѣтъ и, не сегодня такъ завтра ожидалъ моей очереди отправится Туда. Желая примириться со всѣмъ прошлымъ, я послалъ тогда моему бывшему другу только что вышедшій изъ печати мой «Полный французско-русскій словарь», вложивъ въ него листокъ, на которомъ написалъ только три слова: *Война или миръ?* Словарь былъ принятъ, но отвѣта никакого, т. е. протянутая на примиреніе рука была оттолкнута. Сильно огорчило это меня; но я перенесъ ударъ терпѣливо и не промолвилъ ни слова. Года черезъ два послѣ того я вдругъ захворалъ и уже думалъ, что, наконецъ, настаъ счастливый для меня часъ освобожденія изъ мрачной тѣлесной тюрьмы. Я попытался еще разъ примириться, чтобы не уносить съ собою Туда ни ма-

лѣйшаго враждебнаго чувства. Съ этой цѣлію я написалъ и отправилъ кому слѣдуетъ письмо такого содержанія:

«*С.П.бургъ, 1866 года, апрѣля...*

«Милостивый Государь!

«Скоро начну я восьмой десятокъ лѣтъ и, стало быть, мнѣ придется въ непродолжительномъ времени отправится Туда, въ неизвѣстныя страны. Но что мнѣ хорошо извѣстно, такъ это вотъ что: чѣмъ менѣе будетъ въ сердцѣ горькихъ, непріязненныхъ чувствъ, чѣмъ болѣе накопится въ немъ примиреній съ враждебными воспоминаніями въ торжественныя предсмертныя минуты,—тѣмъ легче, тѣмъ успокоительнѣе будетъ отправленіе изъ здѣшней жизни. Поэтому протягиваю Вамъ руку на полное примиреніе и забвеніе враждебнаго прошлаго, надѣясь и въ Васъ встрѣтить такія же чувство и желаніе. Вѣдь между нами не лежитъ никакой «кровавой и незабываемой обиды», а только одно болѣе или менѣе оскорбленное самолюбіе. Достоинъ ли христіанина и философа такой ничтожный мотивъ для *вѣчной вражды*? Итакъ протягиваю Вамъ руку безъ всякой задней мысли и съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта.

«Примите увѣреніе. . . . . »

Увы! Ни единой строчки отвѣта. У христіанскаго Іуды сердце оказалось несравненно болѣе окаменѣлымъ, чѣмъ у Іуды еврейскаго, у котораго всетаки подъ конецъ совѣсть проснулась и онъ... повѣсился. Страшно огорчила и оскорбила меня такая сердечная окаменѣлость и, на этотъ разъ, я не выдержалъ, взялся за перо и написалъ сатиру, которая была помѣщена въ «Петербургскомъ Листкѣ». А теперь нахожу не лишнимъ помѣстить и здѣсь эту сатиру, для полнѣйшаго изображенія моей личности.

МЕТАМОРФОЗЫ

ИЗЪ ДАВНО-ПРОШЕДШАГО.

САТИРА.

Не тотъ уменъ—умно кто началъ,
А тотъ — окончитъ кто умно.

(Японская пословица).

Взбѣсился отъ жира
Рябой сатана.
Не хочешь ты мира—
Война, такъ война.
Исчадіе ада!
Продажей ты яда
Богатство стяжалъ.
Губитель Китая!
Народъ отравляя,
Ты въ люди попалъ.
И проклятый міромъ
Рябой сатана,
Зальешься ты жиромъ,—
Война, такъ война.

(Эпиграмма на продавца опіума. Переведено съ китайскаго).

Вступленіе.

Когда сивуха, въ дни былые
Обогащая, батраковъ
Вела въ чертоги золотые
Изъ душныхъ, грязныхъ кабаковъ;
Тогда у выскочки-скотины
Не только въ залахъ, но въ сѣняхъ
Являлись разныя картины

И милліоны въ сундукахъ,
Что выжимали изъ народа
Обмѣромъ сквернаго вина,
Въ шинкахъ картаваго урода,
Того плебея, чья спина
Ужъ не боялася ударовъ
За недомѣры недогаровъ,
За плутни всѣхъ его конторъ,
Гдѣ крылись мерзость и позоръ,
И гдѣ воровъ обогащали
За лесть, за правду-жъ разоряли
Слугъ вѣрныхъ: какъ хотѣлъ Андронъ,
Всесильный кабаковъ патронъ.

* * *

Превращенія.

Тогда былъ вѣкъ метаморфозы:
Въ монахи попадалъ гусаръ,
Репейникъ превращался въ розы,
Въ лафиты мѣтилъ полугаръ,
Безбожникъ дѣлался ханжою,
Кокетка—вѣрною женою,
Святоша въ атеизмъ впадалъ,
Андронъ ломился въ меценаты
И безъ разбора созывалъ
На жирный пиръ въ свои палаты
Ученыхъ, неучей, пройдохъ,
Порой талантливыхъ артистовъ,
И чаще ловкихъ аферистовъ,
Владѣтелей ученыхъ блохъ,
Добытыхъ ими для Андрона,
Картаваго Амфитріона.

* * *

Андронъ все чудное любилъ,
Но чуднымъ только находилъ
Одну пародію искусства
И то, что льститъ кабацкимъ чувствамъ.

Тонулъ онъ въ оргіяхъ не разъ
Среди распутнѣйшихъ проказъ.
Любилъ бездарныхъ онъ поэтовъ,
Писавшихъ вирши на заказъ;
Изъ службы выгнанныхъ корнетовъ
За пьянство, буйство и развратъ,
И оставлявшихъ на прокатъ
Не разъ у креза-фалелея
Запретный плодъ отъ гиминея.

* * *

Любилъ Андронъ и всласть попить,
И всласть поспать, и всласть покушать,
Любилъ и сплетней онъ послушать,
Порой стаканы перебить,
Приврать, прилгать и пулю слить.
И даже разъ на каламбуры
Онъ покусился, но понять
Могли однѣ ихъ только куры.
Любилъ и самъ потолковать
И, хоть картаво, разсказать
О томъ, какъ въ палкинскомъ трактирѣ
N. N. продулся въ билліардъ;
И какъ, играя такъ на лирѣ,
Мадамъ Трутру пришла въ азартъ
И какъ въ туманѣ милліардъ,
Когда стоялъ онъ на запяткахъ.
Ему мерещился на святкахъ.
Но пуще жизни онъ любилъ
Къ нему летящій чадъ кадилъ
Панегиристовъ-баритоновъ,
Поющихъ гимны въ честь Андроновъ.

* * *

Вчера Андронъ былъ меценатъ,
Сегодня лѣзетъ въ филантропы;
Для улучшенья ретирадъ
Онъ затѣваетъ маскарадъ,
Гдѣ соберутся лишь холопы
Отъ знатныхъ баръ, да съ чердаковъ

Тѣ дамы разношерстной масти,
Что у богатыхъ батраковъ
Умѣютъ грязненькія страсти
Пощекотать, потормошить,
Да и мошну растормошить.
Затѣмъ къ Андрону двѣ княгини,
Да двѣ оглохшія графини
Разъ пріѣзжали дань собрать
На интересныхъ кандіотовъ,
Да на какихъ-то идіотовъ,
Чтобъ не пришлось имъ голодать.

* * *

Порой Андронъ впадалъ въ химеру,
И вдругъ онъ затѣвалъ аферу:
Свиней и поросятъ скупать,
Чтобъ ихъ въ консервы обращать
И за границу отправлять,
Да компаньоновъ разорять.
Скупалъ онъ чахлую скотину,
И вотъ съ червями солонину
Сталъ на рабочихъ поставлять
И медленно ихъ отравлять.

* * *

Полѣзъ Андронъ нашъ въ патріоты,
Пошелъ героевъ онъ встрѣчать,
Имъ бить челомъ, ихъ угощать
И въ честь имъ гимны сочинять;
Далъ гимны положить на ноты,
Ихъ изучая, пропотѣлъ
И, хоть картаво, да пропѣлъ.
Не лѣзъ онъ только въ Вальтеръ-Скоты,
И то затѣмъ, что ужъ охоты
Къ тому онъ вовсе не имѣлъ;
Ну, и затѣмъ, что нашъ пострѣлъ
И безъ того вездѣ поспѣлъ.

* * *

Но удалось разъ въ Талейраны
Ему попасть: вдругъ балаганы
Задумали съ торговъ пустить;

А чтобъ вѣрнѣй ихъ разцѣнить,
Андрону поручили дѣло.
Андронъ тутъ не былъ Митрофанъ
И поступилъ хитро и смѣло,—
Ну, сущій, сущій Талейранъ,—
Онъ такъ повелъ все это дѣло:
И балаганы разцѣнилъ,
Да и себя не позабылъ.
И вотъ на свой кафтанъ плебейской
Какой-то крестикъ нацѣпилъ,
И кушикъ этакой злодѣйской
Себѣ въ карманъ онъ положилъ.

* * *

Андронъ вломился въ театралы,
Вотъ лѣзетъ онъ и въ либералы;
И еслибъ могъ, то въ генералы
Немедленно махнулъ бы онъ,
Хотя, по знанью, и въ капралы
Негоденъ былъ нашъ хамъ Андронъ.
А какъ хотѣлось бы, подъ мышкой,
Ему съ портфелемъ погулять!
Прослыть хоть косолапымъ Мишкой,
Но въ комитетѣ посорать,
Объѣсться кругленькимъ окладомъ
И съѣздить во дворецъ съ докладомъ...
Но онъ въ министры не попалъ,
И потому онъ заоралъ:
«Я — театралъ, я — театралъ!
Да здравствуютъ комедіанты
И водевильные всѣ франты!..
Я—либералъ, я—либералъ!
Долой дворянъ! Я вамъ, дворянамъ!
Сотру васъ всѣхъ съ лица земли,
Чтобы вы больше не могли
Тонъ задавать всѣмъ намъ, мѣщанамъ
И заслонять намъ солнца свѣтъ!..
Пифъ! пафъ!.. Дворянъ ужъ больше нѣтъ».

* * *

И наконецъ,—о, диво, диво!—
Вдругъ забродило наше пиво:
Кабачникъ въ авторы попалъ
И сталъ пописывать статейки
О томъ, какъ раковыя шейки
Онъ въ уксусѣ мариновалъ,
И какъ онъ ими угощалъ
Разнокалиберныхъ героевъ,
Да современныхъ громобоевъ,
Продать готовыхъ свою честь
За то, чтобъ сладко пить да ѣсть.
Итакъ, Андронъ нашъ — литераторъ,
И вѣрно будетъ онъ ораторъ,
Не передъ членами палатъ,
А у жильцовъ лачугъ и хатъ.

* * *

Всего Андронушка понюхалъ,
Дорогу всѣмъ перебѣгалъ,
Во всѣ ворота онъ стучалъ,
Гдѣ только про барышъ пронюхалъ.

Переченъ метаморфозъ.

Итакъ, Андронъ былъ аферистъ
И трехъ-грошевый гуманистъ,
Льстецовъ, воровъ всѣхъ покровитель,
Правдивыхъ, честныхъ разоритель,
Въ карикатурѣ публицистъ,
И чуть-чуть не каламбуристъ.
Скупщикъ чахоточной скотины,
Гнилыхъ консервовъ продавецъ,
Отравы медленной творецъ,
Торгашъ червивой солонины
И на ходуляхъ патріотъ,
И даже русскій Вальтеръ-Скотъ,
Но лишь безъ первой половины.
Для балагановъ — Талейранъ,
Внѣ балагановъ — Митрофанъ;

Андронъ былъ горе-литераторъ,
Наикартавѣйшій ораторъ,
Рябой, курносый меценатъ,
И даже былъ немножко фатъ;
На все плебей Андронъ былъ хватъ,
На всѣхъ путяхъ онъ подвизался.
Глядь: онъ ужъ—рьяный театралъ,
То вдругъ — свирѣпый либералъ,
А болѣе всего — нахалъ,
Который до того зазнался
И такъ нахально завирался,
Что день и ночь о томъ мычалъ,
Зачѣмъ въ министры не попалъ;
За то дворянъ всѣхъ обозвалъ.

Заключеніе.

Какъ угорѣлый, онъ метался,
Какъ вонь, повсюду пробирался,
До тошноты надоѣдалъ,
И все впередъ, впередъ онъ рвался,
А подъ конецъ онъ и прорвался:
Нашелъ на камень нашъ нахалъ
И на торгахъ разъ такъ зарвался,
Что словно во щи куръ попался,
И сѣлъ онъ на мель, точно ракъ
(Знать былъ не умникъ, а дуракъ)...
И затрещали милліоны,
И въ ходъ пошли аукціоны,
И нѣтъ картинныхъ галлерей,
И барскихъ нѣтъ уже затѣй.
Исчезли гимновъ запѣвалы,
И дали тягу подлипалы.
Увы! исчезло все, какъ сонъ,
И съѣхалъ на кнутѣ Андронъ.
И палъ картавый хвастунишко,
И вылетѣлъ въ трубу лгунишко.

Надгробный плачъ.

Андронъ! Андронъ! все въ жизни сонъ.
Со злой тоски «Вечерній звонъ»
Запой-ко ты, авось хоть онъ
Прогонитъ грусть твою, Андронъ!

Андронъ! Андронъ! все въ жизни сонъ.
Но хоть одинъ пусть милліонъ
Къ нему придетъ, — тогда... pardon!
Свой носъ подниметъ хамъ Andron.

Но нѣтъ! тоской злой удрученъ,
Повѣся носъ сидитъ Андронъ
И жалобно картавитъ онъ:
«Прости мой мир(л)ый мирр(лл)іонъ»!

Прошло, исчезло все, какъ сонъ:
Плебей былъ наглъ, но не уменъ, —
И вотъ въ халдеи возвращенъ
Изъ меценатовъ хамъ Андронъ.